

C.COM

КАТАКОМБНЫЙ МЭЙНСТРИМ,
КНИГА ПЕРВАЯ:

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОДЗЕМНОЙ СУДЬБЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПРИТЯЖЕНЬЕ ЗЕМЛИ

“Откуда начинается река?..”

Урок истории

“Так вот моё начало”

Исток

“А мы под землю – сквозь канализацию!..”

Туман на Чатыр-Даге

Устье

Открытие

Интермедия

Действие входа

Действие совсем немного мистическое

ПОКА НЕ МЕРКНЕТ СВЕТ, ПОКА ГОРИТ СВЕЧА...

Пурга на Чатыр-Даге

Никитский Круг

Серёжа и Лёша

Единство непохожих

На Заморова...

Салчак

27 июня каждого года

Друг в далёком далеко

Несколько фотографий

Никитское лето

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОКА НЕ МЕРКНЕТ СВЕТ, ПОКА ГОРИТ СВЕЧА...	4
Пурга на Чатыр-Даге	12
Никитский Круг	26
Серёжа и Лёша	67
Единство непохожих	107
На Заморова...	144
Салчак	157
27 июня каждого года	168
Друг в далёком далеко	196

моих учителей – Александра Игоревича Морозова (с которым не познакомился бы никогда, не выйди моя мама за моего отца и не устройся после переезда в столицу на работу в ГИАП),– а также Владимира Георгиевича Попова.

В 1978 году брак моих родителей распался; спустя 20 лет мама всё-таки вышла замуж за Леонарда Николаевича. К этому времени он уже был профессором, проректором по науке МОГИФКа и защитил докторскую диссертацию. Он принимал активное участие в деятельности тогдашней диссидентской оппозиции; по убеждениям своим эта группа была аналогом современных социал-демократов и представляла собой “внутреннее демократическое крыло” единственной тогдашней партии, КПСС,— именно из этой группы вышли будущие реформаторы нашего государства, включая земляка мамы и папы, последнего Генерального Секретаря в истории нашей страны. В том, что взятый Особым Отделом Белорусского Военного округа в 1977 году, я не получил полновесный “срок” — заслуга моего отца. В том, что я не получил его позже, когда вошёл в радикальную группу “Левый Поворот” — заслуга Леонарда Николаевича Жданова.

: Какие бы беды ни сыпались на меня, какие бы я ни терпел крушения и разочарования по жизни, меня всегда оберегали добрые ангелы-хранители.

: Владимир Георгиевич Попов открыл мне мир вертикальных пещер и мужество диссидентского отношения к любой власти.

Саша Морозов привёл меня под землю. И направил по пути спелеонавтики, разглядев в моём интересе к Миру Подземли “российского Сифра”. Он поддержал мои первые подземные эксперименты и Пребывания; он познакомил меня с Гномом. Гном устроил на работу в Первый Московский Мединститут, на кафедру нормальной физиологии. Что к тому времени получила статус независимого института, возглавлявшегося академиком Анохиным. В моей лаборатории стояла та самая установка Павлова, на которой он проводил знаменитые исследования собачьих рефлексов...

Через год занятий физиологической прибористикой я “созрел” для проведения независимых исследований. В лаборатории нормальной физиологии мне стало тесно и просто-напросто скучно. Однако клеймо диссидента вкупе с отказом родной страны в праве получить подтверждённое дипломом “высшее образование” ставили крест на мечтаниях заниматься спелеонавтикой профессионально: поступить, хотя бы лаборантом или техником, в знаменитый ИМБП, или в “Девятый ящик”,–

: В нарушение гэбэшных запретов Леонард Николаевич Жданов взял меня на работу в МОГИФК, в курировавшуюся лично им Межкафедральную лабораторию. Не моя и не его вина, что запланированные подземные эксперименты и исследования не состоялись,— по крайней мере хочется верить, что моей вины в том (точнее – моего юношеского радикализма, круто замешанного на беспечности) было не очень много. В конце концов, и Леонард Николаевич, и Морозов, и Попов учили меня: *продаваться невозможно ни при каких обстоятельствах.*

: продаваться не умел от природы. А потому опыт такого рода перенимался

легко.

Жаль, что к опыту иного рода – во что бы то ни стало добиваться поставленной цели и всегда отличать второстепенное от главного – я пришёл после смерти своих Учителей.

... когда уходил из МОГИФКа после срыва с огромным трудом “пробитого” и подготовленного экспериментального Пребывания, Леонард Николаевич сказал:

– Я вообще не понимаю, как это ты, ещё толком ничего не сделав – даже абсолютно ничего, да! – дал ИМ материала против себя аж на целых два тома!..¹

: такова была его оценка меня тогдашнего. С которой я теперь, конечно, вполне согласен.

В лаборатории нормальной физиологии I ММИ со мной работала лаборантка Лена (Хелена) Кавалеускайте. По своему русофицированному литовскому отчеству – Клаусовна. Я стал невольным свидетелем её романа с профессором психологии, Главным психологом ГВФ Володей Осиповым – лаборатория была маленькая, и деться было некуда. Под постоянные чаи с бутербродами и тортиками Володя травил байки про “особенности марксисткой критики фрейдизма” и прочее в том же духе; Лена рассказывала о своём замечательном отце, геологе-полевике, который все тропы в Карелии знал, “как свои пять пальцев” – и кажется, все тропы в Восточной Сибири, на Алтае и на Чукотке. В шестьдесят лет сто раз крутил на турнике “солнце”, был способен усмирить невменяемого бича – и так далее. Я, естественно, ведал о Подземле, – на том уровне, на котором её тогда понимал [о загадках САЯ под снисходительные комментарии Володи, в частности] и о геройских товарняковых хаджах по просторам 1/6 части суши. В общем, повествования наши дополняли друг друга.

Как-то Володя с тоской поведал, что с удовольствием бы бросил “всю эту тряхомудию” к чёртовой матери, как бросили многие его друзья, уехав в заброшенные деревни Архангельской области, – да вот беда: “внутренняя эмиграция” – не выход.

– А что “выход”? – поинтересовался я.

– Выход очевиден. Только вариантов нет.

– Отчего же? – отозвалась Лена. – Мой отец, например, просто ушёл по тропе через карело-финскую границу. Сейчас в Швеции, на пенсии. При необходимости консультирует одну известную геолого-разведочную компанию. Но это только оттого, что без дела сидеть не может – у тётки моей, его

¹ Столько “весило” к тому времени “дело”, заведённое на меня в КГБ. Допуск к которому Леонард Николаевич получил, используя свои “почти официально-диссидентские” связи. Не могу сказать, что он ознакомил меня со всем, прочитанным там – физически это было бы не возможно – но наиболее важные, с его точки зрения, моменты поведаны были. Что заставило меня осторожнее относиться к лицам, рядившихся в те подлые годы в личины “друзей”. Но не повлияло на моё мировоззрение.

сестры, преуспевающее производство. На несколько десятков миллионов. Если в долларах мерить. Так что коль есть желание... Отец с той стороны границы встретит.

: Через три месяца они мне прислали открытку из Швеции. Естественно, не по почте – через знакомого.

К тому времени я уже был знаком с Владимиром Львовичем Туриянским. Его книга «Не спрашивай, куда...» – слегка завуалированное повествование о своей биографии и биографиях ближайших друзей – вышла позже, в начале девяностых годов. Главного героя её зовут Клаус. И уходит он в финале книги на Запад через карело-финскую границу.

— *Я читал эту повесть с двойным восхищением: оказывается, я дружил с дочерью Персонажа одного из любимых моих Авторов...*

История эта аукнулась мне через восемь лет – когда пришёл вызов из Швеции на участие в международных соревнованиях по автостопу; вызов был не от Лены с Володей, от моих друзей, “вполне шведских” по происхождению — тем не менее, гэбуха трепала мне нервы с поездкой чуть-ли не год, пока смысл поездки не исчерпался. И только потом выпустили. Ибо в 1989 году уже не было смысла “не выпускать”.

— Забавная деталь вспоминается каждый раз, когда память моя обращается к этой истории. Если моё знакомство с Леной и Владимиром Туриянским *совпадение*, – что же тогда эта небольшая подробность?.. Жил я во время работы в “нормальной физиологии” близ станции метро Юго-Западная, в модном в начале семидесятых годов квартале Тропарёво. Институт Нормальной физиологии находится в центре Москвы, за гостиницей “Националь”. Соответственно, для движения в сторону дома я пользовался красной веткой метро, погружаясь в него на станции “Проспект Маркса”. Рабочий день в лаборатории не нормирован, закончиться может и в час ночи, и в 12 часов дня. Как закончится какое-то исследование, эксперимент. То есть в метро я спускался в самое непредсказуемое время. **Но каждый раз в течение года, то есть за всё время работы в лаборатории, КАК ТОЛЬКО СТУПАЛ НА ПЛАТФОРМУ, ВИДЕЛ СИНХРОННО ЗАКРЫВАЮЩИЕСЯ ДВЕРИ ПОЕЗДА, СЛЕДУЮЩЕГО В СТОРОНУ “ЮГО-ЗАПАДНОЙ” —**

Под соответствующую ‘объяву’ машиниста.

– **Исключений НЕ БЫЛО.** Даже несколько лет спустя, вновь оказавшись на “Проспекте Маркса”, испытал почти забытое дежа вю. Традиция умирает лишь с переименованием станции: “Охотный Ряд”, судя по всему, *эзотерически уже совсем иное место.*

И претензий ко мне – в отличие от основоположника мирового коммунизма с одиозного цвета веткой метрополитена – не имеет.

... Тропарёво – удивительный квартал Москвы. Он более, чем наполовину сложил Никитский Круг, и был славен тем, что селились там просто замечательные люди. Кэп – Вовка Брагинский, один из “отцов-основателей” нашего УМ, был младшим сыном известного сценариста Эмиля Брагинского, друга

Эльдара Рязанова. В том же доме жили Станислав Любшин и Галина Ненашева; в соседнем – мамыны друзья Егоровы.

Юра Егоров работал кардиохирургом в той же больнице, что Давид Шагал, отец Виктора Шагала. Но это ещё не сплетение судьбы – тем более, что об этом я узнал позже. Как и о том, что Катя, первая жена одного из гран-бардов Никитской Системы, Асия, после окончания медучилища “совершенно случайно” распределилась медсестрой в отдел, возглавляемый Давидом.

Юра – очень весёлый человек. Настолько весёлый, сколь и замечательный хирург. Летом 1972 года им выдали внеочередную премию; была *просто страшная жара* [горели леса Подмосковья и торфяники Шатуры – от висящей в воздухе дымовой завесы было некуда деться] и в соображениях, где бы им от неё укрыться, бригада выбрала Сандуновские бани. Дальше, естественно, было выпито. Затем встал вопрос: бассейн, конечно, хорошо – но море лучше. «Какие проблемы, ребята? Помните, мы на той неделе делали пациента из Гагр – как он умолял нас навестить его! Думается, сейчас самое время проверить здоровье пациента!»

– И бригада хирургов, “находясь в предпоследнем состоянии сознания”, рванула на машине скорой помощи во Внуково. Где, размахивая удостоверениями, погрузилась в ближайший самолёт до Адлера. Так и не приходя в сознание. А дальше они не приходили в сознание несколько дней по причине абхазского гостеприимства. Потом по одному начали вылетать в Москву.

К моменту возвращения Егорова конвейер был накатан: ковёр у начальства, строгач, лишение премии, перевод на должность ниже.

: “Банный пролог” этой истории был использован Эмилем Брагинским в одном из самых известных его сценариев. Ибо я пересказал её Вовке, – тот поведал отцу...

: Фамилия одного из любимых моих персонажей – дань этому замечательному человеку.

А теперь начинается самое настоящее сплетение судьбы. В котором не понять, не различить: Мэйнстрим-ли это всей нашей жизни — или случайность. Случайность, которая просто не могла бы реализоваться – если бы “тер. вер.” имела хоть какую-то ценность в моих писательских глазах. Точнее, ‘язвили-нах’.

: В 1999 году после моего очередного выступления по радио, касавшегося спелеотерапии и спелеонавтики, мне позвонила женщина с просьбой взять её сына под землю. Вообще-то после подобных выступлений просто одуреваешь от телефонных звонков (особенно, когда звонят люди с тяжёлой формой туберкулёза или астмы, притом преклонного возраста, и помочь ты не можешь им ничем, кроме как дать адреса немногих московских камер спелеотерапии: брать под землю больных я не имею по закону никакого права, пусть даже буду стократно уверен в положительном эффекте от посещения пещеры), – но тут почувствовал, будто кольнуло что-то: это тот самый случай, когда надо сказать “да”.

И я взял. В качестве испытания – на вскрытие Ебазара. Так что посещения

пещеры не получилось,— впрочем, парень ни в каком лечении не нуждался. Он просто хотел узнать, что такое спелестология, а куда обратиться, не знал.

“Его звали Роберт” – крылатая фраза. Мало у кого в нашем Кругу есть ньюнэйм из трёх слов.

: Роберт стойчески перенёс тяготы вскрытия Системы и горечь того, что вскрытие завершено не было. Разделил с нами последовавшую мистификацию, своего рода “проверку на вшивость” тогдашнего спелеокруга. Затем мы на какое-то время расстались: вначале лето не позволяло состыковать наши планы, затем учёба Роберта. Однако, музыка для него, как и для каждого из нас – не пустой звук. На одном из концертов «Зимовья Зверей» в луферовском “Перекрыстке” – тогда ещё не уничтоженном налоговыми поборами и прекрасно функционировавшем – он познакомился с Сашей Альбовым и его музыкально-эстетской компанией. И органично слился с ними.

Я в это время пребывал в депрессии после очередного развода. Так что партнёр по посещению Подземли из меня был никудышный. Тем более, в качестве некого “воспитателя”. Потому Роберту не звонил и новых поездок, даже в близкие Никиты, не предлагал. А под землю ему очень хотелось. И Сашка сказал Роберту: делов-то! Мои родители ходили в своё время в одну пещеру под Домодедово, и даже пару раз брали меня с собой,— пойдём и мы.

И они всей своей компанией пришли в Никиты. Где с удивлением встретили нас – Саша много раз видел меня в “Перекрыстке” на концертах за видеокамерой или звукооператорским пультом, и мы даже здоровались,— но он предположить не мог, что я как-то связан с Подземлёй. Я в свою очередь был изумлён тем фактом, что Саша Альбов, казавшийся мне “типичным музыкальным эстетом нового времени”, оказался, пусть и через своих родителей, как-то связан с нашими Никитами. И с удивлением и не меньшим удовлетворением заметил, что судьба всё-таки привела Роберта в Никитский Круг.

А через какое-то время случился очередной “шагал”.

И я с изумлением узнал, что мама Саши Альбова, как и его отец, были дружны с Виктором Шагалом. Что они до сих пор постоянно общаются с Лидией Ефимовной – мамой Виктора...

И что Володя Капгер – мой давний добрый каэспэшный знакомый и автор прекрасных жанровых песен – оказывается, тоже их близкий друг. И тоже ходил в Никиты,—

: мир замыкается, замыкается, замыкается – и уже не различить, кто кого куда приводил, с кем знакомил,— остаётся удивительное чувство, что все мы были обязаны стать вместе, потому что на каком-то, нам не видимом уровне, это давно свершилось —

* * *

: Берега нашего Подземного Мэйнстрима отождествляет Поверхность. Точнее, не она – все мы равно любим что глубины Никит (и иных пещер), что леса и горы над ними. Иной раз невозможно разделить Пещеру и Место её

нахождения, находки, вскрытия,— стационарный лагерь на поверхности и подземные базовые лагеря, без которых трудно представить настоящее изучение пещеры. А потому для многих из нас лесной массив Никитского плато, старицкие каньоны и горные ландшафты Загедана, Алека, Кырктау, Кугитанга, Чатыр-Дага, Караби и Бзыби неотделимы от их подземных глубин,—

: Берега нашей подземной реки определяет Город.

Его социальные мороки. Учёба, работа, быт. Родители, дети и жёны с нашими обязанностями перед ними – и наша слабость перед прессингом, неотделимым от мутного городского бытия. От невольного соучастия в том – “хотим мы этого, или нет” – что называется Государством.

Из первой моей “подземной команды” лишь я продолжаю более-менее регулярное общение с Миром Подземли. Игорь Зеленков – Первый Никитский Мамонт – после службы в армии под землю больше не возвращался. Армия вообще необычайно ломает людей – если не сказать: калечит, и физически и духовно — говорю это, как сполна отдавший родине “долг, которого не брал”. Из, наверное, ста отслуживших спелестологов и спелеологов к миру былого смысла жизни возвращаются единицы. Конечно, цена этим единицам ‘более, чем десяткам отсеявшихся’, – но кто может судить об этой “цене”, как?..

: Умирает Наполеон, и является к нему Ангел-Хранитель. Мол, пошли, Время. Наполеон спрашивает: действительно ли он был самым выдающимся полководцем всех времён и народов? “Нет,— отвечает ему Ангел,— самый великий полководец всех времён и народов живёт в этом городе.” “Покажи мне его!” Берёт Ангел дух Наполеона за руку и скользит с ним куда-то в сторону городских трущоб. Останавливается у подвального окошка, за которым сидит полупьяный сапожник. Видно, что сапоги ему делать не в радость, и получают они у него фиговенькие. «Вот,— говорит Ангел,— Самый Великий Полководец Всех Времён и Народов. Но он об этом не знает...”

Лёша Иваненко – Дизель и крёстный отец самого словосочетания “УМ” – в 1979 году пошёл “служить отчизне”. Вылетев за банальную неуспеваемость из “керосинки”, избрал карьеру комсомольского инструктора, гарантированно спасающую от ‘двойки пешей’ иль ‘тройки водной’. Дальнейшая биография выгодно сочетала женитьбу на дипломатской дочке, трудящейся стюардессой на линиях “Москва/Токио” и “Москва/Кипр” и покупку кооперативной квартиры на деньги родителей. Потом, естественно – некое комсомольско-совместное предприятие. Которых “под перестройку на халяву” развелось в нашей стране, как мух на навозной куче. Потом отслеживать его биографию мне стало не интересно.

С Татьяной Ведьмой мы рядом до сих пор, и даже живём по-прежнему неподальёку друг от друга,— но четверо детей, городская квартира, работа в социальной помощи и дом, что она “с нуля” подняла своими руками в калужской Угрюмовке — всё это не оставляет места совместным визитам под землю. Но в гости друг к другу мы всегда приезжаем с охотой и радостью.

Борода после армии вернулся в родные Никиты. Казалось, мир Подземли и связанный с ним Никитский Андеграунд (что органично сочетал прикольное

веселье и занятия строгой наукой, спелестологические поиски и свершения – и любовь к Слову, к Музыке, – вне жанров и стилей) для Сергея составляют не часть жизни — саму жизнь. Но на сломе нашего хождения в середине восьмидесятых он как-то незаметно окунулся в алкоголь. И “диванную философию”, выгодно объясняющую, что во всех наших бедах и горестях виноваты кто угодно — только не мы сами. Что “раньше было лучше, а сейчас что-то не то...” Философия – удобная штука. Но преотвратительнейшая, коль объясняет что-то задним числом, а не ведёт тебя вперёд. Тянет на дно депрессии и самопрощения — но не помогает плыть и выплыть из засасывающего водоворота.

: Спустя десять лет от бывшего человека осталась тень. Но мы всё равно рядом (иной раз даже вместе; к сожалению, понятие “вместе” зависит от встречной воли двух людей), – и даже иной раз вместе навещаем родную пещеру. Сейчас Сергей вроде бы поднимается, стряхнув с себя многолетнюю оторопь — насколько реален этот его подъём, покажет только время.

В конце концов, на Подземле свет клином не сошёлся (признаю игривость этого выражения относительно мира вечного мрака) — со многими своими бывлыми партнёрами по миру пещер я ныне общаюсь/встречаюсь лишь в городе. Например, с Таней Ves(t) и Лёшей Константиновым, с Шуркой Асисяем, Золушкой, ЮДА, Крысой, КНЭД –

: каждому из них “неумолимое время” – точнее, городское бытие – дало знать: что являлось смыслом жизни, было увлечением. Формой досуга, “когда мы были молодыми...” Городские берега нашей жизни показались прочнее и твёрже несущего непонятно куда спелеомэйнстрима. За рассекание в потоках которого “вольным стилем”, кстати, “по головке не гладили”, — о, сколько моих друзей прекратило общение с Подземлём под угрозой отчисления из института, “зачисления в сапоги”, – в конце концов, после первого же ‘собеседования’ в Особом Отделе по месту работы!..

— “во времена былинные, теперь почти далёкие”...

: Выбрасывались на городские мели и утёсы, как ластоногие. Как лемминги в океанский прибой. Но ластоногим суждено плавать; леммингам заказано нырять в океан. Городское бытие, может, и состоялось *внешне* – и пусть не измеряется оно зарплатами и квартирами, машинами и дачами, навороченной бытовой техникой и какими-то “работными карьерами”, –

: *отчего при каждой встрече эти друзья – в городских киотах или окоёмах Никитского леса на слёте памяти Вити Шагала, как одну и ту же пластинку, крутят монотонный рефрен — “а помнишь...”?..*

Наверное оттого, что выбросились на чужой берег. Застряли на нём без движения. И спустя время кое-что поняли в этой жизни —

— только поток уж унёс нас, плывущих, далеко-далеко. В иные миры и страны. Пронёс через новые события жизни – открытия, поиски, приколы, свершения, праздники, –

: слушать тоскливый ностальгический рефрен по *ими утерянному времени* нам, свободно плывущим в нём и ничего не потерявшим, всё горше и горше.

Что бы ни объединяло нас в этой жизни кроме славного прошлого и кроме нынешних увлечений,— теорий, взглядов и как бы единого мировоззрения...

— Кажется: добровольно выбросившись на городские берега нашей жизни, эти люди не просто что-то потеряли. *Они не приобрели.*

* * *

— Не буду продлевать глупую философию на мелком месте.

А начну свой рассказ с события, что предшествовало сложению Никитского Круга — и предопределило его в не меньшей степени, чем эпизоды, поведение в первой части моего повествования:

ПУРГА НА ЧАТЫР-ДАГЕ

“Разбегаемся все — только смерть нас одна собирает...”

: А. З. Мирзаян

Самым молодым участником наших поисков тела Шкварина был Виталик Марченко.

— *стою на ветру, глотая слёзы.* Отвернувшись от всех, в порывах резкого, холодного ветра —

: *такой же ветер дул каждый день на Плато, когда мы его искали.*

Дул — когда со снегом, когда с дождём; в иные дни гнал “обезьяну”. Знаменитый чатырдагский туман...

...: рядом с ребятами, что помогали нам в поиске, неприметный Андрей Решников. Он тоже был *там* — в неудобных крымских горах и непогоде. Росточка ниже моего, сторбленный,— казалось немислимым чудом, что он носит тридцатикилограммовые рюкзаки, запросто ввинчивается в любой шкурник — и также просто идёт по верёвке. Что вверх, что вниз. Удивительный человек,— интеллект которого не уступает подлинной Силе Духа...

: мысли сбиваются, влекутся неведомо куда — лишь бы не думать о том, почему мы собираемся здесь. У серой глыбы здания института патмедицины и патморфологии,—

: лишь бы не повторять по кругу. Постоянно, одно и тоже имя. Вет. Виталик. Веточка.

— он появился в нашей компании летом 1979 года. *“Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова...”* Путь неисповедим — не смотря на его замысловатость. Я был из Дворца и SCO; я ходил в Никиты и работал после армии в НИИ “ТИТАН” радиомонтажником.

В соседнем цеху за токарным станком вкалывал Лера². Лера входил в одну эскашную группу с Валерой Чукаевым, чей дед со стороны отчима был первым председателем никитского колхоза. В Никиты Чук ездил часто. < Почему мы не встретились раньше – загадка. Впрочем, особого паломничества в Никиты в те годы ещё не было; без конкретной нужды группы старались не пересекаться. Даже если оказывались в Системе в один день. > В этой же группе были Вадик Калошин, владевший гитарой и голосом своим так, словно получил этот дар от некой феи, и Сергей Скворцов – удивительно добрый двухметровый гигант с нюнэймом Скворешня...

А в одном подъезде со Скворешней жил Виталик.

: Вет. Веточка. Так что всё было неизбежно. Встретиться этим летом нам было суждено – и не встретиться мы не могли. Нас с Лерой послали на сельхозработы в колхоз в Фаустово; недалеко от занимаемого нами барака высились руины монастыря с явными обрушениями подземного хода. Перехватив пристальный и очень своеобразный взгляд Леры в направлении провальной воронки, которую гипнотизировал сам (или она меня; это, с какой стороны посмотреть), спросил: – Что, тоже ходишь под землю? “А что, заметно?” – раздалось в ответ. Решив копать, на ближайšie выходные “свистнули своих” — со стороны “Уэма” приехал Разгильдяй Белкин; к Лере подтянулись Чук, Скворешня и Калошин. Со своей прекрасной гитарой.

И Виталик.

Ход копали весело. Так же весело приняли тем же вечером, точнее, ночью, участие в грандиозной драке с местными – в результате которой поняли: вполне можем положиться друг на друга. Во всём, от работы до отдыха.

На следующие выходные мы, естественно, “рванули в Никиты” — ибо связующих нас нитей оказалось слишком много, чтобы мы смогли их оборвать. Так всё получилось. Не могло получиться иначе – лишь быстрее.

Ведьма подошла позже, – смазанные глаза, чёрный платок...

... через пять лет нас с Ведьмой поссорит банальный стукачёр-провокактор. Купившись на его лесть и ложь, я поверю всему, что он скажет. В том числе о Ведьме и о ЮДА. Прозрение будет равняться боли. Сделать первый шаг к примирению окажется нелегко. Не сразу, но я сделаю это. Теперь общаемся дружим снова, – и даже вновь, через все наши переезды, замужества, разводы и смены квартир — живём рядом. Не так далеко друг от друга.

Размолвка с Юрой будет короче – ибо он первым сделает Шаг Навстречу.

Ощущение своей вины-ошибки давит до сих пор, – не смыть и не устранить никаким мемуаром. В том, что поверил какой-то случайной, пусть и

² Спелеогруппа в семидесятые/восемидесятые годы считалась “спелеоне-полноценной”, если в ней, как минимум, не было одного хорошего токаря. Ибо ни один из элементов снаряжения, необходимого для исследования пещер, не производился нашей промышленностью – буржуйское же ‘железо’ по определению было нам недоступно. Так вот: Лера был не просто *классный токарь*, – снарягу, созданную им, можно было смело отправлять на любую международную выставку.

сладко певшей, мрази — и не поверил Друзьям. И так же давит давнее сомнение: что же, что мы все сделали не так — что потеряли Виталика?..

Рядом с Татьяной — Крыса. Лицо не узнать. Лицо другое, не её — опухшее, старое. Серое.

: Гена Кузнецов, свалив на лето в вертикальные дыры Кавказа, оставил на наше попечение свою сестру Ларису. С очевидно-естественным, в то время, ником. Опять же о совпадениях: в мае на Кавказ весьма удачно съездил я (ледниковые пещеры Шхельды и Ирека уж несколько лет не давали мне спать спокойно); в июне Бзыбь и Алек посетили Скворешня, Лера, Чук и Калошин. Взяв с собой Виталика. Для него это были Первые Горы, и Первая Вертикальная Пещера.

Теперь в этом направлении умотал Кракодил — Крысе осталось слушать в тишине никитских гротов наши рассказы и байки о местах, покоряемых её старшим братцем. Впрочем, “тишина никитских гротов” понятие весьма относительное: *с гитарой и голосом Вадима...*

Но Крыса слушала. Не нас, таких ответственно-старших (известно: меж шестнадцатью и двадцатью двумя годами разница в возрасте много больше, чем меж сорока и пятьюдесятью), — раскрыв рот, Крыса слушала Виталика. Почти своего ровесника — ибо было ей тогда около 16; Вету 15. Примерно. Долго этот обмен взглядами Ведьма вынести не смогла. И “по секрету” обмолвилась Крысе, что Виталик от неё без ума — “чего теряешься, дура?” Аналогичное замечание было сделано Вету.

: Всю ночь перед следующим выходом в Никиты он шил двухместный спальник.

— Только: что их было сводить? Они ж и так *просто летели* навстречу друг другу...

: Опять же, *всё было решено*. Предопределено — свыше. За нас. Но, конечно, не без учёта нашей воли.

...: год она будет встречать каждый приезжающий на ‘Курок’ поезд из Симфи. Не веря, что Виталик погиб. Там встретится с Максом Силикатским. Они поженятся; сына назовут Виталиком. Сейчас ему 20 лет, и он пришёл к нам в Никиты. Он удивительно похож на Вета, — почему, непонятно. Казалось бы, такое невозможно. Но, наверно, бывает.

Треугольником с Ларисой и Ведьмой мама Виталика. Треугольником, как бы вместе, и как они — но одинокая, тоненькая, чёрной тростинкой на холодном ветру, —

...: странное сочетание солнца, яркого света — и холодного, до озноба пронзающего ветра. Холод. Боль. И ветер.

... *с Вадимом Калошинным мы все перестанем общаться через несколько лет. Поскольку у каждого будет Семья — и неожиданно выяснится, что пускать Вадима в Дом, если ты не враг своему семейному счастью — НЕЛЬЗЯ. К сожалению. Когда Ведьма рассказывала, что Вадим у неё в гостях (будучи, естественно весьма и весьма под градусом) приставал ночью к холодильнику на кухне, — “ну что ты моя, такая холодная...”, — незнающие полагали, что это обычный костровой трал.*

Никто ни с кем не разговаривал – стояли порознь. Молча. Каждый в себе. В разговорах проку не было. С одной стороны – уже; с другой – ещё.

: Потом, когда пройдёт всеобщее оцепенение и страшный ступор потери, *разговоры пойдут* – появятся доморощенные дознаватели и следаки-пинкертоны, – потянутся цепочки рассуждений и выводов... Чем дальше стоял от этой последней поездки Виталика человек, чем меньше он знал Виталика – и чем на большем расстоянии держался от нас, когда мы объявили: всё, надежды на крымских муделей нет, нужно ехать *искать самим*, –

... тем, естественно громче будет звон. И хай, поднимаемый ими.

Чук стоял ближе к гробу; рядом с ним Дима Мс'о'гопов³. Он первым увидел тело Виталика, – потом сопровождал его в Москву...

: Он избрал вертикальные пещеры; я – через какое-то время – сделал свой спелестологический выбор. А потому мы не встречались, не виделись двадцать лет — до столь неожиданного (и такого славного) прихода Димы на наш очередной слёт Памяти Виктора Шагала в 2002 году... *Когда за прополовшими нас ветром перемен и вычитающей косой времени мир сжался, стал до боли компактен*, –

... подошли Завхоз с Ольгой.

– через год он бросит её с только что родившемся сыном. Уйдёт из любимого “универа” – но через какое-то время вернётся. Уже на другой факультет. “Зигзаги развития Личности”? Наверное. Чужая душа – потёмки; дай-то Бог в своей разобраться... Каждого из нас жизнь кидала порой и подкидывала, – каждый, сам того не желая, кидал и подкидывал тех, кто был рядом. Через год Завхоз обвинит всех, ходящих в Никиты, в Экологическом Преступлении против любимой Системы; с его “подачи” Пиф взорвёт Сапфир. Оба они разругаются с ЮДА, – смертельно-жутко, – ещё через какое-то время “как бы помирятся”... Лет десять спустя. Сашка Кант, с подачи Завхоза, объявит меня Главным Никитским Стукачом. Тоже потом, после. Завхоз и Кант навсегда уйдут из Никит; Пиф продолжит хождение – один, ни с кем не встречаясь и не общаясь. До самого последнего времени.

– Подошли ЮДА и Пиф. И Лёшка Лисицын с Кантом. Весь состав “Вандерерсов”. Борода трубил в сапогах; Танк учился в ТашГУ. На восточном отделении. Мамонт Первый ещё вчера принял столько, что на телефонные звонки не реагировал.

Но Дизель приехал. “И то хлеб”. И приехал Андрюша Белкин.

: Остатки “Уэма” собрались полностью. «Разбегаемся все – только Смерть нас одних собирает...»

: Дизель уже не ходил под землю. Но в городе встречались довольно часто – наверное, по инерции. В достаточно скором времени он женится на дочке

³ Согласно желанию Димы, не упоминаю в этом тексте его фамилию – но могу сказать, что *тогда* он был старше Виталика всего на несколько месяцев. Даже не на год.

известного дипломата,— она летала стюардессой на линии “Москва/Токио” и “Москва/Никосия”. Папа у Дизеля — “наш дипломат в Иране”. Так что эта свадьба была предопределённой. Было-ли также предопределено, что Лёшка подастся в “комсомольские инструктора” — лишь бы, завалив сессию в институте, избежать призыва в армию,— не знаю. Гадать не намерен.

Белкин уже через год заявит себя Крупнейшим Разгильдьяем Века — декабрьский хадж на Понеретку прославит его, как специалиста в области приготовления яичницы; ноябрьское купание в Рожайке против никитского входа — как Непотопляемого Водолаза...

Устав от его непредсказуемых приколов и духодробительных подвигов, предпочту иного типа общение. Но пока мы стоим вместе, рядом. Мысленно даже — плечом к плечу.

: “Уэм”, “Вандерерс” и группа Валеры Чукаева. SCO.

... приехал отец, которого Виталик не видел, наверное, лет десять. Стеснительно стоял на грани кадра, что-то выпрашивая у Тусующихся Поодаль, в свободно-вольной сторонке: как бы и здесь, что видно-памятно — и так, чтоб не напрягаться участием. Что они могли поведать отцу, непонятно.

: На любых похоронах находятся такие ведальщики. Ко мне отец не подошёл — наверно, у меня *действительно было* такое лицо, что подойти ко мне было боязно.

Как мне потом сказали.

Потом, когда наши, почти ежевечерние визиты к маме Виталика станут нормой круга общения — эти сторонне-сочувствующие заполонят тихий когда-то дом и превратят его в разновидность клуба знакомств и престижной тусовки.

: Воля ваша. Перестану появляться там, исполняя роль свадебного генерала-затейника. Актёром никогда не был. “*Просто тихо и бесшумно за собой закрыл я дверь...*” С прекращением моих визитов к Светлане Степановне оборвётся связь со Скворешней и Лерой. Жалко.

— Незаметно-тихо подошёл и остановился невдалеке Странник. Иначе, чем те, что скучковались стороной демонстративной — “светиться” участнику “Левого Поворота” было ни к чему. Но было правильно, что он приехал.

: Виталик, в сущности, *не успел* сделать для нашей группы и журнала ничего *очень важного* — коль не считать помощь в проведении первой подземной диссидентской конференции...

Но и такие вещи стоят того, чтобы о них помнить.

Здоровенный Скворешня и Лера подняли гроб с одной стороны; мы с Чуком с другой. Мне приходилось вытягиваться, идти на цыпочках, чтоб упереться плечом...

Чук рассказывал, как его “сводный дед” валил в начале шестидесятых годов Никитскую церковь. Чтоб сделать из её белого камня столь необходимую для общества победившей голытьбы силосную яму. Яму, понятно, так и не сделали. Церковь развалили. И мельничную запруду против входа в Никиты — до кучи.

: Чук тоже играл на гитаре,— собственно, это было нор-

мой в нашем тогдашнем кругу,— пел Кима и Галича. Как и все мы, не чурался анекдотов про ‘гноереального секретаря’. Вместе ездили на Чимган, после Фестиваля исследовали плато Акбулак в поисках вожделенного карста. В разгар поисковой экспедиции, сулящей трёхкилометровой глубины Мировых Рекордсменов, Чук свалился с температурой около 42°; тело окаменело, сознание отключилось. Лёша Шишов, принимавший со стороны группы “Кенгуру” участие в нашем *свободном поиске*, бегом кинулся в далёкую Бричмуллу за машиной “скорой”; я при помощи случившейся рядом группы ленинградцев, потащил Чука вниз. С плато. К окончанию дороги. Первые километры несли ленинградцы — они же оказали Чуку всю медицинскую помощь, что смогли; в составе их экспедиции был врач,— но ребятам в этот день нужно было спускаться вниз, “горели” билеты на самолёт — ясно было, что до самой дороги помочь они не сумеют. А потому после очередного привала отправил их обратно и взвалил Чука на себя. Километры узкой горной тропы, ведущие вниз, проходятся не легче, но быстрее, чем те же самые километры вверх. Даже с таким грузом. Главное было — не потерять темпа, не остановиться и не упасть. Встать бы не смог.

... Врач “скорой” сказал, что я на 15 минут опередил Костлявую. Думаю, половину этого времени дал лёшкин марафон — по километражу не сильно уступавший древнегреческому.

: Мне пройти нужно было раза в три меньше.

Через год Чук сдаст меня в ГБ. Его “подловили” на гомосексуализме — и обязали стучать.

Гадать, когда и почему произошла с ним сия странная метаморфоза, не берусь. Возможно, что и не происходила,— в каждом из нас Вселенная, каждый видит наш Мир по-своему — что для меня представляется невозможным иль противоестественным, кто-то берёт, не задумываясь.

— Было солнечно; лужи талого снега, апрель — но ветер продувал насквозь,— хотя, может, и не ветер это был, и не от ветра знобило — *не от того ветра, что дул по ногам — а от того, что подкашивал под ноги* — это был такой страшный удар, а солнце продолжало улыбаться, плаваясь в асфальтовых лужах,—

— как раньше улыбался он, он ведь всегда улыбался,— самый младший из нас,—

... какие-то слова говорились — и уносились; не слышал за душившими слезами и злобой — день вчерашний стоял сартровским кошмаром: звонки, звонки,— каждый телефонно-звонящий *теперь беспокоился*, как он погиб, как мы его нашли — сил и желания говорить не было, но **приходилось рассказывать**: сквозь слёзы и боль — повторять, повторять, повторять...

... Решив “проинспектировать” северные окоёмы Подмосковья на предмет рукотворных пещер, летом 1979 года поехали в район Яхромы. Лагерь экспедиции устроили у тамошнего села Ильинское. Обшаривали овраги, навалы явно бутового камня по их бортам, искали следы “точильников”. Обычный свободный поиск. Виталик должен был присоединиться к нам чуть позже. Опоздал на несколько часов против заявленного срока; когда ж, наконец, появился в лагере,

объяснил причину задержки:

– Понимаете, какие тупые люди здесь живут: спрашиваю у каждого встречного, как пройти к селу Никитскому – и ни один дорогу объяснить не может!..

– Так ведь до Никитского отсюда далече...

– А как же тогда, чёрт побери, называется эта деревня? – жест на дома за рощей.

– Эта деревня, Виталик, называется “село Ильинское”...

: “никитская кода”. Любимое место – Никиты. Когда начал писать “Свободный Поиск”, и секунды не раздумывал над их географическим псевдонимом — спасибо Вету.

До “шкваринской поисковки” он был у нас на положении всеобщего любимца. Воспитанника. В шутку называли его “кадетом”. «А теперь, уважаемый кадет, ваша очередь мыть посуду. И готовить обед. И вообще дежурить по лагерю — мы уходим творить Её Величество Навеску.»

– Есть!..

: дело происходит на хребте Алек. В одном кане Вет готовит роскошный борщ; в другой сваливает грязную посуду, оставшуюся после завтрака. Для “чистоты помойки” заливает кан с грязными мисками водой и вешает над костром. Борщевой же, поскольку блюдо готово, дабы не переварить мясо, снимает и ставит чуть в стороне – укутывая спальником. Сам же отправляется за дровами. Возраст – 15 лет.

Пока отсутствует, в лагерь возвращаются Чук и Скворешня. Голодные и столь же уставшие. Снимают с костровой перекладки кан и, не найдя своих мисок (очевидная мысль: дежурный унёс мыть к ручью), начинают рубать прямо из кана.

Появляется Виталик с охапкой дров. “Как вам борщ?” – “Для кадетского уровня почти съедобно. Но жидковат. И непонятно, какого чёрта ты утопил в нём наши миски???”

– Какие миски?

– А вот эти самые...

: Бзыбь и Алек были его первым спелеокрещением. Вскрытие Курьей – вторым. Поиск тела Вани Шкварина третьим.

При транспортировке тела Шкварина, – как и при предшествующем трёхсуточном прочёсывании Системы – он работал наравне со всеми. До этих тяжелейших трёх дней положение общего воспитанника его устраивало.

Теперь он ощутил себя взрослым.

В нашем кругу не принято хвастаться личной “крутостью”. Ощущение *собственной значимости* всегда внутреннее, исключительно индивидуальное чувство. Конечно, оно не может не проявляться так или иначе, – коль проявляется в несоответствующих масштабах, становится смешно.

: После “шкваринской поисковки” он почувствовал себя наравне с нами со всеми. Но ощущение это нуждалось в некоем овеществлении; в том, как он слушал наши рассказы о зимних “крутых” экспедициях в Горный Крым, в тамошние “вертикалки”, было много здоровой зависти. Как казалось нам. Это

было ошибкой – но никогда не знаешь заранее... И потом: что, в его присутствии нужно было замолкать? Смешно. И странно.

– Здесь я должен кое-что пояснить. Дело в том, что мы-то ездили на Караби и на ‘чердак’ зимой *вынужденно* — лишь оттого, чтоб не встречаться со зверствовавшими в то время в Крыму пантюхинскими “спасателями”. Только зимой, кода они отсиживались по тёплым квартирам, и можно было что для нас, что для таких же, как мы, местных “диких” спелеологов, покорить замечательные пещеры Горного Крыма. Ничего от безбашенной удали в наших поездках не было – это была суровая необходимость, продиктованная сволочной совдеповской эпохой. Конечно, каждая такая поездка прибавляла нам *столько опыта*... Кто бывал зимой в горах Крыма – знает, что я имею в виду. Собственно, из этих поездок и выкристаллизовался опыт зимнего посещения кавказских “вертикалок”, – так что любители грабежа незарегистрированных групп оказали московской теневой спелеологии очень большую услугу.

И вот Виталик загорелся идеей совершить одиночное путешествие в зимний Горный Крым. Чтобы доказать – не нам, самому себе! – что он “не слабее”. Что он – настоящий. Взрослый.

: Такая вот мотивация. Поскольку слышал её от Виталика сам – не сомневаюсь в точности.

Потом, спустя почти 20 лет, у меня состоится некий “разговор / не разговор” с одним человеком. Причастным к смерти Виталика – а потому “не разговор”. Но до того считавшимся моим другом — а потому, всё-таки, разговор. Желание узнать правду окажется сильнее отвращения, – приму его у себя дома. Трапезы, правда, не разделив – он будет сидеть за столом вместе со вновь сведшим нас ЮДА; я – на своём рабочем месте у компьютера. После общения выброшу кружку, из которой он пил чай.

Этот человек поведает мне о том, что Виталик в феврале восьмидесятого самостоятельно нашёл вход в ЖБК и расставил коробки из-под древнего пороха под струями Сумасшедшего Барабанщика. Никому из нас он говорить о своём открытии ЖБК не стал, ибо опасался: скажут, мол, повезло чайнику, – чайникам всегда везёт...

: Это была одна из причин его поездки. Вернувшись из которой в ореоле героя, равного всем, он и мог поведать о своём никитском открытии.

...: В морге ревел орган, – «зачем орган, и так всё...», – думал я, не слыша, что говорили другие — *Виталик, Вет стоял перед глазами — живой, смеющийся,* –

: Чукаев со Скворешней не дали ему верёвок и снаряжения. В SCO считали такие выезды безумием, и Виталику просто запретили ехать. Валера забрал снаряжение, что было у него дома. Виталик позвонил мне – помоги, друг!.. Я сказал, что живой враг лучше, чем мёртвый друг.

Было ясно, что ехать нельзя — снег, обледеневшие склоны Чатыр-Дага, по прогнозу на ближайшие недели пурга; добро б ещё с группой — тогда погода по боку, всё равно под землёй всё иначе, и наверху гарантированный костёр;

дежурные, знающие КС любого погружения и готовые оказать помощь, твои товарищи на страховке при спуске и подъёме — но ехать одному...

: БЕЗУМИЕ. САМОУБИЙСТВО.

... Он пытался одолжить денег — я не дал. Наивный! И наивные Чук со Скворешней!.. Необходимые кроки нескольких “чердачных дыр” Вет получил у того моего приятеля. Одного из тех, с кем впервые в 1975 году я оказался в Горном Крыму, в “спелеоастрономической” экспедиции ВАГО/ SCO. Который открыл мне Никиты,—

И этот же персонаж пообещал Виталику приехать, “догнать” его через пару-тройку дней,— как, мол, городские дела отпустят. Похоже, он же ссудил Вета деньгами. Бо ему самому остро хотелось в зимний Горный Крым; не хотелось, понятное дело, ехать-рисковать одному... А тут — Виталик. Со своей сумасшедшей идеей. Очень своевременно.

... Гроб не открывали: серый тяжёлый металл — так он вернулся оттуда, из своей последней поездки, *и лица его больше никто никогда не увидел.*

— *Чем отличаются добренькие люди от добрых?* С точки зрения добреньких мы были не добрыми — но эгоистами, вдоволь вкусившими “спелеославы” и не допускающими к своему героическому пирогу того, кого, якобы, привыкли считать ниже себя. “Недооценивая”. Добренький человек, что считался моим другом, и другом Виталика, решил помочь его самоубийственному замыслу. Дал кроки нескольких красивых дыр; подсказал, где лучше поставить лагерь. И послал вперёд себя, обещая приехать через несколько дней.

: добренькие люди одолжили Виталику снарягу. Пару самодельных самохватов для подъёма по верёвке, пару карабинов и рогатку для спуска. И старую гнилую пеньку, которая оборвалась, когда он висел над двенадцатиметровым колодцем: просто каменным мешком, *не стоящем света фонарика* — без ответвлений и продолжения...

Не сулящем ничего — кроме смерти.

: В автобусе было тесно, гроб тяжёлой монолитной плитой — металл, как камень и камень, как металл — скользил по полу, заставляя упираться в него ногами,— давил и вздрагивал, точно живой, будто изнутри кто раскачивал его...

... Он жил ещё десять дней,— восемь переломов — позвоночник, бёдра, ноги... ***Как он хотел жить!*** Страшно себе это представить — *один в ледяном каменном мешке, а сверху дождь, снег... и белое пятнышко неба,— ДЕСЯТЬ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ ЖИЗНИ. ДЕСЯТЬ ДНЕЙ НАДЕЖДЫ И БОЛИ,—*

— Если бы выехать раньше! Если бы оставался контрольный срок! Если б не промолчал тот, кто должен был ехать с ним!..

— *И тот, что дал верёвку...*

— И крымская ГСС, *отказавшаяся подниматься на плато из-за плохой погоды,—*

: “Спасатели” — даже следов их не нашли мы, когда поднялись наверх.

Никто не оплачивал нам дорогу, не отпускал с работ, не предоставлял отгулов,— а те, из Крыма, когда им звонили **три недели подряд** — каждый день, пока не поняли, **что надо ехать самим** — те, кто назывался **спасателями и получал за это гордое имя деньги**, уверяли, что ищут, что прочёсано всё плато и его точно нет — ищите-мол-где-угодно, только не на Чатыр-Даге...

: Снег на плато, вопреки прогнозам, не шёл более месяца, и та самая обещанная синоптиками пурга случилась в день моего отъезда. В последний день наших поисков.

На старом, оплавленном солнцем снегу, было много отпечатков следов Виталика — **и ни одного следа “спасателя”**.

: Ложь. Трусость. Лень. Боязнь промокнуть в снегу, замёрзнуть под порывами ветра,— скотское нежелание оторвать жопу от уютного кресла перед телевизором в тёплой квартире,— *могут быть названы причиной смерти?*..

: ИСКАТЬ ЧЕЛОВЕКА — это ведь не отбирать снаряжение и спиртное у случайно встреченных погожим летним днём ‘диких’ туристов...

: **Его ещё можно было спасти** —

— *Если б они хоть не ввали, что ищут!*

— Он не умирал десять дней. Он очень любил жизнь, и очень хотел жить.

Тревогу мы подняли на третий день его отсутствия. Маме Виталик сказал, что на неделю погружается вместе со мной в Никиты; всем остальным — что на неделю едет в Питер к каким-то родным...

Если бы Чук за какой-то надобностью не позвонил его маме (кажется, ему понадобилась книжка Ласло Якуча, что он перед тем одолжил Виталику — впрочем, это мог быть и Кастере) —

: Мы тут же начали звонить в Симферополь. Что выслушивали в ответ, пересказывать не хочется.

Что наслушалась мама Виталика от разного рода ментовских погон — тем более.

Десятого марта мы пробились на поверхность из Никит, создав в них новый вход — названный МЖД8М,— вход, созданный посреди склона холма,— там, где прежде никогда никакого входа в Систему не было. Этот вход мы начинали копать вдвоём с Виталиком.

Ощущение *победы над Камнем* заслонило иные чувства — тем более, что все были уверены: Виталика ищут. Виталика обязательно найдут,— разве может быть иначе?..

: Ещё никто не верил в беду. А Крысу десятого числа трясло, ломало и колотило в жутком ознобе.

У них с Ветом не было физической близости. Но была такая связь, которой, наверное, в языке нашем нет обозначения. Нет слов. Ибо — что значат затасканные до циничной иронии “платоническая любовь”, “чистое романтическое чувство” и прочие расхожие штампы?.. Даже не образы.

Ей казалось: *вскрою вены — тогда он останется жив.*

Суицид не прошёл.

В этот день, 10 марта, Вета не стало.

: Три недели Пантюхин и к^о потчевали нас враньём, что ищут. Потом однозначно и определённо заявили: “ни в каких крымских горах, и, тем более, в пещерах вашего героя нет”. Ищите где поближе.

: Тот, что должен был поехать вслед за Виталиком – и знал, в какие пещеры он может пойти, где будет ставить лагерь, – этот молчал. Прекрасно зная не только о наших поисках...

К сожалению.

... у костра в лагере Виталика на оттаявшем пяточке земли, уже обледеневшем, чуть заметённые снегом, сдуваемым ветром со склонов, валялись гильзы “беломора”.

: Вет не курил.

... я наклонил свечу; с двух сторон протянулись зажжённые спички. Я не видел, кто — только руки; руки раздвинули венки и поставили на холодный металл Свечу, — *так следует провожать в последний путь тех, кто ходил и уходил под землю*, — подумалось мне — и снова звучала музыка, и снова — очень громко, слишком громко, — было противно и страшно, и снова вокруг много говорили, но я не слышал слов/снов —

... убрали цветы, пьяный служитель протянул было руку к свече — я заорал «Не трожь!» — и тот, испуганно бормоча “нельзя, нельзя”, отступил в сторону.

: Скворешня, Чук, Андрей Решников со своим приятелем Юрой и Дима Мс’О’Гопов выехали первыми. Ещё выехала эскаэшная группа воспитанников Виталия Ромейко — он преподавал во Дворце в кружке Юных Космонавтов. К сожалению, их имён я не запомнил. Простите, ребята.

: Я сидел на больничном с воспалением лёгких. Давшем омерзительные осложнения на печень (тогда я ещё не знал, что за гадость у меня там завелась — а потому наивно удивлялся такого рода “осложнению”), — мне нужно было как минимум ещё раз посетить врача и сдать идиотские анализы. Тем не менее, что поеду, сомнений не было. На больничный было плевать. Да, по совдеповским тюремным правилам, посещать врача мне нужно было чуть-ли не через день, — иначе не оплатят больничный, на работе же запишут “прогул”! — но как я относился к совку со всеми его регламентациями, очевидно. Важно было только это одно посещение — для меня лично.

А потому сразу после поликлиники отправился на Курский вокзал.

Через две недели после этой поездки меня уволят с работы “за прогул”. За “нарушение больничного режима”, — *якобы!* — хотя я предоставляю в ОК копию свидетельства о смерти, —

: Совок.

... Деньги на поездку мне собрали в Никитах, в минувшее воскресенье. Пусть немного, — каждый дал столько, сколько смог. Но перед болезнью как раз получил зарплату.

Проезжая город-герой Тулу, был поражён странной картиной: поезд не ус-

пел остановиться (я стоял и курил в тамбуре вагона-ресторана), а за ним уже бегут люди и швыряют стоящим рядом со мной ресторанным халдеям деньги: *киньте, выбросьте хоть какой-нибудь колбасы...*

: Страшноватая картинка. Врезалась в память,— попробуй, сотри.

В Симфи встретил Чук. На троллейбусе поднялись на Ангарский перевал. Безпривальный марш-бросок на плато.

— Как ты, выдержишь?

— Сейчас увидишь.

: Ничего, сдюжил. На верхнем крутом подъёме встретили Андрея Решникова с Юрой — они не могли более оставаться, звали неотложные городские дела.

Андрей и Юра сказали нам, что нашли лагерь Виталика. Только лагерь.

: дальше была неделя поисков. Спуски в пещеры,— красивейшая Ученжу,— сквозь мимолётное любование роскошными сталактитовыми драпировками одна мысль: где, не здесь?.. Нет. Поднимаемся, идём дальше. Куда? В те пещеры, о которых он мог знать. И во все щели-провалы-колодцы в воронках, что были меж его лагерем и этими пещерами. Во все без исключения. Особенно — в те, что “как бы прикрывались” снеговыми карнизами-досками — и где этот маскирующе-подлый покров был нарушен.

: Гроб задвинули на транспортёр. Слово багаж в аэропорту, он медленно двинулся вперёд — не под землю уходил от нас *в Последнюю Свою Дорогу* Виталик — в небо,— Свеча на цинке, жёлтое колеблющееся пламя, провожало его до самого конца: *в том огне, в котором сгорел он, было и её пламя.* Он унёс с собой этот огонёк — всё, что мы теперь могли ему дать, «и всё», сказал кто-то,— я ошупью нашёл дверь и вышел наружу.

“В этот синий апрель”...

: неделя поисков ничего не дала. Дождь со снегом потчевали нас через день; через день плато окутывал непроницаемо-белый туман. В общем-то, нормальная для Чатыр-Дага погода. В марте. Но что нам — дожди, ветра и туманы?..

Сильнее подкашивало отсутствие времени. И мне, и Валере нужно было возвращаться в Москву.

Хорошо, что за день до нашего отъезда на плато поднялись крымские “дикие”. Из Симфи. Рассказали им, для чего мы здесь; ребята вызвались помочь “по мере сил”.

... В последний день началась *настоящая пурга*. Описать которую невозможно; слова ничего не передадут тем, кто не попадал в пургу на Чатыр-Даге. На стыке марта и апреля.

Дима Мс’О’Гопов с кем-то из местных “диких” провожали меня и Валеру до края плато. Чтоб мы не усвистели мимо тропы в слепящей, сбивающей с ног круговерти. Мы ушли вниз; основной поток ветра шёл сзади, с моря, и на спуске можно было даже отдохнуть. По крайней мере это так воспринималось.

... пурга заметала последние возможные следы — если они ещё оставались. Теперь, месяц спустя.

Проводив нас, Дима с напарником-проводником немного посидели в гроте, закрывающем от ветра; перекурили. И попробовали вернуться к лагерю.

Сделать это оказалось практически невозможно.

Ветер каждые пять минут менял направление, кружил,— снег летел параллельно поверхности меж воронок — ничего в этой слепящей круговерти не было видно. Заряды колючего снега в лицо — секущие льдинками кожу до крови,— сбивающий с ног ветер. Упавшая темнота. И — одинаковые, как близнецы, воронки. В каждой третьей из которых — не щель, так колодец. Чуть замаскированный снежным козырьком. Бродить на ощупь меж таких “подарков судьбы” крайне неприятно.

: Приходилось “идти на холодную”. В одной из воронок они обнаружили вроде бы подходящее входное отверстие; снаряга для спуска и подъёма у обоих была. У входа в колодец ветер трепал обрывок старой пеньковой верёвки. Таких верёвок на плато хватает; осатаневшие от непогоды, они даже не обратили на него внимания. И потом: *пенька...*

... Дима спускался первым. На дне колодца — сугроб. Спрыгнул в него, радуясь блаженной тишине после верхнего ветродуя. Выстегнул рогатку из верёвки, распутал неизбежную при работе с рогаткой “бороду”. Доложил: «Рапель свободна». Отошёл в сторону, чтобы освободить место спускающемуся следом,— и чтоб во время его спуска не стоять под ним. Под снегом почувствовал ногой какой-то предмет. Подумал, что это камень, или упавшая сверху ветка.

Затем посветил налобником.

... До утра они сидели в этом колодце с телом Виталика.

: Два восемнадцати/шестнадцатилетних парня. Сколько лет им прибавилось к утру этого совершеннолетия?..

Поднимали Виталика из колодца симферопольские “дикие”. Они же спустили его с плато, помогли отправить тело в Москву. Официальные спасатели отказались принимать участие и в этом процессе.

“Вот такие дела, вот такие картинки”.

Нам в Москве оставалось только встречать тело. Цинковый гроб в специальном отделении багажного вагона.

: Москва, товарный двор Курского вокзала.

— мы вместе вышли на лестницу: я, Завхоз, Вадик Калошин, Чук, Ведьма, Крыса, Ольга, Дизель, Андрей Решников, Скворешня, Дима — и другие, которые тоже были там; Вадим взял гитару и начал настраивать её,— из дверей выскочила разгневанно-праведная соседка,— “как-же-мол-можно!” — но ей объяснили, что — **можно и нужно**, потому что эти песни он любил, это были *его песни*; он любил и пел их, и мы за столом слушали кассету с *его голосом* — **только голос и остался, да фотографии** —

И слова, сложившиеся на борту “ТУ-134”, уносившего меня и Валеру обратно в Москву — 30 марта 1980 года:

*... И холод, и смерть, и безмолвье вокруг —
Разорванной жизнью кончается круг!*

*А мне так хотелось увидеть земной
 Распахнутый в небо бегущей волной,
 Украшенный алым закат – и восход,
 И Свету рвануться навстречу, вперёд, –
 Увидеть, как осень на крыльях несут
 Последние птицы*

*В озябшем лесу
 Хрустальный ледок разбить,
 Холодной воды испить
 Короткого ручейка
 Знакомого Родника –*

Я очень люблю жизнь.

Я очень хочу – жить.

Но: тьма,

и безмолвье,

и холод

вокруг —

И светом колодца

Кончается круг...

* * *

Кому-то может показаться, что одну и ту же, “достаточно прозрачную” мысль, я повторяю в этом фрагменте излишне настойчиво и часто.

“Виталику этим неуместным скандированием – что похоже на попытку переложить вину — не поможешь”, – мол.

Тем не менее, готов повторять снова и снова:

... если бы добренькие радетели подвигов не оснастили его верёвочным гнильём!..

... если бы тот, кто знал, куда поехал Виталик – не смолчал!..

: Он не умирал десять дней. Девять из которых мы обрывали телефоны пантюхинской ГСС –

... если б те, что обязаны были искать – **не ввали, что ищут,**–

: следы ещё не были замечены снегом.

Наверное, были тёплыми угли костра.

: Если бы. Если бы. Если б —

“ИСТОРИЯ НЕ ЗНАЕТ СОСЛАГАТЕЛЬНЫХ НАКЛОНЕНИЙ.”

Но на иных Мировых Линиях...

: Глупо оправдываться в

том, в чём не виноват. Что никто в нашем кругу никогда не считал Виталика слабее прочих, что все не просто любили, но и уважали его – уважали подлинно, как уважают Равного — знали те, чьи имена названы мной. А так же “пара не названных”.

Что не нужно было ему доказывать нам свою “крутость” и “равность” –

даже не факт. Вдвоём с ним я начал копать в первый день нового, 1980 года, новый вход в Никиты. Вдвоём именно с ним – из всей нашей компании.

: где-то на иной Мировой Линии я нашёл и сказал, наверное, лишь два-три несказанных слова,— возможно, в минуты того нашего “парного копания”. Слова, что не позволили ему поехать. И добрый наш друг не спровоцировал Веточку своими геройскими байками,— как и дарованными кроками дыр – на подвиг зимнего спелеосола. Старая пенька благополучно сгнила на той Мировой Линии в подвале МГРИ, не унеся ничьей жизни.

И все мы до сих пор общаемся ТАМ – в светлом неведении об ином варианте нашей тяжёлой судьбы.

: Мы – почти такие же, как здесь. Но это “почти” очень важно.

– *На каком перекрёстке мы разошлись с ними, порвав предопределённость нашего совместного счастья?*

Или несчастье так же предопределено?..

НИКИТСКИЙ КРУГ

*“Погружаюсь во Тьму.
Вы бы знали, какие там люди!”*

Эта глава моего повествования о том, как сложился один из самых удивительных спелеумов: Никитский Круг.

Заранее извиняюсь за конспективность изложения и неизбежные “событийные лакуны” — но любая попытка описать последовательно и внятно события ушедшей эпохи обернётся слишком растянутым повествованием. А потому ограничусь своего рода фотографиями – текстовыми клипами некоторых эпизодов и их участников:

* * *

– Сентябрь 1980 года. Получив в результате взрыва примуса под землёй ожоги “всех трёх степеней спелеославы”, на слёте памяти Высоцкого присутствую в виде мумии. Отойти от костра – холодно: новая нарастающая на лице кожа болезненно реагирует на любое изменение температуры. Как в одну, так в другую сторону. А потому так же невозможно-болезненно приблизиться к костру. Так что вращаюсь вокруг него по орбите, элементы которой зависят от характеристик центрального светила.

Как у настоящей планеты. С ‘перикастром’ и ‘апокастром’. *Тот же спелео-астрономия –*

– как всякое замечательное “явление породы”, притягиваю к себе взоры столь же замечательно любопытствующих

Личностей. В результате чего знакомлюсь с командой из 57-й физмат школы — Рашпилем⁴ (Юликом Рашковским), Светиком (Светой Токер), Димой Чугуновым и Сашей Костиным.

На следующие выходные привожу их в Никиты, где “пострадал за правое дело”. И они остаются с нами.

: Юлик прекрасно владеет гитарой; Света рисует. По политически-интеллектуальным убеждениям сходимся полностью. Естественно, они вливаются в уэмовские ряды.

Одновременно с ними в Никиты приходит кайфно-прикольная пожизненная связка — “Удав и Золушка”. Оба автогонщики, работающие, то есть *числящиеся*, на станкостроительном заводе имени Серго Оржоникидзе. Удав водитель; Золушка его штурман-механик. Раллисты. Золушка заработал свой ник ещё в школе, когда во время одного из самовольных химических опытов окрасился в нежно-золотистый цвет; почему Удав называется Удавом — не знаю. Имя было дано ещё до Никит — но в наших шкурниках он его полностью оправдал.

* * *

∴ после “весьма размашисто” отмеченного моего дня рожденья (на большой поляне в никитском лесу за памятником Виктору Шагалу был поставлен тридцатипятиперсонно-посадочный стол с окружающими лавками, — причём места за оным для всех пришедших не хватило) решаем приехать в Никиты среди недели: собрать и сдать оставленную стеклотару. Ну и почистить лес от случайно оставшегося мусора. На один день, без ночёвки. Я на больничном; у Удава и Золушки выходные после очередных “испытательных соревнований”, — Саша Костин присоединяется к нам, гуляя технарь. Где его пытаются обучить радиоэлектронике, в которой он к тому времени соображает явно больше “дубов-преподавателей, воспитанных на идеях Попова” (от интеллектуальной оценки идей Попова Саша уклоняется, полагая наше знание его балаганно-воровских идей очевидным). Удав, Золушка и я одеты во всё походное — Костин является “на стрелку” в цивиле. В красиво мерцающей курточке с дипломатиком. Ибо домашние наивно полагают, что он отправился на учёбу. В дипломатике — комбез, фонарик “и кайло на всякий случай”. Чудесный набор. А главное, как несовместим с тарой...

Никитский автобус не ходит — развалился мост через Рожайку; что от него осталось, с трудом выдерживает вес одного пешехода. Случилось это, между прочим, в канун моего дня рожденья — а потому пришлось отправлять бригаду

⁴ Так он стоически записывался в Журнале. Ясное дело, в повседневной подземной жизни его звали просто Рашпилем, — коль приходилось писать именное обращение; кстати, так же и в моём случае: только очень педантичные мои друзья снисходили до латинизма — Comandor. В лучшем варианте писали через русско-английское “К”.

преферансистов к руинам моста: встречать недоехавших гостей и объяснять им дорогу до места отвлечения. Саша Костин, взявший магнитофон с усилителем и колонками, полагал (как и прочие) что автобус довезёт практически до самого места – а потому присовокупил к своему и без того неприподъёмно-глобальному шмотнику ящик пива. “На утро для именинника”. И увидев по дороге просто замечательную “бесхозную” вывеску «СРОЧНОЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПЛИССЕ-ГОФРЕ» (“плохо висела”), прихватил и её. Уж больно здорово, по его представлению, она могла бы смотреться в Сейсмозоне. Размер вывески был – 1,5 X 0,5 метра.

: Пришлось ему со всем этим грузом топтать пешком от почившего моста до Никитского. *Три километра триста пятьдесят метров прописью* – если быть точным. Против встречного ветра. С огромной вывеской-антипарусом. Стоически “из прЫнцЫпа” отказываясь от помощи. По дороге его обгоняли другие группы – мы на холме периодически получали от них известия о продвижении Костина: «прошёл Авдотьино», «сидит на автобусной остановке в Никитском и матерится», «пьёт воду из Родника», – и вожделенное: «начал подъём на гору».

Все фотографии (жаль, кинокамеры не было) столпились в лесу у завершения подъёма, – взвели затворы фотоаппаратов...

Гадали: сломает его или нет этот последний подъём.

– Когда над перегибом холма показалась надпись «ПЛИССЕ-ГОФРЕ», начали щёлкать затворами и вспышками.

: бедный Костин, не ожидавший такого приёма, оступися – и полетел обратно вниз. С последнего, уже почти преодолённого, метра. Как остался жив после десятка кувырков через станок – непонятно. Как осталось цело пиво – тем более. Наверное, потому, что было в ящике с ячейками.

Но табличка рассыпалась вдребезги.

...: Едва отошли от остатков моста, догоняет “МАЗ”. С характерным полукруглым кузовом.

– Садитесь, ребята, подвезу.

: По привычке устремляемся к кузову, – водитель что-то кричит (Удав и Золушка, как водители, сразу понимают, ЧТО – и тормозятся) — Костин уже цепляется правой рукой за борт. В левой – кейс. Саша размахивается им, с целью швырнуть в кузов. Плашмя.

– Ничего, мы в кузове доедем! – отвечаю я водителю.

– Так ведь там...

— В этот момент Костин завершает хлопающее движение кейсом за борт, одновременно поднимая на его высоту голову. В очень красивом прыжке.

И ПОЛУЧАЕТ В МОРДУ И НА ВЕСЬ СВОЙ ИЗЯЩНЫЙ ЦИВИЛ ВОЛНУ НАВОЗА.

– Мы с Удавом и Золушкой раскатываемся с дороги в кювет. От смеха. В разные стороны.

: Надо отдать должное водителю – он терпеливо дождался, пока Саша оботрётся придорожными лопухами.

Саша Костин – мастер давать прозвища. Они же, в теперешнем понимании, ники. Или *псевдонимбы*. Но, конечно, не клички. Те – у животных.

: Есть разница. «А кто этого не понимает – сам...»

: Именно он прозвал Юлика Рашковского Рашпилем, – в силу какой звуковой ассоциативности, непонятно — несмотря на попытку Юлика именовать себя Цезарем, привилось и осталось в народе именно Рашпиль.

У самого Костина пока никакого ника нет.

– *Будешь с этой минуты НАВОЗНИКОМ!* – злорадно предрекает Золушка.

– Ерунда... не приживётся...

– отвечает воняющий на всю кабину Костин. Не столь уверенно, ибо, как специалист, понимает: *ПРИЖИВЁТСЯ МГНОВЕННО И НА ВСЮ ЖИЗНЬ*. Которую “жизнью” с таким именем назвать будет трудно.

Значит, сверхзадача №1 – совершить за оставшееся время выхода нечто такое, что перебьёт в нашей памяти случившееся. И Саша эту задачу решает. С успехом, но чуть не ценой наших жизней.

Ибо после получасового сбора стеклотары и уничтожения в костре немного оставшегося мусора возникает естественный вопрос – и мы погружаемся во вход. “Довести до стояночного ума КД”. То есть Кошкин Дом, как он называется полностью, – грот, вырубаемый нами прямо в монолите. Чуть выше общего уровня Системы – метра на два. Не более. Ибо “мы меру знаем”. А также прочность пород, перекрывающих местные известняки.

: Раз уж явились в Никиты...

– Как удержаться пусть от краткого, но визита в Систему?

– Доводим. Потолочные блоки раскалываются на камни, камни сваливаются вниз по узкому трубообразному шкурнику-лифту – грот приобретает вполне достойные и в тоже время уютные размеры, – время близится к вечеру и пора закругляться...

Как тут Костин, отваливая от потолка последнюю выпиравшую из него глыбу, не слушая советов Удава, Золушки и меня – что в шкурник она явно не пролезет – со словами «если её правильно впеньдюрить, куда ж она денется!» – **ЗАТЫКАЕТ ЕЙ ВХОДОВОЙ ШКУРОДЁР**.

Вес пробки – около центнера. Но пока её, кажется, можно выклинить обратно.

– Ерунда, – говорит Костин, – прорвёмся. Сейчас я, как Роден, отсеку от неё лишнее...

– и наносит своим кайлом несколько точно рассчитанных ударов. После которых глыба окончательно застревает в шкуродёре. Ни вперёд, ни назад.

: По очереди и все вместе пытаемся хоть как-то пошевелить её — бесполезно.

: *заперты окончательно. Вчетвером в маленьком гротике...*

Как в бутылке.

Почти, как в своё время случилось у меня с Кракодиллом.

Удав пытается прикинуть, сколько отсюда до поверхности. Золушка – будут-ли нам ставить свечи, как Шагалу. И собираться раз в год “для сдвига крыш и стаканов”.

Я думаю: поскольку Костина теперь наверняка убьют, хоть голодная смерть нам не грозит. В ближайшее время.

– Ну, Роден... – шипит Удав. И я понимаю, что Навозником Костин не умрёт.

...: часа за два работы нам удаётся расколоть вначале верхнюю часть этого сверхплотного доломита, затем выбить оставшееся ниже.

А Костин становится Роденом. Окончательно – и бесповоротно.

* * *

: Лёша Барсик из РИФов приходит на очередной День Памяти Виктора Шагала с однокурсницей по учёбе во II МГПИ Таней Посник. И она тоже остаётся с нами. Под славным именем Бес(Т),– образованном от первоначально данного Барсиком “Бестолковая Татьяна”.

Слава Никит ширится – новый, созданный нами весной удобный вход, замечательные песни, наши “маразматки” и юмор,– гроты, во вкус оборудования которых постепенно втягиваются все,– доброе отношение, против иных Систем, к каждому приходящему — вкупе с невообразимо сложной и интересной Пещерой притягивают к нам массу замечательных людей.

Точнее, приходят многие – после знакомства с Системой остаются лишь те, кто *Остаётся*. Кто органично вписывается в наш мир Камня и Строф, Тишины и Звука.

: Естественный отбор. Создающие-вершащий никитский спелеоэтнос. По славным принципам подобия, сходства – и дополнения. < Спустя годы замечу: процент “отбраковки” или “отсеивания” среди приходящих был не столь высок уже потому, что в *городском мире совка* человеку думающему по выходным делать было просто-напросто нечего. Во всех возможных смыслах. Ну и конечно, с тем, что те, кого мы приводили с собой, предварительно отбирались нами среди сонма городских знакомых; те же, кто открывал Мир Никит самостоятельно – узнавая о существовании пещеры из неких слухов, рассказов знакомых иль выудив необходимую информацию из каких-то, достаточно скромных газетных иль книжных публикаций — те изначально мало отличались от нас. >

Ведьма поступает в медучилище №13,– приводит однокурсницу Надю Постнову. К моему удивлению, оказывается – живёт в одном со мной доме. В соседнем подъезде.

: *Юго-Запад*. С которого в эти годы в Никиты приходит целая **спелеогенерация**,– Миша Харитончик, Алик Фиалков со своим приятелем Славой, Длинный Кира и его одноклассник, пожизненный друг и сосед Юра Киринов,–

Склизкий Змей, Натка, Саша Никольский, Вася Тихонов, Иван Рыбаков, Света Которая и Просто Света,–

– из сопредельного жилого массива Беляево, с подачи Ведымы, в Никитах появляется Шурка-Асисяй, будущий творец “Психолога” и других, не менее замечательных мелодий, песен и стихов; за ним Братья, МамонД, Мандрюша, Шурик-Шютник, Мамонтёнок Дима, Ваня Крэйзи, Светка-Чебурашка, Светка-Тараторка⁵, Лёня-Слонёнок, Сусанин...

А ещё — Люська-Швейная-Машинка, Танька-Стеноляпка (места учёбы этих никитянок очевидны),– Гриша Чёрт, Кот Матроскин, Саша Барсик, Псица, Вероника, Дима Зэк, Ставрида, Лариска, Пыльный и Старый,– прославивший себя в Никитском Кругу подземным песенным эпосом, не уступающим созданному Рашипилем — вершину его, “Песню Серного Волока”, до сих пор распевают по подмосковным каменоломням... Иной раз не ведая автора и наивно полагая песню “народной”. [Ни фи́га она не народная – самая никитская, на уровне “Никитского Танго” и “Мы под землю сквозь канализацию”.]

— И образуется-устанавливается то, что годы потом будет именоваться не отдельными группами – НИКИТСКИМ КРУГОМ.

В декабре 1980 года в Никиты впервые приходит славная команда с био-станции озера Глубокого – Зелёный Змей, Комиссар, Киса, Вертолётчик и Водолаз со своими друзьями. Они открывают нам это дивное по своей красоте место,– мы им Никиты. Такой духовно-эстетический бартер.

А перед ними в начале осени “на никитский спелеошум” являются ветераны подмосковной спелестологии: “Подольские Троглодиты”, “Парабеллум” Пети-Крота и старая съяновская команда “МЯСО” (она же – “Совет Старейшин”): Большой Командор, Большой Хенк, Папаша,– со своими младшими братьями. Осмотрев современное состояние Никит < “и найдя его УДАВлетворительным” >, корифеи жанра удаляются в полюбившиеся им Кисели, Володары и Старицу (время от времени продолжая меж тем свои визиты в Никиты) — Малый Хенк (Пичугин Олег) и Ростиславов-младший остаются с нами. Поскольку оторваться от Никит им представляется невозможным. И сколько можно шествовать по жизни под вывеской “младших”?..

У нас же – равная самостоятельность для каждого. В соответствии с чем Ростиславов-младший берёт себе “освобожденный за нехождением в Систему” ник Мамонта.

И блестяще оправдывает его всей своей дальнейшей спелеодеятельностью.

«Вошёл в Систему на детском торшерчике. Появление сего предмета в спелеорационе вызвано к жизни отсутствием в розничной торговле таких предметов, как свеча обыкновенная за 18 коп. и фонарь обыкновенный за 1.37

⁵ Замечательно-необъяснимый факт: из всех никитских имён на первом месте стояло имя Света; на втором – Анюта. Со столь огромным “количественным отрывом”, что можно было и не упоминать. «О, мир безумных камня арок! ПРИПОЛЗ РАЗ СВЕТ И К НАМ В ПОДАРОК!..» – одна из модных рифмовок того времени.

кон. Но предмет удобный – громкость света регулируется укрупнением лампочек» – такой записью в Никитском Журнале 14 марта 1980 года отметил своё первое посещение Подземли Хмырь [на поверхности – Данилов Иван]. Через несколько дней в “Детском Мире”, безуспешно бегая по отделам в поисках батареек к фонарику, вижу: у прилавка электроигрушек некий парень примерно моих лет вертит в руках детский торшерчик. С двумя лампочками на стебельках и скрытой в основании плоской батареейкой. Сразу вспоминаю запись в Журнале, – вопрошаю:

– Ты Хмырь?..

– Да... – ошарашено отвечает он, – а как ты догадался?

– По запаху, – отвечаю я. – От всех никитских прёт особый аромат...

: Так познакомились лично. И до сих пор не потеряли самого дружеского общения.

* * *

: Хмырь, Зелёный Змей, Удав, Рашпиль, Золушка, Малый Хенк и Мамонт практически с первого своего посещения Никит становятся харизматическими никитскими Личностями, –

: есть люди, которые стадию чичаки-чайника минуют столь стремительно, что диву даёшься. Подземля у них не просто в крови, и спелеозов они слышат отчётливей, чем многие ветераны.

Но если бы – только Мамонт, Хмырь, Золушка, Рашпиль, Удав, Зелёный Змей и Малый Хенк!

Тогда же в Никиты пришли Игорь Индеец и Олег Кузьмич (дочка которого Оля и сейчас ходит в Никиты), и замечательная своей “спелеокрутостью” команда Каскадёра/Ребёнка — сожалею, что даже в этом, “растянутом сверх всякой меры повествовании”, невозможно сказать о каждом: *так, как действительно хочется сказать*. Буквально каждый выход в Никиты дарил замечательные знакомства, радость общения с новыми обретенными друзьями, – радость совместного постижения Мира... Упомянутые мной Имена – поистине малая часть тех, кто в те годы посещал нашу замечательную каменоломню; да что “имена”! Даже названий всех никитских групп того времени не привести, ибо тогда повествование моё превратится в нудное перечисление. Коего стараюсь бежать по мере своих скудных литературных сил.

Впрочем, проходящие в Никиты группы столь быстро обнаруживали удивительное сходство меж собой и нашим общим отношением как к миру совка, так к открывающемуся подземному миру – что границы их неизбежно размывались, и за чередой удивительно радостных знакомств все мы очень скоро ощутили себя просто *кругом общения друзей* — объединённых любовью к удивительно сложной и непохожей на иные Пещере, фрондирующими песенками, “как бы полузапрещёнными” (и откровенно диссидентскими) авторами распространявшихся в самиздате книг – и вовсе не разделяемых местами работы, жительства или учёбы. А также получаемым или полученным образо-

ванием.

Конечно, наши никитские мастера “гитары и слова” сыграли в этом объединении не последнюю роль – человек с гитарой воспринимался в каждом никитском гроте, как самый заслуженный гость. А уж если он при этом пел “подземные песни”, – да ещё не “просто подземные”, а свои, никитские —

: объединяющую роль этих песенок трудно переоценить. Как и аналогичную роль случившихся “межгрупповых романов”.

И творимых нами газет-маразматок.

А ещё – ежегодно отмечаемого всеми нами Дня Памяти Виктора Шагала.

Объединяли и дни рожденья друг друга — на которых “нежелательных гостей” не случалось по определению: каждый пришедший в Систему считал своим долгом поздравить именинника и вручить какой-то, пусть и символический, подарок. Кто – фонарик или красивую кружку, ножичек. Или иной дефицитный подземно-туристический предмет. Кто книгу или песенку. А кто – свежееоткрытый грот “в любезное пользование”.

: Конечно дни рожденья отмечались-праздновались всеми спелестологами, кто ходил в иные подмосковные каменоломни, – но отчего-то не выходили они там за рамки внутригруппового, частного праздника. Да и группы оставались в своём хождении группами: у каждой была “своя свадьба”. С иными не сильно пересекающаяся. Возможно потому, что эти Системы были попроще. Не к объединению располагали, а наоборот. В Никитах же каждый радовался любой новой подземной встрече, и в каждом пришедшем сразу видел единомышленника, товарища и друга. Зримая сложность пещеры способствовала.

Объединял и Никитский Университет – равного которому почему-то не придумал никто ни в какой другой подмосковной или иной пещере-каменоломне.

Осенью 1981 года в Никиты впервые пришли Алёша Круглов (Лёнька Арбатский), Дима Сергиенко и Серёжа Лещина. Ставшие на долгие годы моими друзьями; Серёжа – Соавтором в стихе и прозе.

— С их приходом формирование Никитского Спелеокруга закончилось. Все, что приходили в Никиты после, просто вливались в него. Добавляя что-то своё; принимая или нет какие-то наши традиции – было не столь важно.

Важно, что основу Никитского Круга сложили те, кого я назвал. Они определили наше “хождение за три света” на годы вперёд —

: На шесть ближайших и сказочных лет, – социальное время жизни одного поколения, – если быть точным.

: Этим людям я обязан всем, что сложило сюжет и событийный ряд моего “ильинского спелеоцикла”. Без них писать было бы не о чем. Без них не было бы ни Никитского Университета, ни наших замечательных праздников, – ни моих подземных пребываний. А также — никитских стихов и песен Юлика, Асися и Старого. И строф Серёжи Лещины.

Хотя, конечно, все мы обязаны друг другу. Как равноприближенные к центру точки одного круга.

Именуемого – Никитским.

* * *

Ещё в 1979 году, когда “УМ” фактически объединился со славной командой “Wanderers”, мы поняли: *просто так* ходить под землю неинтересно. Почти бессмысленно. Конечно, можно заниматься топосъёмкой и вскрывать-раскапывать завалы, расширяя любимую Систему,—

: так как процесс этот за сложностью Никит и реальной огромностью их размеров казался нам почти бесконечным, полагали его само собой разумеющимся.

Можно было искать и вскрывать другие “потерянные” каменоломни. Можно было ездить в иные пещеры – горизонтальные и вертикальные, и творить тамошние спелеооткрытия,—

— и тем, и другим, занимались по мере возможностей и сил. Причём с очевидным успехом: два новых спелеорайона (один на Кавказе, второй на Западном Тянь-Шане) были открыты нашей командой; в Старице нашими усилиями к спелестологическим закромам родины прибавился не один десяток километров когда-то потерянных, но вновь найденных и вскрытых нами каменоломен.

Но что топосъёмка, что копание/вскрытие случившихся завалов, что поиск никому не известных пещер — работа не для сердца, для рук. В крайнем случае – для ума.

– *душа* требовала большего.

И тогда мы придумали СПУСК — “спелеоуниверситет свободных катакомбистов”. Или Никитский Университет, как его стали называть позже. Идея была простая: *каждый из нас знает нечто интересное, неизвестное прочим*. Давайте делиться знаниями.

: Каждый воскресный выход в Никиты стал проходить под знаком какой-то целевой программы, темы. Свободное обсуждение которой наверху, в мире совка, казалось немыслимым.

Тема – есть-ли жизнь на иных планетах и есть-ли иные планетные системы, кроме Солнечной?

Тема – “гости из космоса” и “загадки древнейшей истории”. < Ксеры книг Дэникена и Горбовского после этого университета были зачитаны до дыр. >

Тема – подлые тайны истории современной.

Тема – “летающие тарелки” и возможность существования иного разума.

Тема – происхождение человека.

Тема – творчество Владимир-Семёныча Высоцкого.

Тема – песни Александра Аркадьевича Галича и его судьба.

Темы – западный рок, блюз, арт-рок и джаз.

Тема – книги Стругацких.

Тема – социально-политические теории будущего.

Тема – грядущая экологическая катастрофа и наша подземная экология.

Тема – “есть-ли Бог”.

Тема – экстрасенсорика и спелеоаномальные явления.

Тема – выступление приглашённого поэта, барда.

Тема – славная музыка ‘J-M-J’ — то есть Жана-Мишеля Жара. Или Жаре, — как мы его тогда называли.

Темы – поэзия Максимилиана Волошина, Льва Гумилёва и Иосифа Бродского.

Тема – подземная топосъёмка.

Тема – спелеонавтика и биоритмология.

Тема – новое подземное снаряжение.

Тема – грядущее отмечание какого-то праздника, — совместно творимая прикольно-стебровая праздничная программа, выпуск новых газет-маразматов, антураж и создание стояночных гротов...

Ибо всё новые и новые люди приходили к нам, а с подходящим для уютного жилья пространством в Никитах было “не очень”.

: Помогали отстроиться новичкам. Расчищали рухнувшие участки штреков и творили новые стояночные гроты. Которые оборудовали с такой вызывающей роскошью...

: Грот, что не был укомплектован комплектом фаянсовой посуды, изысканными подсвечниками, мельхиоровыми ложками и вилками, рюмками и бокалами цветного стекла – считался “не вполне оборудован”.

Следует заметить, что роскошь тогдашнего бытового оснащения наших гротов давалась нам относительно легко – и совсем не потому, что мы были прекрасно обеспечены в финансовом отношении. Или жизнь на поверхности баловала всевозможным материальным изобилием — *чего не было, того не было ни на грош*. Просто обустроить совместную подземную жизнь пятерым или шестерым друзьям много проще, чем одному человеку в городе. Кто-то находит на чердаке наследной деревенской развалюхи пару закопчённых латунных чайников и столько же вышедших из употребления (ещё при царе Горохе) кастрюль, казанов. В городе это несовместимый с эстетикой квартиры мусор – для нас Раритет. Кто-то имеет возможность натырить из олимпийской столовой, куда был загнан на бесплатную работу в виде “трудовой практики”, комплект фаянсовой посуды, ложек и вилок. В порядке оплаты своего безвозмездного труда. А кто-то набредает в магазине уценённых товаров на неполные сервизы стеклянных бокалов и рюмок. Что одному не по карману – можно приобрести в складчину. Один знает, где на халяву можно поиметь капроновую или брезентовую, авизентовую ткань. Другой знает место, где “ну просто очень плохо лежит” несколько километров никому не нужной капроновой стропы или верёвки. Третий прекрасно конструирует подземный “ходовой свет” или звуковую аппаратуру. Четвёртый – или четвёртая – прекрасно шьёт. Пятый работает водителем в троллейбусном или автобусном парке, где остаются неликвидные пенорезиновые сиденья от списанных автобусов и троллейбусов – за отсутствием в тогдашней розничной продаже пенополиуретановой ‘пенки’ незаменимый элемент оборудования любого грота. А ещё кто-то работает на производстве с немереными халявными запасами парафина. Ибо и свечи –

дефицит. Кто-то находит путь к сердцу сторожа, что охраняет грандиозную свалку плексигласовых отходов авиазавода “Знамя Труда” на Беговой (как правило, путь этот лежит через желудок, заполненный водярой). А ещё кто-то рисует, и может просто мастерски расписать стены грота. Кто-то может на своём заводе изготовить комплект походной посуды и инструмент, потребный для расширения нашего подземного пространства, вертикальное спелеологическое ‘железо’. Ибо не то, что карабины – даже каски отсутствовали в свободной совковой продаже! — что говорить о более замысловатом спелеоснаряжении: ретрамах, самохватах, тросовых лесенках, коромыслах, каталках?.. Группа, не оснащённая токарем, в те годы просто не могла считаться “полновесно-спелеологической”.

А кто-то замечательно владеет гитарой. Пишет стихи и песни. Присутствие в каждой тогдашней никитской группе, как минимум, одного гитариста – в идеале, конечно, и творца собственных песен – быстро стало не менее обязательным, чем наличие токаря и электронщика. Или мастера по пошиву снаряги.

— “И так далее”,–

: Расчищали и укрепляли опасные и слишком узкие места на самых торных дорогах. Оборудовали для сбора воды водокапы. Закрывали бревенчатыми козырьками входы от потоков весеннего селя. Поскольку неизбежные “ЧП” имели место быть (чайники – они всегда чайники, и прирождённые додики, как их ни строй, найдут способ накликать беду на свою жопу) – создали свой неофициальный спасотряд, ввели систему обязательного телефонного взаимозвона, касающегося КС каждого из нас. На какой бы срок ты ни уходил под землю. И спасотряд этот неплохо себя зарекомендовал — за всё время его работы ни одного трагического происшествия в Никитах не случилось. Все случившиеся “ЧП” разруливались своевременно и с минимальным геморроем.

Музыкальные “университеты” вызвали бум конструирования подземной звуковой аппаратуры, причём завидного для эпохи совка качества. Кассетники в комплекте с усилителями и колонками стали такой же неизбежной принадлежностью нашего подземного быта, как гитары и самодельные налобники, транспортные мешки, примуса, комбезы, пенки и спальники.

Новые газеты-маразматки выпускались-творились практически к каждому выходу. И к каждому выходу писались новые стихи и песни, слагались байки и анекдоты.

: Красиво жили. Богато. Причём во всех смыслах – ибо материальное сопровождение нашей подземной жизни было лишь отражением духовной. Удовлетворением некоего внутреннего каприза,–

: Городская совковая жизнь против этой казалась не просто блеклой – удушающе-выморочной. Ненастоящей. Не жизнью — прозябанием.

Да, собственно – была-ли тогда вообще возможна хоть какая-то жизнь в городе, в сером совковом месиве? [Одна из тем нашего СПУСКА так и гласила: – Есть-ли жизнь на земле?..]

Для многих из нас реальная жизнь творилась только здесь, под землёй. В которой было всё: поиски и открытия, умопомрачительные приколы, интриги, обретения и потери,– а что подобно современным рекламным паузам посреди

фильма, эта настоящая жизнь прерывалась вынужденными возвращениями в город – пусть лишь на четыре с половиной дня – так случившуюся ‘рекламно-совковую паузу’ с лихвой компенсировали два с половиной дня подлинной и реальной свободы.

* * *

: Часть осени 1980 года я провёл в больнице. С весьма неутешительным диагнозом, – до сих пор храню выписку из истории болезни с заключением: *неоперабельный*.

Однако – встал на ноги. И полностью излечился от напасти, от названия которой обывателей кидает в холодный пот.

Ибо, всё-таки – ЛЕЧИТСЯ. Было бы *желание жить*. И друзья, ради которых жить стоит. Что каждый день навещали в больнице.

И Система, ради общения с которой можно похерить диагноз и с помощью друзей удрать под родные каменные своды из палаты предоперационной подготовки⁶.

...: Новый, 1981 год, естественно, решили справлять вместе. Под землёй, ибо иные варианты были немыслимы. В открытом Вандерерсами Сапфире – как самом большом и вместительном тогдашнем никитском гроте. И относительно сухом — что не менее важно. Для координации Действия выбрали группу, в которую вошли представители каждой команды. Назвали “ЦК” – Цельный Кворум.

Три декабрьских выхода подряд работали с Удавом, Роденом, Золушкой и Рашпилем “по Сейсмозоне” – кратчайший путь из Четвёртого Подъезда к Сапфиру вёл через “неё, проклятую”, – оттопосъёмил наиболее удобную дорогу через сейсмозонные буреломы и шкурники ценой просто невероятных

⁶ Не так давно на одном из заседаний Русского географического общества прозвучала вполне статистически аргументированная мысль: те спелеологи (спелестологи), что не умирают в силу трагических ЧП при исследовании Подземли в раннем и среднем возрасте и в дальнейшем не отказываются от посещения подземного мира — живут очень долго. До девяноста лет, как минимум. До самой смерти сохраняя ясность ума и физическую форму организма – какие бы хвори современного городского мира их ни одолевали. По мысли сделавшего это обобщение, такой эффект “жизненной силы” напрямую связан с их общением с Миром Подземли. С энергетикой пещер, в частности – и с тем, что эти люди *по жизни связаны с Подземлёй*. Возможно, это так. < Отрицать данную связь полагаю глупым, так же как и её “отрицательное” следствие: все мы испытываем просто наркотическую зависимость от Подземного Мира. Считается также, что у всех, кого “позвала Подземля”, наверху, в городе, дела складываются не слишком удачным образом — *зато под землёй...* “Тут можно долго философствовать”. > С этой точки зрения, своим излечением от онкологии я в первую очередь обязан любви к Никитам.

усилий — чем, похоже, вогнали “экстрасенсорно-петляющие силы” Сейсмозоны в некоторый ступор, по крайней мере на этом её участке,— раскурочили самые непроходимые шкуродёры по стандарту «два связанных спинками “ермака”⁷»,— закрепили или опустили своды, внушавшие мысли о загробном мире,—

: Созданную Дорогу Жизни назвали Левая Магистраль. < Самое интересное: сколько лет прошло с того славного Действа — до сих пор нет ни иных адекватных реальности топосъёмов Сейсмозоны, ни иных “некрутящих” путей через неё. Над этим стоит задуматься... >

: Каждая команда готовила к празднику свои газеты, “спелеотолчковые сливари”, которыми через каждые пять/шесть метров был промаркирован путь от Четвёртого Подъезда до Сапфира,—

Загодя приносили в Систему продукты, напитки,— кто-то работал над “карнавальными комбезами”. < Всегда по-доброму завидовал тем, кто со швейной машинкой и выкройками “на ты”. Завидовал — и восхищался. *Ибо даже если это не есть Очень Потрясающее Мастерство — то наверняка Творчество. С моей безрукой ‘дочки зрения’.* >

: Мы с Рашпилем писали программу-сценарий Праздника. Этакую “звуковую маразматку”, совмещённую с перформансным действием⁸. Роден и Барсик боролись с аппаратурой: два магнитофона — катушечный и кассетный, усилитель и колонки. И мигалка с ёлочными гирляндами. За недоступностью тогдашних светодиодов — из двух-с-половиной-вольтовых лампочек, окрашенных самодельно изготовленными цветными лаками.

Кто-то занимался “общественным светом” — закупкой и изготовлением свечей из халявного парафина,— Удав и Киса притащили мощные кразовские аккумуляторы. Для питания ёлочных гирлянд и ‘звукового железа’. Как *нёрли* по Сейсмозоне эти тридцатикилограммовые кислотные монстры — была Песня. Роден с Зондером принесли 500 метров десятипарного телефонного кабеля для организации трансляции из Сапфира в Четвёртый Подъезд,— *поимели с этими пятастами метрами в Сейсмозоне Половой Акт, гораздо превосходящий аккумуляторный,*— доперев до Сапфира бухту, представлявшую в своей финальной части уже просто неразрубаемый узел, не снившейся ни Лаокоону с сыновьями, ни А. Македонскому,— выяснили, что а) припёрли лишних 140 метров кабеля и б) сопротивление даже запараллеленных жил оказалось таково, что звук в “ЧП”, транслируемый из Сапфира, можно было услышать только с очень мощной акустической лупой.

: Смеялись всей Системой. Роден и Зондер плакали. Именно тогда Роден выдал потрясающий шедевр самокритичной философич-

⁷ Классический станковый рюкзак совкового типа.

⁸ Не стоит думать, что из одних “приколов” и безудержного веселья состояли наши праздники: важнейшая часть этой новогодней программы, например, была посвящена памяти *ушедших в 1980 году*. Ибо високосная коса изрядно прополосала Имена Тех, кто был нам важен. Высоцкий и Северный, Леннон и Дассен,— в нашем Никитском Кругу — Виталик Марченко.

ности: «Ах, я такой мудака, что даже на всемирном конкурсе мудаков не займу первого места!..»

Пришлось использовать кабель “по природному назначению”: в качестве телефонного.

Мы с Мамонтом углубили и выровняли пол в Сапфире, до того представлявший собой неровные кучи земли и бутового щебня меж полуметровых ям,— оформили плиту-сцену в конце грота у серого лёссового конуса. Коля Мэдманс с Рашпилем притащили из леса наверху на горе замечательную ёлку. Игрушки и украшения к ней приносили все понемногу.

Правда, с ёлкой тоже вышел конфуз: на вопрос Коли, какой высоты добывать дерево, я поднял руку вверх — и она точно пришлась в потолок Сапфира. В соответствии с чем сказал Коле: «рост + вытянутая рука + локоть, чтоб вкопать в пол». Соотношение моего и колиного роста очевидно. Так что лишний метр отпиливали сразу с двух сторон трёхметровой Красавицы. С превеликими сложностями и трудностями доставленной в Сапфир через Сейсмозону — в двухслойном полиэтилене и страшной боязни хоть чуть-чуть изогнуть, “чтоб ни иголочки не осыпалось...” Пилили — и плакали. И естественно материли меня, короткоростного.

: Сам Новый год описан в “Свободном Поиске”. Вкупе с прочей подготовкой к нему. Но, в принципе, так встречали потом в Никитах все новые года,— менялись лишь названия гротов. И отчасти — список гостей и участников.

— «Как встретишь год, так его и проведёшь». А потому последовавшая после этого объединяющего Систему спелеосэйшена зима была просто прекрасна. Каждые выходные к нам приходили удивительно замечательные гости,— гитары и магнитофоны звучали под нашими каменными сводами сутками; к каждому выходу творился очередной номер “маразматки”, в котором, конечно, были свежие спелеострофы Рашпиля, мои или Мамонта — строились и оборудовались новые гроты, расчищались так называемые “транспортные магистрали” и Централка — от завалов и крепяного бурелома; были оборудованы первые водокапы...

Обжили Сетку — среднюю часть Никит. Систему с перпендикулярным пересечением ходов,— что и вызвало в голове Рашпиля известные топологические галлюцинации. Русская Америка, также как традиционная Хата с находящимся рядом Гротом Поэзии, были отданы приходящим гостям; компания Каскадёра оборудовала для удобной стоянки грот Африка — расположенный в правом секторе Ближней системы. Мы с Удавом, Роденом и Золушкой построились в гроте Подарок. В центре Сетки.

: до нашего строительства там никакого грота не было. А было месиво рухнувшего плитняка. Увлёкаться описанием его разбора и приведения открывшегося пространства в более-менее пригодное для спелеожизни состояние не буду — поскольку уже сделал это в “Последней Капле Сталактита” устами Пита. Разве изменил имя проштрафившегося обсираением собственных ботинок и фонаря Родена... «И всё-таки, зря мы не назвали его Навозником,— резюмировал Золушка ассенизационные работы по удалению виновника

скандала из грота,— Навозник и есть...»

< Удав метит крепью в Родена для придания ему “третьей кармической спелеоскорости – одно соударение с плитой в секунду”,– Золушка восклицает: «Осторожно! Ты можешь попасть в ребёночка!» – «Я в него и целюсь!» – отвечает Удав. «Разве можно кидать крепью в ребёночка?» – продолжает цитирование Светка, подруга Золушки. «В этого – НУЖНО!!!» – ревет Удав.

: Владимир Семёныч Высоцкий, “Алиса”. >

Мы с Индейцем притащили в Систему фаянсовый унитаз и водрузили его в подарочном туалете. < Как тащили – не песня. БЫЛИНА. И в электричке, когда я в набитом народом тамбуре с комфортом присел на него, чуть не стянув машинально штаны, и как нёс на вытянутых руках перед собой, уравнивая тяжёлый шмотник за спиной,– и как тащили километровым обходным маршрутом через полсистемы — единственно возможным путём мимо люто непроходимых шкуродёров... >

: Удав и Золушка называли унитаз Роденом. По ассоциации.

При строительстве Подарка Удав предложил подлинное подземно-архитектурное ноу-хау: *обшивать влажные крепи, из которых ладили нары для спанья, сухими дощечками от магазинных ящиков.* Для защиты от влажности. Как паркетом. И несколько выходов подряд каждый из нас, направляясь в Никиты, “заворачивал на задний двор ближайшего гастронома”. Где оснащался вязанкой дощечек из раскуроченных ящиков.

Второе новшество предложил Золушка: для ровности складываемых нами из камней столов покрывать их поверхность дорожными знаками. Ибо и без того их тащили в Систему *просто пачками,*–

: от множества “уклонов дороги”, “тупиков” и “поворотов”, которыми наши недалёкие друзья оснащали самые подлые тупики и шкурники, вполне можно было дезориентироваться даже в весьма известной части Системы. Так что сбор лишних “предметов антропогенного происхождения” пошёл на пользу Системе и одновременно весьма “обуютил” наш спелеобит.

В составе “уэмовской части” Никитского Круга были теперь Рашпиль, вернувшийся из армии Борода, Ведьма, Зелёный Змей, Светик, Бес(Т), Хмырь и я. Вокруг-неотделимо-смешано-рядом – Удав и Золушка, Кнэд, золушкина подруга Светка-Чебурашка, Анята-Первая, Анята-Вторая, Малый Хенк и Мамонт. Что назывались “In Vi. S.” – “Ин Вино Спиритус”: в честь латинской поговорки, наших “спиритически-блюдечных” экспериментов и, собственно, Любимого Напитка Спелеологов – портвейна “Три Топора”,–

– а с ними ещё десяток наших друзей. В том числе Оля Шашкина, что позже стала женой Бороды (не став перед этим моей), ЮДА, Динамитрий...

: Группы-основатели НК сливались и разрасталась — и непонятно было, что с этим делать. Даже стоять в одном гроте столь исполинским составом было немислимо. Промежуточный выход нашли быстро – по соседству с Подарком оборудовали ещё два грота: один, камерно-

небольшой, с названием Гостинец заняли Зелёный Змей со Светиком; второй с названием Сосед – человек на десять – предназначили остальным. Мамонт, МамонД, Малый Хенк, Шютник и “беляевская часть” Никитского Круга заняли КД и окрестности Четвёртого Подъезда.

Мы в Подарке оказались на равном расстоянии и отлевой части Никит со столицей в ЧП, и от Правой, со столицей в Африке. Что было очень удобно не только для общения – но и для посещения любой части Системы.

... Саша Барсик обустроился в гроте Че-Гевары. Уйдя от нашей суеты в сторону, первым выбился из Коммундизма в неведомое прочим ЖБК. Лишь раз провёл туда Удава, – Васька вернулся с экскурсии полностью одуревший, только и сказал: – Да-а-а... Но слово, данное Барсику, держал.

: Об увиденном молчал. Как диверсантка Зоя на допросе гестаповцев.

Мне Барсик показывать открытый проход не стал – лишь спросил: *штрепки, которые выглядят так-то и так-то, называются ЖБК?..*

– и я понял, что он пробился. В один из выходов долго курсировал по Коммундизму. В одном месте прямо впереди меня летучая мышь с полного разгона – как мне показалось вначале – ушла в монолит. Приглядевшись, обнаружил узкую щель меж достаточно низким в этом месте сводом (стоял я перед ним “в полный никитский рост”, то есть на карачках) и подпирающей его кучей щебёночного бута вперемежку с известняковой мукой и глиной. На жаргоне такая смесь называется шняга. Пока я сидел и созерцал щель, ещё один ушан, не снижая скорости, ввинтился в неё — и быстро-быстро, едва сложив крылья, устремился вперёд “на четырёх костях”: отталкиваясь задними коготками и цепляясь-подтягиваясь передними, на крыльях. Впервые в жизни я увидел столь необычный способ перемещения летучих мышей. И довольно скоростной при этом.

Щель была накатанная мышками, почти чёрная. Торная многолетняя тропка... Из неё очень слабенько дуло. Мокрая щека эту тягу чувствовала. Сухая – нет.

: Копать не хотелось. Ибо место это было не далее, чем в пятидесяти метрах от входа в Никиты. Раскопанную шнягу не замаскируешь – белым пятном она будет выделяться на любом никитском фоне. И притягивать взгляд даже в самом слабом свете фонарика. К тому же слабость тяги указывала: где-то, не столь далеко, распахнут более просторный проход.

Было ясно: если Барсик прошёл в ЖБК – то не здесь. Ибо тоненькая серая плёночка, покрывавшая бело-жёлтую внутри шнягу и так маскирующая её, не тронутую ни рукой, ни лопатой, под обычный камень — пылевая плёночка эта откладывается годами. Десятилетиями. Даже случайный след человека, касание рукой, легко разрушает её.

... пополз дальше от входа по краю Коммундизма – в сторону Че-Гевар. С мыслью, что для какого-то, весьма отдалённого будущего, перспективное соединение Никит и ЖБК найдено. Недалеко от Одиночества нашёл замаскированный шкурник. Из него дуло. И на порядок сильнее, чем из мышинной щели. Понял, что настоящая сбойка меж Систем – здесь. Плиты

вокруг выглядели просто безумно,— явно “живые”, не висающие ни на чём... Разбирать завал Барсика одному не хотелось. Ведь он вполне мог подпереть какую-нибудь из них “хитрым замком”,— даже если не сделал этого, всё равно: *уходить в огромную по рассказам Цыганова Систему, не оставляя контрольного срока, как и точных координат этого места кому-то, было очевидной глупостью.* Оттого Барсик и поведал о своём проходе Удаву.

: Решил при случае вернуться, сообщив Ваське, куда ухажу — да только случай никак не представлялся. И тут Че-Гевары рухнули.

* * *

Че-Гевары состояли из двух гротов: большой и просторной центральной части со столом из огромной монолитной плиты, который мы помогли сделать Барсику — одному ворочать столь тяжёлые плиты было физически невозможно — и спальни: небольшой куполообразной комнатки с серым лёссовым сводом, приподнятой относительно общей гостиной части.

У Барсика возник с Анютой-Второй роман — естественно, приведший к половому акту под этим лёссовым куполом. Весьма, кстати, красивым — в разводах голубых, светло-серых и красных от охры глиняных лент...

: исполнив мужской долг, Барсик спустился из спальни вниз — в гостиную часть грота. Где на столе остались сигареты. В одних сапогах из всей формы одежды. Ибо после интенсивных физических упражнений холода в Никитах какое-то время не чувствуешь.

: Закурил. Подумал, не разжечь-ли примус. Сверху раздался томный, уже женский голос:

— Саш... принеси-ка мне сигаретку...

— Тебе нужно, ты и спускайся.

— Саш... Ну ты ведь только что был такой ласковый...

— Так ТО когда было!!!

: Известное мужское небрежение партнёршей по окончании действия гормонов.

И Анюте пришлось спуститься. Тоже в одной обуви. По той же причине.

В ЭТОТ МОМЕНТ СВОД СПАЛЬНИ УПАЛ.

: мягко, почти беззвучно. Курящие у стола Анюта и Барсик в первый момент даже не поняли, что случилось,— перевели взгляд от докатившихся по склону к их ногам глиняных шмотков и булыганов наверх —

“И естественно вздрогнули”.

: СИТУАЦИЯ...

— Даже ходовой свет погребён под глиной. И мощными известняковыми булыганами. Не говоря о прочем. Единственный свет в гроте — огарок свечи на столе. И всё. *Бежать с ним в абсолютно голом виде через Сейсмозону к нам в Сетку — что в Четвёртый Подъезд, вокруг которого построили свои гроты Мамонт, Хенк, Братья и примкнувшие к ним чайники,—*

: Какое-то время Барсик и Анята-П сидели и курили в ужасе. А также в безумной радости и одновременно проклятии. Что живы. Медленно и необратимо замерзая...

И тут во входном шкуродёре появился Роден. *Самый известный никитский циник на то время,* –

– Гаси свет! – требует у него Барсик. – И беги к народу, пусть СРОЧНО несут сюда одежду и лопаты!!!

: В принципе, либо одно – либо другое. Ну да ладно. Понимаю, что Барсику было не до филологических тонкостей.

– Роден оценил ситуацию и умчался. С хохотом и предвкушением, КАК об этом можно рассказывать. “Всем и каждому”.

: Ни на одни спасы в Никитах не устремлялось столько народу. В таком темпе и с такой заинтересованностью...

Даже Каскадёр с Ребёнком из “более, чем отдалённой” Африки.

Обидно и жалко, что в этот момент мы с Хмырём ползали по самой дальней тогда Правой системе Никит. В районе места смерти Шкварина.

Когда вернулись, было поздно.

“Всех спасли, всё откопали”.

— Ну, или почти всё:

Потому что от половой активности Барсика обрушилась не только че-геварная спальня. Рухнул также весьма значительный участок штрека, соединявший Че-Гевары и Одиночество. Посреди которого был открытый/закрытый Барсиком проход в ЖБК.

Так что молчание Сашки об открытом им соединении Систем и поставленный камуфляжный завал обернулись неизмеримой для всех нас пользой. Ибо страшно представить, если б кто-то в это время в тайне от всех рассекал по “секретным просторам”... < Впрочем: почему “кто-то”? Ясно, кто. Уж не к Шкварину бы отправились мы с Хмырём – коль влекли/притягивали дальние окоёмы Системы. >

* * *

А теперь рискну привести несколько притч того никитского времени, что в повести “Где дольше Света длится Тьма” назвал “Сагой о Йесте Белкине”⁹ и оснастил хулиганским эпиграфом: “...*Чтобы яичницу сделать, как Белкин – КАТАЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ГРЕЛКОЙ!!*”

* * *

⁹ Ведьма называла этот цикл “Повести Белкина”, – полностью он состоял из 12 душераздирающих повествований. Четыре из них я использовал в своём “Ильинском цикле”; остальные пока “придержал на будущее”.

Зимний выезд на Понеретку. Снегу по пояс. Температура -25°C .

: то есть довольно дискомфортно и холодно.

Понеретка – подземная речка в Новгородской губернии; в месте своего впадения в р. Мста она вырывается из-под земли, и пройти её затопленное подземное русло снизу вверх, от устья – ибо иные варианты просто-напросто невозможны – Цель, притягивающая не одно поколение спелеологов. Летом задача эта неразрешима из-за высокого уровня воды, затапливающей четырёхкилометровый, по предположениям, лабиринт — но мы надеемся, что зимой, когда уровень грунтовых вод падает, сифоны – то есть затопленные по свод участка русла – падут пред нашим натиском...

: задача помельче (то есть не столь амбициозная) – порыться вокруг в поисках иных “интересных дырок”, что ускользнули по ряду причин от внимания наших предшественников; есть мнение [‘от ЮДА’], что “дырок” этих в окрестностях...

: Как в Старице, в общем.

Состав выезда: Зелёный Змей, Водолаз и я (одна большая четырёхместная палатка с тёплыми двойными стенами), – а так же ЮДА (спровоцировавший нас на этот подвиг), довольно непосредственная Полудевочка Яна и Белкин: вторая палатка, одноместный летний “гробик” ЮДА с брезентовыми стенами десятилетнего, как минимум, возраста. < Мы честно звали кого-то из них к себе; спят же они там втроём потому, что ЮДА никому свою палатку никогда не уступит, Яна как бы желает спать с ЮДА – *это на таком-то морозе!* – а Белкин желает как бы спать с Яной... Аналогичное сексуально-климатическое замечание. Потому они и жмутся втроём в индивидуальном гробике ЮДА, –

— но это их личные трудности. >

: Пока мы (я, Водолаз и Змей) мужественно штурмуем ледяные (температура заполняющей воды = $+2^{\circ}\text{C}$) сифоны Понеретки (кто ни разу в жизни не пробовал купаться в ледяной, в буквальном смысле этого слова, воде – тому бесполезно описывать сопутствующие страдания, особенно по выходу в мокрой “гидре” на двадцатипятиградусный морозец вместо гораздо более желанной парилки) – ЮДА по пояс в снегу на упомянутом морозце рассекает окрест в поисках своих “интересных дырок”; чем маются в лагере в наше героическое < геморроическое > отсутствие Яна с Белкиным, для меня лично загадка.

* * *

∴ отогреваемся вечером у роскошного костра, сооружённого ЮДА, протянув к теплу промёрзшие ноги. Голые пятки опираются на лежащие у огня поленья; рядом на колышках, вбитых в снег, сушатся носки и вибамы.

– Идиот Белкин сушит ноги прямо в ботинках, для пущей передачи энергии уперев их чуть-ли не в самое пламя. Ботинки у него пластиковые; подошва – толстый слой легкоплавкого, но почти не проводящего тепло пенополиуретана.

: американская штамповка, шит фо мизери.

– Сгоришь ведь... вынь ноги из костра! – предупреждает Опытный ЮДА Б.

: Нашёл, кого...

– Не учи отца е., – развязно отвечает Б. – и лишь глубже задвигает ноги в огонь, не ощущая вожделенных килокалорий.

– Как знаешь, – спокойно (на редкость) отзывается ЮДА. И раскуривает свою любимую трубочку. А затем начинает травить какую-то байку:

: Он своё сказал.

— Б. слушает ЮДА, разметав уши по щекам. Подошвы его ботинок начинают плавиться и капать горячей “пенкой” на поленья. Мы стоически молчим – но когда вонь жжёного пластика становится нестерпимой, не выдерживаем и хором орём:

– Ну вынь же ноги, урод! Горишь!!!

: Нормальный человек при этих словах осторожно вынимает ноги из обуви – чтоб не ожечься о горячую подошву, –

Но то – нормальный.

: Б. вскакивает, с размаху погружаясь обеими своими ступнями в пузырящийся пенополиуретан – и разом получает все недополученные в течение зимы калории (точнее – кило, а быть может, даже мегакалории), –

– в результате чего у костра наблюдается процесс, аналогичный старту ракеты “ЭНЕРГИЯ”:

: выхлоп, пламя и звук очень похожи.

— “и запах тоже”.

Запасной обуви у Б. естественно нет – а потому ЮДА, поломавшись для виду, но сжалившись, уступает ему на другой день свои кеды.

“Зря”, – полагает наша палатка, – потому что идиотов нужно не лечить, а учить; желательно — их же собственным опытом по голове с размаху —

«Походил бы как Порфирий Иванов по снегу голыми пятками – глядишь, и стал бы умнее...» – ворчит Водолаз. «Горбатого порода исправит», – отзывается Змей, полемизируя не столько с Водолазом, сколь с педагогическими заблуждениями ЮДА.

* * *

: Каталитические грелки в том году впервые появились в продаже. На мой взгляд – зряшная безделица, не более: для горения/окисления необходимы кислород и бензин – “это раз”; “два” – сколькими ими надо обложиться, чтоб действительно не замёрзнуть?.. И – “три”: основная потеря тепла у нас происходит через голову, пальцы рук и ног, – работать же под землёй или тропить лыжню по пояс в снегу с этими агрегатами в рукавицах и ботинках... Куда их там втиснуть?..

– Но идиот Б. нашёл, к у д а .

А теперь – замрите: в своё время эту историю мы с ЮДА продавали “за стакан” —

И всегда наливали.

... пока мы днём штурмовали сифоны Понеретки ($T^{\circ} \text{H}_2\text{O}$, напомним, = $+2^{\circ} \text{C}$), а ЮДА рассекал окрестные сугробы в поисках забытых каменоломен (и нашёл: диво дивное, полузатопленную Систему с удивительно хрупкими, будто мохнатыми снежно-белыми сталактитами — занавесы их от свода до пола штaketили штреки и казалось немислимо-страшным разрушить хоть один из них, чтобы проникнуть дальше) – Б. и Яна жарили в лагере на всю нашу компанию картошку.

: Это единственный день, о котором – точнее, об их дневных занятиях в который нам хоть что-то известно доподлинно. Потому что нормальные люди без сомнения жарили бы картошку действительно в лагере – на хорошем костре с угольками...

: Наши уроды готовили её в “гробике” ЮДА, расходуя НЗ-шный бензин < с этого момента рекомендую прекратить за чтением табакокурение, а так же жевание бутербродов во избежании подавления – и пристегнуть потуже ремни: на всякий случай > ... потому что выползти наружу и развести костёр им было, видите-ли, холодно.

— *Да в такой мороз костёр в лагере обязан полыхать так, чтоб доменной печи стыдно стало!..*

...: весь брезент от их “готовки” стал мокрым от пара. А в первую очередь – конечно! – Т-образная металлическая молния, закрывающая палаточный вход.

Напомним: T° на улице = -25°C ... В палатке же во время стряпни им удалось её поднять градусов на 30, не меньше. А потому их не особенно волновало, что вечером мы вылезем из ледяной обводнённой дыры в мокрых насквозь комбезах (надетых, естественно, поверх гидрокомбинезонов)... И что запаса тепла в стандартном одноместном брезентовом “гробике” хватает, в общем-то, ненадолго.

– Впрочем, к ночному похолоданию Б. делает некоторые приготовления: наливает бензин из канистры (в опасной близости от разведённого нами костра) в литровую банку из-под тушёнки, топит в ней своё чудо катализа (в голове автоматически всплывает известная драма Тургенева) и начинает полоскать.

– ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? – недовольно волнуется ЮДА, – там ведь ясно написано: капнуть пипеткой пять-шесть капель...

: Имея в виду инструкцию.

– Ха! – отзывается Б., – с пятью каплями её хватит не больше, чем на пять часов. А так – на всю ночь!

– С этими словами поджигая своё насквозь пробензиненное сокровище. А когда внешний бензин выгорает, засовывает его (то есть е ё) в трусы.

: В ТО САМОЕ МЕСТО.

— И отходит ко сну в пухо-

вый экспедиционный спальник – впрочем, ко сну, весьма условному. Ибо изо всех сил старается прижаться к Яне – пребывающей, между прочим, в таком же пуховом “эгоисте” меж Б. и ЮДА. < ЧТО можно ощутить – даже по молодости лет – сквозь два толстенных пуховых слоя и пяток свитеров, для меня является экстрасенсорной загадкой. > Однако Яна, в свою очередь, точно так же пытается “объять” ЮДА: то-ли спасаясь от ласковых притязаний Б., то-ли устремляясь к ЮДА с аналогичными предложениями.

: ЮДА мёрзнет в отечественном ватине < спальник летний, рассчитанный на температуру не ниже +15° С, и тепловые свойства его очевидны > – но стоически отодвигается от Яны.

: Нормальный человек, и пока не ослеп и не офигел. То есть – не спятил. Ибо Яна...

— **Яна:** картинка-ситуация врывается в “повести о Белкине”, вызывая усмешку –

... битком набитый автобус, гололёд, декабрь, час пик. Мы стиснуты на задней площадке так, что не пошевелиться. Время вечернее – зачуханный совок разъезжается по завершении трудового дня по спальным выделкам... В немного оупелло-зломном настроении. Любой разговор громкостью выше средней тут же становится групповым с оттенком скандала – тем не менее Белкин травит какой-то анекдот (или очередную кошмарную быль из личной жизни). И в том месте, где нужно смеяться, Яна по-детски наивно интересуется на всю нашу заднюю площадку:

– А что такое онанизм?

: Вокруг – совок.

: Белкин затыкается в явном смущении.

– Я тебе потом объясню... Если захочешь, – негромко обещаю я.

– А почему – “потом”? Я хочу, чтобы мне сейчас объяснили, что такое онанизм!..

: Площадка начинает умирать от группового хохота.

– Ну Ян... Здесь же неудобно... – растеряно бормочет Белкин. Даже он понимает, что всякому эпатажу – своё место. И время.

– Почему это “неудобно”? Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ МНЕ СЕЙЧАС ЖЕ ОБЪЯСНИЛИ — ЧТО ТАКОЕ ОНАНИЗМ!!!

: Орёт на весь автобус. Салон раскачивается в нервной истерике, автобус виляет – слышно было и водителю – далее следует истошный визг тормозов — нас выносит на встречную полосу: удар, гол.

: ЕСТЬ женщины в наших селеньях...

Но – продолжаю:

Мы в своей палатке ясно слышим:

– Ян... Ну, Ян...

: Часа полтора.

– Через какое-то время рука Б., промахиваясь в темноте, начинает ласкать и гладить шевелюру ЮДА – не столь, между прочим, и пышную: можно было бы отличить. Это окончательно добывает ЮДА — спасаясь от приставаний Б. и Яны, он делает последний

воплем: «а-а-а-а!!!» резким движением разгибает её.

: *Нечто подобное угольку сигареты очерчивает в воздухе крутую дугу – метеором вонзаясь в отдалённый сугроб. Где шипит оставшееся до рассвета время:*

: *‘Часиков пять или шесть’...*

: ЮДА светит на сугроб – над снежным холмиком поднимается тонкая струйка пара. Как над камчатским гейзером,–

— Очень поучительное зрелище. Но спать хочется сильнее, нежели любоваться им – и слушать полный страданий тоскливый вой Б., который то приближается к нам, то удаляется в сторону устья Понеретки.

: Очевидно, остужать перегретое.

* * *

... Поздний ноябрь, река Рожайка против знаменитого никитского родника. По реке плывёт мелкая ледяная шуга.

Мы только что вылезли из Системы – Зелёный Змей, Пюля, я, Рашпиль и чешский трамп-спелеолог Франта. У родника Белкин в двух свитерах и одной “гидре” готовится к предстоящему штурму Понеретки, в связи с чем собирается сигануть в не менее знаменитый, чем родник, никитский омут < знаменитый зимой – когда мы по льду добираемся через него напрямик ко входу в пещеру >.

Рядом консультирующий Водолаз.

– А это ещё что? – Белкин с отвращением глядит на тяжёлый пояс с металлическими болванками.

– А без этого ты в ней нырнуть не сможешь: вода вытолкнет,– профессионально поясняет Водолаз,– под гидрой-то воздуха...

– Да? – скептически хмыкает Белкин – естественно отвергая рождённое человеческим опытом. И заползая медведем-коалой на склонившуюся над омутом иву (очевидно, для смелости: уж больно холодна водица для “техники мягкого ввода”), сигает с неё головой вниз:

– и в этом положении замирает. Уйдя под воду ровно на половину.

: Ногами вверх.

— Мы хохочем.

Проходит минута, другая. Белкин трепыхается бум среди мелкого льда, не в силах перевернуться.

– Я же предупреждал... – сокрушённо вздыхает Водолаз.

– Нашёл, кого... – мрачно отзывается Змей. Однако дураков лезть в эту воду за Белкиным среди нас нет.

— И тут Франта, верный трамповской традиции (сильна закалка чешских туристов-экологов!) скидывает с себя комбез и прочую одежду – которой, кстати, по объявленной выше причине против нашей почти

что и не было — и сигает в омут, в чём мать родила.

: Спасать непотопляемое в принципе. С другой стороны, очищать от него реку.

В этот момент к роднику подходят отставшие — Бес(t), Светик, Натка и пара каких-то чайниц.

— Что это они делают? — интересуются девицы, созерцая безумную картину: обнажённого во льдах Франту, борющегося с гидрой Белкина.

— Не видишь, что-ли: купаются,— отвечает Водолаз.

: Белкин выпихивается на берег; Франта по ряду причин, стоящих на берегу, остаётся в воде — стесняется выйти. А попросить, чтоб девицы отвернулись, не может: от холода все русские слова вылетели у него из головы.

— Проходит ещё какое-то время.

— Да-а,— восхищённо признают девицы,— вот это закалённый мужик! Не то, что вы...

: Закалённый мужик синее прямо на глазах. С остатками тепла из его тела улетучивается этикет международных отношений — и он изрекает на чистейшем русском (то есть международно-матерном):

—!..

: Причём — что поражает не только меня — не “твою”, а “вашу”.

— Отвернитесь, значить,— переводит специально для девиц Пюля.

* * *

Нам предстоит исторический сплав по реке Рожайке “от истока до устья”. Оснащение — то есть средство сплава — белкинская трёхместная брезентовая субмарина марки “Салют”. Которая, за огромностью своей, перевозится в разобранном виде в двух тюках. Из них один можно навьючить непосредственно на спину; второй, по какой-то причине — нет.

... Влетаем в метро в надежде не опоздать на нужную нам электричку. На мне вертикально ориентированный тюк — что можно нести на спине,— у Белкина поперёк рюкзака — горизонтальная часть.

Сильно выпирающая вправо и влево.

: Эскалатор забит народом, но слева можно пробиться. Устремляюсь вниз —

— Белкин, не думая и секунды (как не трудно догадаться, слово “думать” и Белкин не вполне совместимы), повторяет моё движение.

Причём с не меньшей скоростью.

Весит он в полтора раза больше, чем я.

На спине здоровенный шмотник, поперёк которого тоже хороший груз. Причём не габаритный.

Слышу сзади пассажирский вой и мат,— не оглядываюсь, ибо понимаю: теперь — только вперёд, и с как можно большей скоростью.

: Дабы не быть погребённым лавиной человеческих тел...

* * *

: Поскольку о белкинских приколах и фокусах сполна поведано в “Где дольше Света длится Тьма”, от излишнего самоцитирования попробую уклониться. Но так как наличие некой ‘особо ударённой’ иль геройски-кармической личности есть неотъемлемая часть любого человеческого социума (на любом уровне и в любую эпоху – от королевских шутов и русских скоморохов до современных деятелей типа Ж. и Б.), – в любом никитском поколении их хватало. Как хватало печально-весёлых эпизодов, связанных с ними. Поведаю о ряде таких персонажей – дабы не обвинили в “идеализации друзей в частности и никитской истории в общем”:

* * *

: **Миша-Обжора.** Весьма любимый всейлевой системой Никит, – хронически голодный и готовый есть в любое время суток. Всё, что угодно.

Бывают такие личности.

— Грот Ён¹⁰, оборудованный Длинным Киroy в системе Коммундизма; утро воскресенья. После обильного субботнего возлияния в гроте просыпаются сам Длинный Кира, Юра Кирина и Шурка-Асисяй. Похмелье – более, чем мучительно. Есть бутылка не очень палёной водки; в канчике оставшиеся с вечера макаронны.

Есть абсолютно не хочется – но все понимают, “что надо”. Иначе в организм не пропихнуть ни одного из живительных граммов. Давясь от судороги, съедают холодные макаронны. Запивают водовкой, –

: тем не менее, организм не принимает. И стремится вернуть народу его дары с просто-таки неостановимой силой. Гротик совсем маленький, в нём даже не распрямиться в полный рост, – по крайней мере для двухметрового Киры, – до туалета в широкой части ближайшего штрека ползти четырёхметровым шкуродёром. Сил на преодоление которого ни у кого нет. Как и времени.

: Освободившийся от макарон канчик пускается по кругу, и они по очереди сблёвывают в него то, что только что из него было съедено. Чтоб не пакостить в гроте.

В этот момент в грот протискивается Обжора с очевидной мыслью: *где бы*

¹⁰ Чтоб избежать проявлений праздного чайничьего любопытства, Кира специально не стал давать своему гроту никакого названия. В разговоре же говорилось “он”. Но свято место пусто не бывает — и через какое-то время местоимение родило Имя Места.

чего пожрать.

– О, что это у вас? Макароны! Да ещё тёплые!..

– И пока от оторопи никто не успевает ничего сказать, начинает работать ложкой. После чего говорить что-либо никому не приходит в голову.

: Всех снова тошнит. Хотя, казалось бы – нечем.

* * *

— *Сима: просто фантастический разгильдяй,* – и этим полужирным курсивом всё сказано.

«Сима, не наступи на гитару!» – *БОМ!!! ХРУМ!!!*

: С паузой в полсекунды.

«Сима! Осторожно!! Здесь стоят примуса!!!»

– Сима делает два шага. *Как можно за два шага наступить на три примуса — Загадка. Из них один включённый, со стоящим на нём каном манной каши.*

“Рабочая доза” Симы была 47 грамм любого алкоголя. 50 грамм – смертельная. Для окружающих.

Горе было тому гроту (или летней лесной стоянке), где по незнанию предлагали Симе жахнуть больше.

Мы однажды предложили. Но так как по доброте душевной сразу накатили передозняк – грамм 150 – “разрушительная стадия” длилась не более минуты. И пострадали только примуса и гитара.

Дело происходило на верхней уэмовской стоянке, что была оборудована над входом Эгипед на краю провальной воронки. С естественным откосом склонов в 30 ÷ 40°. Меж костром и воронкой мы с Рашпилем сделали удобное сиденье на пару персон (типа “лавочка”); в качестве спинки в несколько рядов натянули меж двух ольховых стволов репшнур. Получилась этакая пружинящая спинка-качалка.

: Прикольно и удобно.

– По завершении движений ногами по гитаре и примусам Неуправляемый Сима плюхается на эту скамью и начинает интенсивно раскачиваться. За спиной – бездна глубиной почти в три метра.

«Сима, не раскачивайся – упадёшь ведь!..»

– Да ладно тебе...

: доносится уже в полёте. Под описывающие характерную дугу ноги. Кстати, довольно длинные.

Понимаем, что там ему теперь самое место – а потому никаких попыток вызволения из ямы не делаем.

: Мы не враги своему лагерю.

В трезвом виде Сима выглядел симпатичным молодым человеком; в общении производил интеллигентное впечатление. С характерным покраснением при упоминании названий некоторых никитских гротов (таких, как Жопа или

Хуй Малый). С десяти граммов Сима становился удивительно добр и мил. На двадцатых легко и непринуждённо изъяснялся самой ненормативной лексикой. После тридцати рассказывал детские анекдоты. От сорока семи граммов Сима отрубался. Но если скачкообразной дозой этот рубеж получалось преодолеть... Примерно, как световой барьер,—

: От шестидесяти начинал сходиться с ума и сильно буйствовать. От более, чем ста движения становились вялыми и неубедительными — но продолжаться могли довольно долго.

: Сима начал выползать из воронки. Добравшись почти до края, потерял то-ли представление о смысле этого движения, то-ли ощущение верха и низа — и естественно обрушился обратно.

Потом повторил попытку. Потом ещё раз. И ещё. И, в общем, так и не прекращал их до самого рассвета. Иногда даже умудрялся высунуть руку над краем воронки...

: Какое-то время мы заключали пари. Потом прекратили. И привыкли к периодическому шевелению в яме за спинами — как привыкаешь к шуму дождя и ветра. Или морского прибоя.

Сидели у костра, потягивая чаёк и лёгкое вино; по кругу владели гитарой, перемежая песенки анекдотами и разговорами — с лёгкостью, не разрывая фразы, переносясь мыслью от Системы, что была под ногами, к звёздам над головой,—

— время от времени, как на слёте в лесу, к нам приходили “на огонёк” гости с других стоянок. «Ой, что это там у вас — ёжик?..» — вздрагивали они, услышав в яме очередное шевеление. И позвякивание стекло-тары — естественно, по опустошении отправляемой в воронку.

— Хуже: Сима... — отвечал Рашпиль.

— Уж лучше б был ёжик,— со вздохом добавляла Татьяна, остатки гитары которой уже догорели в костре.

: О том, что было однажды с Симой, когда кто-то, ещё более добрый, чем я, накатило ему “с размаху от щедрости души” *полный стакан водки* — рассказывать не буду. Хотя Склизкий и Крэйзи часто вспоминают эту историю. Но что уместно при встрече старых друзей, не всегда годится печатному листу.

... В. М. назвал нас “катакомбными алкоголиками”. Отвлечёмся от *принципиальной недопустимости* термина “катакомбный” в данном контексте (это всего лишь характеризует уровень интеллекта В. М.) — я о другом. *Коль опьянение от принимаемых пару раз в месяц пятидесяти грамм — алкоголизм*,— я не рядовой католик, а Папа Римский. И если кто думает, что все симины приколы случались лишь под действием этанола — поверьте, тоже заблуждается. В подтверждение — история, случившаяся с Симой в состоянии полной его трезвости.

: Мы принесли в Вупертот флакон азотной кислоты для отбеливания свода. Ибо за время зимнего сезона 81/82 года свод в занимаемом нами гротике изрядно почернел; в соответствии с исповедуемой в Никитском Кругу экологической ориентацией, его было решено очистить.

Азотная кислота для этой цели – весьма подходящее средство. Капаешь в крышечку грамм 10, точным движением брызгаешь на потолок, – лёгкое шипение, и на нём остаётся белоснежное пятно. (Крышечкой пришлось пользоваться оттого, что шприц не доехал до грота – почил, плохо упакованный, в транс.)

Опробовали процесс (и “процесс пошёл”), – Сима вызвался довести его до конца.

: Оставили его в гроте. Сами отправились в неподалёку расположенный более просторный Акулий — готовить блины к запланированному на вечер СПУСКу. Темой которого было (кроме естественного употребления спелеоблинчиков с вареньем и чаем) исполнение мной, Бест и Рашпилем знаменитой полуторачасовой “трагедии без действующих лиц” Юры Лореса «Поминки по Арлекину».

Запрещённой к любому исполнению и цитированию “на одной шестой части суши”.

Кроме, конечно, неподвластного совку Мира Подземли. С благословения Юры мы подготовили по ней некий спектакль, который решили предъявить ребятам.

В разгар приготовлений из штрека, ведущего в сторону Вупертота, раздаётся рёв, напоминающий приближение поезда метро.

Даже ветром дыхнуло.

— В Акулий (не прекращая реветь) врывается совершенно-ошалевший Сима, – описывает по нему пару кругов, ловится мной — далее приводится в чувство Татьяной.

: оказывается, ему, видите-ли, “стало скучно” уничтожать копоть гомеопатическими дозами. И он плеснул из бутылки.

Треть содержания которой, конечно, попала на свод.

Треть – на пол. И треть в симины библейские органы зрения.

Один из предидущих “университетов” был посвящен способам экономии света.

– Вот тебе ещё один способ, – говорит Рашпиль, – *кислотно-симмиотический*...

: Ибо до конца выхода Сима в своём фонарике не нуждался.

Однако на следующей неделе явился, как ни в чём не бывало. Любой другой человек на его месте без сомнения бы ослеп – Сима лишь “немного охуел”.

* * *

– Но что касалось Наумыча...

: Это был никитянин, которого действительно “ничто не брало” – хотя “взять” пыталось не то, что неоднократно — постоянно.

Он пришёл в Систему осенью 1980 года в славной команде т/к «ЗАГЗИ-ГИ» – и с тех пор его ни разу никто не видел без гипса или бинтово-марлевой

повязки. Если Наумыч не был закован в гипсовую броню хоть какой-то частью тела – значит, носил повязку со смягчающей мазью после ожога. Если повязки видно не было – значит, пострадавший орган прятался под одеждой. Как правило, Наумыч падал: из окна жилого дома, с балкона в разгар дружеской вечеринки, с лестницы, машины, дерева, палубы парохода, ракетного тягача на демонстрации 9 мая, – каменного порошка высотой в пять сантиметров, –

— или обжигался: кипятком, битумным варом, углями костра, утюгом, паяльником, автомобильным прикуривателем и блоком цилиндров, газовой плитой, примусом, током СВЧ, кислотой, борщевиком, крапивой, костровым пламенем, сигаретой, горячим борщом или чаем, –

На самый крайняк – резался ножом или рубился топором.

Исключительно случайно, ибо к суициду этот жизнерадостный человек не имел никакого отношения.

Венец его трудов был – полёт с двенадцатого этажа родного дома после сильного ожога.

: Дабы в соответствующем уюте испить чайку на балконе, Наумыч выкинул туда через форточку обычную стенную розетку, подключенную к самопальному удлинителю; принёс магнитофон и подключил его к ней. На кухне закипел чайник; Наумыч с чайником кипятка вышел на балкон и обнаружил, что ток в магнитофон не поступает. Не выпуская чайника из рук, он (без всякой обуви и носков, ибо стояла исключительная жара) взгромоздился на металлическое балконное ограждение, чтобы пошевелить розетку, – перила балкона оказались “более, чем горячими” от солнечных лучей — Наумыч опрокинул на себя чайник с кипятком; чтоб удержать равновесие, уцепился рукой за розетку – получил удар в 220 вольт (с также сопутствующим ожогом) — и благополучно спланировал по ту сторону балкона на стоящий под ним тополь.

: Три ожога и три перелома. < У Наумыча, – сломанные ветви тополя никто не считал. >

: На слёт памяти В. Шагала 1985 года его принесли на носилках. Нижняя половина тела была в гипсе, верхняя в бинтах. *Небольшой штрих: в больнице, заигрывая с медсестрой, он умудрился обрезать скальпелем.*

– Загипсованное тело грамотно разместили на должном расстоянии от костра. На удобной подстилке. Естественно, Центральным Костром был объявлен тот, где лежал Наумыч. Чтоб не таскать его “по гостям”. Так что основное действие вершилось поблизости.

Пришедших было довольно много; чтоб всем было видно всех, костёр разложили поярче. Вообще замечу, что “на шагале”, в отличие от обычных слётов КСП, никогда не делалось никакой сцены (даже на “больших концертных шагалах” в 1982, 1986 и 2003-2006 годах обходились без вычурно-эстрадного помоста), – все мы полагаем, что сцена – атрибут совковости, естественно текущее костровое общение/действие не в пример живее и выше манерного

выступления с некой эстрадной площадки.¹¹ То есть слёт памяти Шагала никогда не был каэспэшным слётом – это всегда была просто встреча друзей. С обязательной минутой молчания у памятника Виктору в полночь с субботы на воскресенье – и последующим свободно-вольным костровым общением “до упора”. Где с равным успехом соседствовали песни Галича и БГ, Мирзаяна и Шевчука, Лореса и Макаревича. Меж которых свободно уживались анекдоты и трал, поминание наших потерь и тосты в честь новых открытий.

*К любой “жанровой зашоренности” в Никитском Кругу отношение было резко отрицательное.*¹²

Ещё одно замечание: обычно человек, сидя у костра, как-то двигается, – поворачиваясь к пламени разными сторонами тела и просто время от времени отходит в сторону...

: Наумыч этой подвижности был лишён. Так же понятно, что тепло через гипс доходит не быстро. Зато, коль он нагрелся, –

— дальнейшее понятно.

В разгар посиделок Наумыч издал жуткий вопль и начал дёргаться. Единственная вода, что была в тот момент на поляне, заключалась в десятилитровом кане с глинтвейном, подвешенным над огнём.

: Её и вылили на гипс. Кстати – шипела и клубилась паром...

* * *

Осенью 1984 года на одной из наших “верхних стоянок” состоялся большой сбор Никитского Круга. По форме столь напоминавший партийно-комсомольские собрания с разбором “персоналки” – что до сих пор при воспоминании о нём мне становится мучительно-стыдно.

– Да, в Никиты порой приходили просто фантастические разгильдяи, пьяницы или просто “социальные уроды”. Появлялись ‘особо ударённые’ на почве интриг или сплетен личности. Кто-то был подлинным и неуправляемым ‘кобелино’; кто-то прославился просто чумными идеями < близкими к МДП >. Кто-то оказывался “нечист на руку”. Или собственное воспалённое эго полагал мериллом человеческих отношений. А кто-то просто не навоевался в армии. («Не вернулся головой из Афгана», – как говорили мы

¹¹ Оттого большая часть Никитского Круга крайне редко посещает даже клубные выступления любимых рок-музыкантов и бардов — но на моих “домашних концертах” всегда ‘лом’. То есть *анишлаг*, – если оперировать эстрадными терминами. Ибо тёплое домашнее общение сродни персонально-личному восприятию Автора, сидящего с тобой у одного костра, и с эстрадной мертвечиной “по определению” не имеет ничего общего.

¹² Позже кто-то скажет, перефразируя Аристотеля: “*Никитский Круг – Единство Непохожих*”.

тогда.) Такие люди в окружающей нас жизни присутствуют, как данность; не замечать их в городском бытии невозможно, как невозможно делать вид, что не замечаешь февральской метели или нудной октябрьской мороси. Часто бывает так, что единственный способ избежать нежелательных контактов с такого рода личностями — уйти в сторону.

Но куда “уходить” из любимой Системы?..

В случаях, когда перечисленные выше категории “никитян” не отсеивались из нашего общества естественным отбором и продолжали своё, достающее прочих, посещение Системы, к ним применялись карательные санкции.

: гавнюки и подонки не задерживались в нашем Кругу. Чудаки всех типов и видов полагались за колоритный фон – без которого “жить было бы, конечно, спокойней — но не столь весело”.

Когда пара не столь давно пришедших в Никиты ребят обратилась ко мне с самой настоящей жалобой на одного из членов их группы – с сексуально-аморальной стороной поведения которого они, якобы, ничего не могли сделать (были и иные “нарекания” – перечислять которые сейчас у меня желания нет), я предложил собрать Круг. И коль они лично ничего не могут сделать с поведением своего товарища, “навалиться на него многиром”. Ага: как делалось в те годы в “трудовых коллективах” и комсомольских организациях в случае, когда поведение человека выходило за нормы “морального облика строителя коммунизма”,–

: Вот такой бред – соучастием в котором грешен. Часа два у костра произносились гневные “обличительные речи”. Разного рода праведными мудаками (в том числе и мной). Омерзительно теперь вспоминать всё это — но как сказал мне недавно ‘хауптперсонен’ этой комсомольской разборки¹³, “пиши, пиши об этом обязательно — чтоб все знали: какими наивными дятлами мы все тогда были”.

Личные отношения парня с одной из девчёнок стали предметом всеобщего обсуждения. С подачи сексуально обойдённых друзей-конкурентов. Которые, конечно, были не менее замечательными ребятами, чем виновник (или – наоборот! – жертва?) скандала.

: То есть точно такими же, какими были прочие участники комсомольско-кострового “обсуждения Личности”.

В том числе и я.

– Понимание собственной мудаковатости пришло, слава Богу, довольно быстро — и оставило столь сильный след в наших душах, что хоть вой.

Я долго пытался понять: что же заставило нас всех (а главное – меня лично, ибо для меня было крайне важно найти ответ на этот вопрос) устроить столь позорное “судилище”? Командирский диктат, жажда некой власти?..

: Нет. Конечно, не это. Ибо подобного, слава Богу, не было никогда.

¹³ Мы до сих пор друзья, и после поведанного печального эпизода вместе посетили и вскрыли не один десяток пещер — а потому имя его оглашать не собираюсь.

Потом понял: *агрессивная уверенность в своей правоте.*

Умноженная на известный возрастной максимализм. Близкий к банальному кретинизму.

Это не оправдание — это попытка понять механизм ситуации, которая из нормальных людей сделала самых настоящих комсомольских шакалов. Ведь можно было, коль полагал, что имярек не прав, потолковать с ним спокойно, ‘тет-а-тет’...

— А может, он был прав – ошибались прочие?..

: Хорошо, что ощущение своей неправоты пришло достаточно быстро. Инцидент, как и конфликт, были исчерпаны во взаимных извинениях.

Все остались друзьями — и продолжили славное совместное хождение “за три света”.

Которое, конечно, не оставило бы в памяти столь грустного штриха – окажись мы чуточку умнее.

Чуть добрее друг к другу.

: *Хоть чуточку толерантней –*

Но на ошибках учатся.

Кто знает: не испытай шок от чудовищной неправоты содеянного — пришли бы к мудрой толерантности, что сложила/соединила нас всех в Никитский Круг?..

* * *

Надеюсь, после приведённых историй никто не сможет упрекнуть меня в том, что в своих строках я превращаю живых, ходящих под землю людей, в бестелесно-интеллектуальных гениев, ангелочков и праведников. *Это была живая, настоящая жизнь — и в ней было всё.* Как органично сочетались наши подземные праздники с открытиями новых Систем и гротов, раздолбайство и безбашенное питие “всего, что горит” с занятиями наукой и творчеством, “весёлые девочки и грустные мальчики”, — так никто не был однобоко-упёртой личностью. Каждый был полноценным слепком этого мира, — отражающей и составляющей всё его многообразие каплей: последним разгильдяем, лицедеем-прикольщиком и настоящим Лидером одновременно. Каждый бывал тысячекратно прав – и в тоже время ошибался в этой своей правоте. И в каждом был набоковский Творец и хайямовский Пьяница, интель Стругацких и романтик Джека Лондона.

А посему предлагаю понимающему толк в напитках Читателю поднять в этом месте стопку какого-нибудь замечательного, несущего радость напитка, за *этот наш мир.* За всё его замечательное многообразие, в котором всегда находилось место каждому и для всех.

И совершенные ошибки давали повод к Прозрению.

– Потом продолжим наш разговор дальше.

* * *

...: одним из известных никитских разгильдяев тех лет был Пюля (“в миру” Игорь Башкиров). Сосед и приятель Ромки-Президента, вместе с ним он пришёл в Систему в 1984 году. С Пюли началась международная слава Никит –

: Не знаю, в каком кафе или баре он познакомился с чехами Карелом и Франтой. Что знакомство это ни при каких условиях не могло состояться на лекции общества “Трезвость” – очевидно. Так же как, к примеру, в официальном горклубе туристов или кружке шитья и кройки при ЖЭКе. Но место знакомства не важно. Важно, что Пюля привёл их в Никиты.

Чем приковал внимание “просвещенных европейцев” этот воистину “каменоломенный алкоголик” – загадка. Быть может тем, что, по природе своей склонный к изучению иностранных языков не менее, чем к употреблению огненной воды, олицетворял собой извечную “загадку странной славянской души”. < За месяц, не более, он в совершенстве выучил чешский; за один выход мог пропить всю свою снарягу. На день рождения мы с Президентом подарили ему “пюленепропиваемый комбез”, на котором данная надпись в качестве острастки была вышита и спереди, и сзади — однако комбез продержался на Пюле не более месяца. >

Франта – славист, проходящий практику в Москве. Карел инженер-строитель, – работал на стройке в “чешском квартале” неподалёку от Новослободской, – естественно, они стали заходить ко мне в гости. Наверное, им многое пришлось преломить в себе, чтобы увидеть в нас не представителей страны-окупанта, а друзей. Долгое время они избегали в разговоре любого упоминания о 1968 годе, – не забывайте, во время нашего знакомства ‘морально ограниченный контингент’ совковой военной машины резвился в независимом Афганистане, – но однажды услышали в моём исполнении диптих Вадима Певзнера “Дезертиры”.

: В электричке, по возвращении домой из Никит.

То, что мы можем *петь такое* не шепотком на кухне и не в неподслушном КГБ гроте – *среди наполненного вагона* — поразило их.

: *Плотина недоверия была сломлена.*

Мне было просто радостно, что хотя бы у нескольких чехов мнение о русских изменилось “на сто восемьдесят градусов”. И изменение это произошло без демонстраций на площадях – от простого распевания нами любимых песенок.

От нашего образа жизни.

За Карелом и Франтой к нам потянулись их друзья из “чешской колонии”, – соответственно, всё больше никитян стало заходить “на огонёк” в Чешский клуб на улице Фучика. По просьбе Карела мы устроили у них слайд-вечер, посвящённый подмосковным и старицким пещерам. И пещерам-вертикалкам Кавказа и Крыма.

Я приглашал на концертные вечера в Чешский клуб Мирзаяна, Лореса, Бе-

режкова и Ивасей,— с Иващенко и Васильевым примерно в это время меня познакомил Сапиенс. < Потом Лёпа и Гоша рассказывали на концертах, что это было их «первое выступление за границей» — на самом деле территория Чешского клуба юрисдикцией посольства не обладала. Тем не менее, факт выступления имел место — и встречены публикой они были весьма тепло,— единственное лингвистическое недоразумение произошло во время исполнения “Арии сибирского цирюльника”, которую Карел умудрился перевести на чешский, как «сибирские тюрьмы». >

Чешская компания Карела и Франты по воскресеньям исправно посещала Никиты. По средам — Новослободскую-25-10.¹⁴

: Вместе делали наши газеты-маразматки,— Франта оказался замечательным рисовальщиком и карикатуристом. Вместе встречали в Никитах Новый год.

Как и прочие праздники.

* * *

1 января ‘зоологического’¹⁵ Нового года’. Утро. Сил слушать музыку ни у кого больше нет; мы с Бароном искренне пытаемся встряхнуть народ Розенбаумом — народ в ужасе расплзается гулять по Системе:

: в поисках новых приключений.

— *И находит:*

Через некоторое время в Девятку врывается возбуждённый Кракодил:

— Где Командор?

— А что случилось?

— Там в Лифте Шагала Франта застрял... По-моему, уже на последнем издыхании — и никто не может его вытащить.

— Я хватаю налобник и лечу, не надевая комбеза, к Лифту Шагала. “В предчувствии спасов международного масштаба”. Долетаю до

¹⁴ Теперь на месте того моего дома — где было проведено столько домашних концертов и истинно театральных ‘университетских’ сэйшенов — высится громада Театрального Центра имени Мейерхольда. Можно долго рассуждать о *философской преемственности места* — кабы не знать, что к появлению данного театрально-коммерческого монстра я приложил свою “депутатскую руку”: *строительство театрального центра позволило расселить переполненные коммуналки нашего, разрушающегося от ветхости, дома. Причём все мои бывшие соседи получили новые квартиры не в районах муниципальных новостроек за тридевять земель от ближайшей конечной станции метро — в тех районах города, где им хотелось жить.* [По завершении расселения я явочным порядком прекратил своё участие в самоуправлении моего, теперь уже бывшего, района: иллюзий в *театральности* “демократических институтов власти” не питал ни на миг, ни на грош.]

¹⁵ О причине такого наименования — в «Кейвлайвинге».

Лифта, врубаю налобник “на полную” и оглядываю уже перестающего хрипеть Франту. Сверху. Затем отодвигаю бесполезного Пюлю в сторону < Пюля бесполезен как переводчик потому что увлечён не спасением Франты, а согреванием сестры его приятеля Карела,— тем более, что в целях поправки здоровья после ночного возлияния явно переусердствовал с дозой утреннего алкоголя и даже по-русски изъясняется не вполне понятно >,— пытаюсь поднырнуть под застрявшего Франту справа и слева. Трюк не срабатывает – Франта достаточно плотно занимает объём предоставленного ему никитской природой шкурника – плюс, как кажется мне, десяток окружающих известняковых сантиметров. Уменьшаю яркость налобника и быстренько оббегаю объект спасаловки по обходняку, продолбленному в 1979 году Кракодиллом. Вновь врубаю свет; осматриваю снизу всё, что оттуда можно осмотреть — и ставлю диагноз, против которого трудно возразить:

– ЗАСТРЯЛ, СОБАКА.

: Франта жалобно стонет.

– Значит, так,— обращаюсь я к нему, презрев языковые барьеры,— слушай сюда. Правую ногу по левой руке на пол-оборота, левую ногу под себя до упора, левую руку вверх по локоть и вправо, правую руку вниз до левой ноги, затем левую ногу по правой руке...

– *Как так*,— стонет сквозь слёзы будущий славист Франта,— *не понимаю: рука – нога...*

– Тогда ahoj,— изрекает сверху добродушно настроенный Пюля. И добавляет, обнимая Янку:

– Моя lasko...¹⁶

: Франта теряет сознание.

* * *

: Пюля действительно влюбился в Янку.

До истоши, до боли,— до полной невозможности говорить и думать о чём-либо ином,—

Редкий и не вполне объяснимый случай: встретив со стороны Янки полную и искреннюю взаимность.

И бросил пить – неожиданно, разом. Что не могло не потрясти весь Никитский Круг.

Франта дневал и ночевал у меня дома – я переписывал ему километры своих записей авторской песни, надиктовывал на магнитофон её историю. Будущую тему его диссертации.

Он познакомил меня с записями замечательного фестиваля Пантон-на-Порте¹⁷ — и меня не могли не удивить два момента. Первый – *уровень исполне-*

¹⁶ Ahoj – привет; lasko – любимая.

¹⁷ Пантон – известная чешская фирма грамзаписи; Порта – удивительно красивое место в Высоких Татрах, чем-то похожее на наш Чимган.

ния их самодельных авторов был такой, что не то, что наше хвалёное КСП — родная кичающаяся эстрада была в глубокой сравнительной заднице. Момент второй — фестиваль Пантон-на-Порте происходил, как и наши фестивали, с вечера пятницы до вечера воскресенья; так вот, уже в воскресенье в продажу поступали первые тиражи пластинок с субботнего и пятничного концертов. “Алайф” — то есть полная, сквозная запись. Без купюр и цензурных изъятий. Если же власть имела претензии по содержанию какой-то песни, — за “ненормативную” лексику или по диссидентской части — пожалуйста, через официальный суд. Каждый процесс в котором мог перерасти в общественно-политический, с участием независимых западных экспертов и прессы.

О таком варианте социализма мы в те годы не могли и мечтать.

Пюля сказал:

— Если останусь здесь — не выдержу. Или сопьюсь, или покончу с собой. Уж лучше б я не знакомился с ними, не завязывал с водкой... Жить, оставаясь здесь — тошно.

— Какие проблемы? — воскликнул я, — уезжай. У тебя, против нас, пока есть такая возможность.

: Они с Янкой на днях подали заявление.

Пюля покачал головой.

— Здесь мама. Никиты. Вы все... А там — что?..

— Но ведь ты *хочешь туда!*

— Толку... Маму не выпустят. И пригрозили, что мне уехать тоже не дадут.

— Кто?

— А то не знаешь... Вызвали и пожурили. В районный отдел. Сразу сказали: на отъезд не надейся. Если не уговоришь свою будущую принять наше гражданство — устроим дело о фиктивном браке, — о родителях подумай...

: Родители Пюли работали в городе Жуковском. На известном авиакосмическом предприятии. Конкретно — в ЦУПе.

— Был-ли столь пристальный интерес гэбэшников к судьбе Пюли вызван его хождением в Никиты? НЕ ЗНАЮ. Но думаю, что вряд-ли кому ещё из “имеющих связь” с иностранками из социалистической, в принципе, страны, так пытались поднасрать.

: Пюля и Янка расписались. На месяц ездили к родителям Карела и Янки (в туристическую поездку в “братскую Чехословакию” — тем более, по поводу свадьбы — Пюлю не пустить не смогли, — да и риска, что выкинет фортель, разыграв “невозвращенца”, не было: родители-заложники оставались на родине, и братская полуреспублика выдавала подобных невозвращенцев без всяких колебаний совести). Когда вернулись, Пюля сказал твёрдо:

— Уеду. Или пусть убивают. Плевать.

: Подал документы на смену гражданства.

Его вызвали ещё раз — и песочили теперь по-серьёзному. Пригрозили и посадить по фиктивному делу, и отмудохать в подворотне так, что никакой жене, коль выживет, нужен не будет. Пригрозили выгнать с работы родителей — без всякой пенсии.

— Хоть убивайте, — ответил он им, — коль только так вы и можете держать

людей в своём лагере.

Год власти тянули с оформлением документов. Каждую необходимую подпись согласовывали по месяцу. Гоняли Пюлю по ЖЭКом и местам работы, райкомам и ОБИРама, — где каждый пиджак читал Пюле часовые лекции о его аморальности и непатриотизме, совмещённые с угрозами разного рода. И хоть ничего нового в их методах не было, иного свинства никто от коммуняг не ожидал, — было противно. И тоскливо до судорог. До рвоты.

“Пюлю неудержимо рвало на Родину...”

— Спасибо охранявшим Родину сукам. Что не Родину охраняли — нас на её территории.

Подобно тому, как стерегут зеков охранники концлагеря.

: Они сами вырастили в нас такое к себе отношение. Поставив меж собой, страной, отечеством и родиной знаки тождества — перенесли это отношение на все компоненты демагогического уравнения.

Только всё-таки каждый здравомыслящий человек понимал: коммунистическая погань, гуляющая по буфету отечества — не более, чем тараканы на ночной кухне.

Как понимали мы все. Но пока демагогическое заклинание действовало — не хотелось иметь общего ни с одним из его членов.

* * *

: В 1986 году Карел, Янка и Пюля уехали окончательно. Ибо время наступило такое, что “не пускать” далее стало себе дороже. И на полгода раньше из страны “по французскому браку” вышвырнули Вадима Певзнера. “Под Рейкьявик”. Хотя Вадим, в общем-то, уезжать пока не собирался — мы наметили с ним ряд гастрольных концертов, в том числе в Ташкенте и в Никитах; планировали записать третий “подпольный магнитоальбом” < два уже были записаны мной и Женей Хвилонем, причём второй гитарой и голосом на одном из них был Рашпиль — отчего альбом получил название «Певзняры» >.

... Перед отъездом мы с Сапиенсом, Тиграном и Лешим повезли Карела, Янку и Франту в Старицу. “Из принцЫпа”. Назло суке-власти. За 300 км от Москвы — куда им, как иностранцам, въезд в те совковые годы был *категорически воспрещён*.

Всемером по пяти билетам —

— О реалии нашей безалаберной жизни!..

Один скандал с бригадиром поезда чего стоил,—

Но привезли.

Франта — трамп. В Чехии это не просто турист или бродяга. Это — турист-эколог. В отличие от платно-скандальненьких гринписов, они без лишней рекламы убирают в лесах и горах мусор, поддерживают на завидном уровне чистоту пещер.

— Идём к открытой нами пещере Лисья берегом Волги. На другом берегу *просто страшно* дымит асфальтовый заводик.

– М-да,– замечает Франта,– у нас такое невозможно.

– Суд,– кратко поясняет Карел.

Кратко – за тяжестью рюкзака.

: Садимся передохнуть. И пока отдыхаем против убойно-природного зрелища, оно “набирает обороты” – дым начинает валить не только из трубы, но и из-под крыши. Из всех щелей.

– Однако... – замечает Сапиенс и извлекает фотоаппарат.

Хотя снимать такое надо на видео. Голливуду – не снилось.

Из дверей появляется какой-то мужик; оглядывается назад, исчезает в дверях, возвращается с ‘огнедушителем’. Типа ОХП-2. Пытается выжать из него хоть каплю пены – не выходит. Он размахивается и швыряет огнетушитель в цех. И уёбывает со всех ног. Как Сильвестр Сталлоне, Брюс Виллис, Стивен Сигал и прочие киногерои одновременно. От летящего за ним огненного вала.

: Между прочим – успевает. Никогда в жизни не думал, что такое возможно.

Заводик разносит не вдребезги – но примерно на половину.

: Он так и стоит там до сих пор. Без тени ремонта и восстановления.

В момент написания этих строк – *пятнадцать лет ровно.*

< Россия. Родина слонов и всех мировых рекордов... >

* * *

В 1992 году Пюля вернулся в Россию – не насовсем, всего лишь в отпуск. В “туристическую поездку”. Ночь просидели у меня дома — я рассказывал ему о путче; он об их “бархатной революции”. О своей работе преподавателем русского языка в Пражском Университете. Затем разговор неизбежно перешёл “на наши пещеры”. Наутро Пюля послал к чёрту все свои заранее распланированные дела – и мы поехали в Старицу. Вместе с Сережей Лещиной,– на новёхонькой, всего за неделю до того купленной Пюлей “школе”.

: Кажется, это было первое моё путешествие в Старицу на машине.

* * *

... пролетая над пятнами-городами,
предвкушая Аркадии приближенье

(уж, конечно, не мысли о Магадане
вызовут головокруженье),–

— и когда, окутавшись зябким дымом,
швартовался автобус на лётном поле —
ты себя не чувствовал пилигримом,
ощущая потребность лишь в алкоголе:

— сидя в мягком кресле, прикладываясь ко фляге
(с обязательной мыслью, что “всё — приехал”)
глядя
на развевающиеся флаги —

: отчего-то, право же, не до смеха.

— Да и то сказать: не создай кумира...
ведь и сам не ведаешь, чего ищешь —
для тебя, что Северная Пальмира,
что раскопы древнего городища.

И пока живёшь — вот и слава Богу;
отмечая два Рождества и Пурим...

... старый коврик потеребишь у порога —
и в дверях обронишь:
— Давай, закурим...

: Пропитан город дымом и водой —
Оскомина от истины седой
Видна печально с каждой стороны —
Со всякой размалёванной стены...
Уныло смотрят влажные дома,
Под сапогами хлюпает зима;
Мороз — не сахар, но такой январь
Порадует кого-нибудь едва-ль:

Все в духе Лема рыбью жизнь ведут,
Но верят, что к чему-нибудь придут.

— Ты наскребёшь на пачку папирос
(Отыщется банальнейший киоск,
Где купишь *нечто* с надписью “Минздрав...” —
И далее.)

— Ну что ж: он в чём-то прав.

Но что тебе до мнения врачей,
Когда идёшь свободный и ничей
По городу контрастов и любви

— потерянной. *И нечего ловить.*

... Закуришь — и случайно вспомнишь дом;
Он был когда-то — точно, “гастроном”, —
И пьяные валялись во дворах,
И ты не слишком верил в слово “страх” —
Но с каждым летом вынужден взрослеть,
И вот уже проклёпанный браслет
Сменяется Павезе и Рембо —
И песенка про шарик голубой

Не вызывает ироничных слов

— И безразличен цвет чужих шарфов.

...: прекрасная, бесценная
 пора — когда хотелось жить, а не играть в другую жизнь, которую всегда
 пытались навязать. Прошли года — совсем немного < Господи, прости: *вот это
 постараюсь опустить* > — и вот ты здесь.

— М-да... Что ни говори, от голода слегка сосёт внутри,
 и для спиртного лёгок кошелёк, и ты бы с удовольствием прилёг на мокрый
 снег — но чересчур грязны покровы возле правильной стены, где ты остано-
 вился, закулив,—

— И удивляясь, что покуда жив.

... окурок, рассыпая огоньки,

упал на землю:

видно, не с руки

по городу промокшему бродить —

но в этом что-то можно находить:

вот переулки — ты пройдёшь по ним

кварталом засекреченных НИИ;

вот площадь — магазинов суета,

толпа — и ей не нужно ни черта,—

— а скоро властью ртутных фонарей

она предстанет капищем зверей,

но Маугли завидуя чуть-чуть

пока свободно продолжаешь путь:

— Иди, иди,— ‘светла твоя печаль’,—

— сочувствие ко влажным кирпичам,—

: Вот так и я завидую тебе —

И городу, и заводской трубе;

Окраине — пока полухмельной,—

Но не беда: ведь завтра — выходной.

: *Иди всё мимо запертых дверей*

Под тяжким небом Родины своей.

: Эти строки написал Серёжа Лещина. Они, в общем-то, не только о Пю-
 ле — о всех наших никитских уехавших “возвращенцах” — в том числе о Золо-
 том, Сашке-Шерифе, Вадиме Певзнере. Но написаны были после ночной
 беседы с Пюлей во время нашей поездки в Старицу.

СЕРЁЖА И ЛЁША

“... Ведь грустным солдатам
нет смысла в живых оставаться?”

: День, когда в твою жизнь приходит Друг – истинный День Рождения. Не на одного — на двоих. Прочие дни против такого – обычны.

Юлик Рашковский был моим партнёром – по “Уэму”, слётам и фестивалям, творчеству в стихе и прозе. По Никитам и прочему.

: *Серёжа Лецина — Соавтором и Другом.*

Что неизмеримо выше.

Но день Рождения неотделим в нашей памяти от дня Смерти.

: Серёжа умер в канун Старицкой конференции 12 июня 1997 года, — *на которой, ещё надеялись, будет звучать его замечательная гитара, — его строфы и песни...*

И – аллюзией – вспыхивает имя Лёши Круглова.

: Когда сидим за столом, кажется, что он с нами.

ВСЕГДА.

– Только сейчас, потеряв тебя, ощущаю: *что* была тебе

Та Потеря.

: Лёша был тебе ближе всех.

... Вспоминаем, как познакомились:

* * *

Свела Подземля – Никиты (да продлится их вечно-прекрасная ночь!),—

– с тех пор это слово

Очень Много для нас значит. Тебя с Лёшей привёл туда Дима Сергиенко; познакомились же мы так:

: Мы с Рашпилем, немного в мыле, ‘выкидываемся наверх’ по завершении многочасовой топосъёмочной работы в Дальней системе, — одной из систем-лабиринтов, слагающих Никитские каменоломни. В гроте Акулий, уже “на финишной прямой перед выходом”, натываемся на малоподвижную (по причине переупотребления накануне напитков “крепостью свыше сорока” – как кажется нам) компанию. Рашпиль в сердцах – уж больно компания необходимая, то есть занимает самую середину прохода – рвёт с плеча тяжёлый транс и плюхается на него сверху: перекурить, раз возникло препятствие.

Я совершаю аналогичное движение.

– Димочка Сергиенко.

– Рашпиль.

– Лёнька Арбатский.

– Командор.

– Лещина.

: Знакомимся.

Сергиенко виртуозным движением извлекает откуда-то початую бутылку.

: За знакомство.

– Поломавшись (для виду) полторы/две секунды, соглашаемся “употребить”. Тем не менее Рашпиллю *хочется выглядеть очень гордо* – и по выкуриванию сигареты он со значением достаёт из планшета Схему, ради создания которой мы героически бились со шкуродёрами, завалами, компасом, светом, рулеткой, друг с другом и последующей камералкой “по месту события” (с неизбежным пересниманием ряда межпикетных ходов) —

: около двадцати двух часов без перерыва, если быть точным.

: Такая у нас тогда была манера — работать, так до седьмого пота; ну и гулять потом “примерно столько же”.

– *Вот, полюбуйтесь, чем некоторые занимаются – пока другие водку пьанствуют...*

: «В воспитании подрастающего поколения очень важно соблюсти *тонкую грань* меж ласковым увещанием и вульгарным мордобоем» [из Володи Байдана]. Никогда не полагал, что столь хамские приёмы могут повлиять на человека хоть как-то положительно,—

– выходит, ошибался. Признаю годы спустя — потому как ты сообщаем, что от этой рашпилевской фразы вам стало очень неуютно и стыдно.

: А если б на вашем месте случились какие-нибудь КОЗЛЫ???

– Козлы бы вам водки не предложили,— резонно парируешь ты. Тоже спустя годы.

– И немного “раскалываешься”:

– Кстати, водку вам не просто так предложили, а проверяли: козлы вы сами иль нет. Если б отказались, умчались гордо вперёд...

– Ясно,— киваю я,— не сидели б сейчас за этим столом...

– Который год подряд,— соглашаешься ты. — Знаешь, мы ведь тогда самыми настоящими чайниками были, только слышали о вас с Юликом — нечто из области легенд... А тут – вы сами, живьём. Сидите с нами и запросто водовку кушаете. Мы аж шевельнуться поначалу боялись...

: Хочется одновременно и поинтересоваться с ехидной интонацией «какие легенды, конкретно?» — и заметить, что лучше б они хоть как-то пошевелились, чтобы дать нам дорогу,—

– *но Память диктует иное* – и я говорю:

– А потом ты взял гитару, и мы с Юликом сами замерли: *как ты играл!* Так что: в чём чайники, а в чём и нет...

– Ну да. Нас ещё поразило: неужели *действительно можно* составить карту этого лабиринта? И – такую здоровскую, какая у вас получилась... В одном

сантиметре – метр, по-моему, был. Такая точная.

– Надо же, и ‘мать-штаб’ запомнил...

– Трудно было не запомнить. И я решил показать, что тоже ‘на что-то стожусь’. Расчехлил свою кременку... Потому как не одних же “трудовых подвигов ради” под землю лазить?

– И взял гитару. А потом она перешла к Юлику – потому что мы сами не за одним ‘трудовым энтузиазизьмом’ туда хаживали... В те годы – да и всегда, в общем.

– И мы буквально офигели от его подземных песен. И от твоих. Ты, кстати, тогда тоже играл неплохо.

– Против тебя и Юлика...

– Не прибедряйся. *Игра разная бывает*. Иной раз виртуозность на струнах – тот “подвиг”, не ради которого берёшь Её в руки.

< После, будто подтверждая это, на гитаре играли и пели свои песни Лёша и Дима, – “гитара по кругу” было главное условие всех подобных посиделок, ибо гитарной струной так или иначе ВЛАДЕЛИ ВСЕ: к человеку, бездарному в области троганья металлических иль нейлоновых струн отношение было, как к “немножко убогому”. Лишь действительная болезнь, тяжкое увечье (типа отсутствия головы) – или выдающиеся способности в иной творческой ипоста- си могли служить достаточным оправданием “отказу от владения инструмен- том” –

– и, как верно заметил Юра Устинов, нам действительно было “не важно, кто кого перепоёт. А важно, чтоб мелодия жила...” >

— За последовавшими посиделками в гроте Акулий незаметно пролетел день и вечер. И “дело было не только в гитаре” (иль алкоголе: его-то как раз практически не было),–

: что – *гитара?*..

: Лёшка был прирождённым актёром, Актёром С Прописной Буквы, и – великолепным Сочинителем: любая история в его исполнении приобретала привкус Дождя и Чуда,–

— но столь же прекрасным рассказчиком был Дима Сергиенко; впрочем – что его анекдотически-прикольные повествования против его же Истинно Кулинарной Ворожбы?..

: Как Лёша был Актёром, так Дима – Гурманом от Бога. До сих пор НЕ ПОНИМАЮ, магией какого взаимодействия он умудрялся Творить поистине нировульфовские пиры из того “ничего”, чем мы располагали в наших тогдашних походах —

: Неудивительно, что посиделки наши завершились тем, что мы “профукали” все автобусы и едва успели ‘вписаться’ в ритуальную “последнюю электричку”...

И ладно б – мы одни. Как уже было сказано, Акулий располагался на торном пути к выходу — так что само собой получилось, что постепенно мы собрали вокруг себя всех, кто в этот замечательный день случился в Системе.

: *Так удивительно сложилась тогда наша судьба*. И с той почти случай-

ной встречи (ибо “нет случайностей в нашем Мире”) МЫ ПОЧТИ НЕ РАЗЛУЧАЛИСЬ:

я. : ты, Лёша, Дима, Юлик и

До нашей Страшной Потери в 1987 году –

— Твой ночной звонок, и долгие за тем часы до рассвета над серым листочком бумаги...

: слова – фразы, обрывки наших бесед, стихов, разговоров...

* * *

... боль Утраты. Горечь потери —

* * *

17. 11. 87:

“Огни на дальних перегонах
Кошачьим глазом подмигнут,
Безмолвны спальные вагоны —
И только *общие* поют...”
/ В. Молодняков /

“Не завидуй другим – тем, кто
дальше поедет в вагоне: всем
нам по одиночке выходить
в этот чёрный туннель...”
/ Ю. Лорес /

мы спускались под землю на равных общаясь с богами
нас несли поезда и крестила людская молва
нас косила любовь и сжигало доверия пламя
и ступней наших ног прорастая касалась трава
от вращения колёс цепкий ритм неудавшихся случек
отвратимости нить за пещерным ночным рубежом
в свете трёх фонарей под портретами теплились души
рисовали щитом а стирали наброски мечом
волей роли своей были брошены мы в безвременье
нам остались легенды о тех кто стгорел впереди
мы пытались на них походить хоть на миг на мгновенье
и не слиться с толпой что стеною была позади
как в нас целились те что пробивались в заветные князи
как нас метили те что душою не стали светлей
как ломали порой разрушая вчерашние связи

но во мгле одиночества мы становились сильней
и склонившись над памятью тех нелюбимых но зрячих
мы бросали венки и надеялись вот-вот всплывёт
но всплывало ничто из оставшихся не настоящих
и его постулаты с усмешкой пихали нам в рот
до плебейских утех им патрициям не было чину
каждый взят на крючок и с рожденья заглотишь готов
нас учили читать по слогам чтоб не дай Бог не сдвинуть
эту мёртвую кладку застывших навеки мозгов
но влекли миражи нашей веры и нашей свободы
и душила тоска в непутёвом дыму сигарет
мы не прожили дней мы вне времени прожили годы
задыхаясь под тяжестью нами не прожитых лет
мы такое слагали в токкатном бреду граммофонов
мы такое искали в крутой непромешанной лжи
как мы верили в жизнь! как пели в товарных вагонах —
как искали друг друга и просто друг друга нашли...
твой последний мираж — обречённого цвета погоны
и начало нацеленной в вечность короткой строки
лишь колёса стучат перегоны стучат перегоны
: *Наши души, поющие в общих вагонах Судьбы.*

* * *

Через несколько дней ты пишешь своё Посвящение Лёше.

* * *

— В 1986 году Лёшу Круглова забрали в армию. Точнее, в Черноморский флот. Служил на пункте правительственной связи. Думал: представилась лихая возможность “вкусить секретного пирога”,—

Была — обычная проверка Особым Отделом флота. Военно-морским вариантом ГБ.

По секретным каналам прошла циркулярная информация, что Таллинский рок-фестиваль будут “винтить”. Лёша позвонил нам в Москву. Все наши телефоны к тому времени постоянно прослушивались.

Тот, откуда он звонил — тем более.

Его взяли.

На допросе забили до смерти.

Имитировали самоубийство.

Это подкосило под корень многих из нас — Лёшку в Никитах (и не только в Никитах, но здесь — о Подземле) знали и любили столь многие...

– У Серёжи отняло половину жизни. Оставшуюся.

: Чего хватило чуть меньше, чем на десять лет.

* * *

О Серёже и Лёше я писал в “Калейдоскопе”. Для кого-то может показаться: достаточно.

Для меня – мало, до боли мало.

Но слова вновь и вновь отступают перед эмоциями, – анемией сковывает кисть и пропадает, растворяется Слово, – «как случилось выжить *мне* — непонятно. До сих пор. Вероятно – везение...»

— *О, спасательная помощь цитаты!*

В такие моменты особенно остро ощущаешь: все наши слова, мысли и как бы передающие их на бумаге знаки/буковки — тлен. Вербальное описание Мира – не описание. И даже не грубое, топорное подобие его, –

: Средство передачи пустой, почти не значащей – против резонирующего с Миром Чувства – информации.

Как мне хотелось бы сказать, написать об Алёше Круглове — никогда не сказать. “Уже и ещё”. “Уже” – потому что упущено Время. И уходят Друзья, на кого мог опереться в этом рассказе. “Ещё” — потому что по-прежнему не найти слов. В отчётливом осознании их банально-тягостной немоции пред тем, что ощущаю внутри. Что связует нитями памяти со всем, что было – на двоих и на троих – вместе.

Истинная Поэзия – мостик памяти, перекинутый через Прошлое. Ворожба Слова, мистерией аллюзий и ритмов вызывающая резонанс Чувства.

: Наверное, только, как сказал Серёжа о Лёше своими аллюзивными строфами — так, единственно, и можно о нём сказать. Сплетением полуцитат, снов и ритмов *Нашего Общего Времени* —

* * *

: Последнее лето нелёгкой свободы
 Сгорают листвой во дворах
 И кажется привкусом дыма и мёда
 Травинка в зубах
 В глазах, отражающих хмурое небо,
 Мелькнёт синева
 И волосы цвета поспевшего хлеба, –
 И лишними стали слова...

По серой реке, чуть качаясь, плывёт теплоход –

И мы ещё вместе, и нам ещё хочется жить.

Пока ещё верится: каждый отыщет приход
 И Бога, которому можно до гроба служить.
 Всего-то: травинку сжимать и смотреть за корму,
 Курить потихоньку, за плечи друг друга обняв –
 Покуда кораблик плывёт, и грустить ни к чему,
 И что за дела до того, кто там прав, кто не прав?
 На доски причала – а после в свой сказочный дом,
 Где ждут не дождутся картины и струны гитар;
 И в городе, прозванном кем-то “медвежьим углом”
 Над стареньким чайником тихо закружится пар...
 За треснувшей чашкою – зыбкий дрожащий уют;
Подайте же, ради Христа, хоть кусочек Луны!..
 И всё-таки: много-ли стоил наш песенный труд,
 Коль всем нашим встречам разлуки, увы, суждены?..

– Пусть тёплая осень подарит немного любви,
 Работу и пёстрый ковёр, где так просто гулять...
 Теперь бы сказал, что угодно – ты только живи!
 Вернуть бы всё заново, – или сначала начать...

*: Кому теперь спеть,
 Как в поход собирался король? ...*

: От трамвайной брусчатки
 Не поднять головы
 Там, где кустики мятой,
 Но упрямой травы
 Возле старых заборов,
 Между ржавых путей –
 Где полно разговоров
 Про счастливых детей.

— А над кладбищем кричали вороны
 И рябина на снегу, будто кровью;
 А на лица хлопья сыпались нежно –
 Будто в мире ещё были надежды.

Несмотря на запреты
 Мы росли, как трава,
 Нас дымком сигаретным
 Встречала Москва –
 Слишком много заботы
 На страницах газет...
 Мы глотали Свободу,
 Которой нет.

... Тишина, и только звон колокольный,
 Да воронья перекличка – гортанно...
 Понимаешь, это даже не больно,
 Всё – пока ещё – обидно и странно.

Как легко ультрамариновой зимой

Проходить, не торопясь, своей страной;
 От бетонных заключенных оград,
 Сквозь литой бульварный антиквариат –
 Покупать в кафе дежурный пирожок,
 Подержать в руке доверчивый снежок...

Мы воротимся
 В сиреневый город
 В паутину
 Фиолетовых улиц.
 Ты не бойся,
 Боль появится скоро:
 Очевидно,
 Мы ещё не проснулись.

От трамвайной брусчатки
 Не поднять головы.
 Между пальцев – примятый
 Красный кустик травы.
 Возле старых заборов,
 Между ржавых путей,
 Там, где всё разговоры –
 Про счастливых детей.
 ... Когда мы, смертельно устав, придём
 Туда, где мысли легки,
 Припомним о том, что у нас был дом,
 Где мы читали стихи,
 Где нам улыбалось чьё-то лицо
 (а жизнь за окном – как сон)
 И солнце – блестящей гирькой часов –
 Тянуло за горизонт...

...: на седьмом этаже в зеркалах пляшет пламя свечей
 продолжается жизнь, но кончается вера в игрушки
 от пророчеств, означенных в воздухе блеском мечей
 погружаюсь в глубины наполненной доверху кружки
 на седьмом этаже я могу обходиться без слов
 с очарованных струн – зазевался – готовых сорваться
 на седьмом этаже не до календарей и часов
 и соблазн позабыть обо всём и навеки остаться
 на седьмом этаже я любил, но пытался сплести
 чёрно-белый венок из расцвеченной рифмы дороги
 убегал от себя и всё думал кого-то спасти
 возвращаясь, опять натыкался на старые строки
может, там, на седьмом этаже...

... и был мне сон
 В предутренний час,
 Когда умирает ночь,

Как будто друг мой
 Жив и сейчас
 И мы с ним
 Уходим прочь
 По пояс в пряной густой траве –
 Шаги почти не слышны,
 По ржавой узенькой колее
 Обрато в детские сны.
 И ляжет ночь, но будет тепло
 И звёзды спустятся к нам...
 Что было – лишь плохое кино;
 Забуди о нём, старина...
 Поверь, что не было воронья
 Среди заснеженных плит,
 Измены, подлости и вранья –
 Поверь, что ты не убит!

А та земля — не наша земля,
 Была-ли она: как знать?
 А те, кого мы звали “друзья” –
 О всех-ли нам вспоминать...
 И темнота укрывает нас:
 Вдвоём нам достаёт сил,–
И был мне сон в предутренний час.
И был мне сон.
И был...

... Привычные к детству,
 мы бродим по улочкам дня;
 дурную наследственность,
 культ и застой обвиня
 во всех наших бедах –
 в своём неуменье любить...
 Мы в чайных беседах
 Согласны о всём позабыть.
 Неважная осень –
 Уютно лишь у очага,
 Все листья уносит,
 Взамен обещающая снега
 И кажется блажью
 По лужам гулять не спеша –
 И полною лажей
 Значение слова “душа”...
 Промокшие ноги,
 Качелей полёт под дождём;
 Подсчитывай слоги,
 И счётами щёлкай потом.

Куда как удобней
 Простить всё любимым врагам,—
 Гораздо способней
 Из окон рассматривать дам...
 Куда как занятней
 Тянуть “золотое руно”,
 Гораздо приятней
 Свалить на плохое кино,
 Гораздо сподручней
 Заделаться мастеровым —
 И в обществе сучки
 Разгуливать по мостовым.

: Гораздо достойней, чем...

... В московские окна колотится снег ноября,
 планета промокла, графитом темнеет заря.
 Куда же деваться от чёрного крика ворон?..
 Сбежать — не прощаться — на мокрый, дрожащий перрон.
 Но как вы похожи: все улочки этой страны!
 По крыши в тревожном
 Молчании утоплены.
 А зрителям здешним

надёжно захлопнули рот —

Здесь самый безгрешный,

покладистый, клёвый народ!..

А значит — обратно: минуя окошечки касс
 (за школьной оградой случилось, видать, не до нас)
 Сквозь голые скверы,— *ах, есть-ли он, тот огонёк?*

: О, как мы доверчиво

Ждали

Последний

Звонок...

... но будто отсюда

уехали все поезда;

А в мойке — посуда,

в салатнице гаснет звезда...

Всё тише и тише

звучит Павелецкий вокзал

С кропоткинской крыши

никто никого не узнал...

: Ломаются спички, знакомые валят к столу
 И станет привычным чужой силуэт на углу;
 А снег обезумел — в окно, будто просит: впусти!
 И свечку задует —

внизу хлопнет дверца такси.

: И вновь — апельсином —

костёр над притоком Пахры;
 – Ах, что же здесь было
 от Жизни – а что от Игры?
 : *Не стоит стараться*
одно от другого делить...
 Мне слова – семнадцать.
 Мне снова
 Приходится
 Жить...

* * *

Конечно, меня можно обвинить в излишних повторах и самоцитировании.

— Что ж: согласен. По гороскопическому знаку я Весы. А потому мне интересно смотреть на одну и ту же ситуацию по-разному. Найти несхожие слова для выражения, в сущности, одной и той же мысли; привести разные аргументы в пользу какого-то мнения. Отразить различные взгляды на одну и ту же историю,— попробовать показать Читателю разное её понимание –

: Какие-то из этих слов и взглядов глубокие, умные. Другие – нет.

: С точки зрения одного человека.

Иной посчитает иначе.

Не желание “угодить всем” движет моими случающимися повторами,— желание показать, по возможности, разные грани одного и того же. Это Первое.

Второе: что не строю иллюзий в отношении издания всего написанного мной – очевидно. Но какая-то одна вещь вполне может пробиться к Читателю. Пусть случайно, пусть “на халяву”, через знакомых,— пусть через ‘и-нет’.¹⁸

Потому хочется отразить в тех из них, *что не являются вымыслом*, иные. Как в калейдоскопе.

* * *

¹⁸ Собственно, чего я извиняюсь “на пустом месте”? Откройте любую книгу Кастере или Сифра (кроме самых первых) — увидите: они более, чем на половину *просто цитируют* предидущие. Или пересказывают их, обозначая чуть по-иному “обстоятельства места и времени”; сообщая какие-то детали, ускользнувшие в ранее поведанных вариантах тех же историй. Знаю также, что Пилигрим сейчас, например, работает над новым вариантом «Легенды о ЛСП» – первая версия, написанная в начале девяностых, уже перестала удовлетворять его возросший писательский уровень, изменившиеся взгляды на былые события “и на развитие спелестологии в целом”.

: *Что естественно – то не стыдно.*

И потому – “полуцитирую” из него. То есть перескажу эпизод, в “Калейдоскопе” поведанный весьма точно —

— “и всё ж”:

: здесь – тот же поход, тот же выезд с Лещиной в Никитскую пещеру. Без сомнения, событийный ряд – тот же. И почти те же слова.

Но не ставьте, пожалуйста, знак равенства меж этими двумя описаниями-размышлениями. Ибо «Калейдоскоп» писался, как повесть о Творчестве. Подземный мир присутствовал в нём постольку, поскольку не мог не присутствовать в нашей с Серёжей жизни. Ибо “более, чем часто” наша совместная работа, начинаясь за письменным столом, продолжалась в ближайшие выходные в очередном подземном хадже. В Никиты или в любимые Серёжей миниатюрно-уютные Ватутинки, – в совместной поездке с друзьями в Старицу.

Но чаще — без окружающих. В удивительно добром и значащем “выезде-на-двоих”. В котором каждое сказанное слово обращено к Другу, и только к нему – а потому слышимо. И продолжаемо. Ни телефонные звонки, ни хамский уличный шум не отвлекают от того, что связывает с белым листком бумаги. С простыми значками-символами того, что проявляется Словом.

“Калейдоскоп”, начатый нами с Серёжей в этих “творческих вылазках под землю на-двоих”, дописывался после его смерти. Так получилось.

И оттого половиной своих слов он обращён к Серёже.

— В этой повести ситуация иная. В ней главенствует Подземля; все мои друзья представлены в ней на равных – не беда, что о ком-то сказано фразой, о другом – главой. Или абзацем.

Всё равно — на равных.

Вне зависимости от творческих или иных связей.

* * *

... один из выходов запоминается каждой своей чёрточкой, движением, мигмом.

— МАРТ. *ПРОНЗИТЕЛЬНОЕ СОЛНЦЕ НА ОСЛЕПИТЕЛЬНО-ГОЛУБОМ НЕБЕ*. Отражается от снега, луж на тёплом асфальте... Едем в электричке в Домодедово. В тамбуре по традиции курим. Внезапно появляются дюжие мордovorоты из ОМОН – и, естественно, ‘докапываются’ до нас:

“На предмет нарушения запрета табакокурения в одном общественно-взятном месте”. Что курим не только мы, их не волнует: прочие пассажиры выглядят так, что к ним лучше не прикасаться, а мы... При моём росте в метр-пятьдесят-восемь-без-каска, и твоём — ‘примерно таком же’. Да и видно, что мы не урла, а отъявленные пацифисты.

В общем, “конструктивный диалог с дубьём” завершается нашей высадкой на платформу Бирюлёво.

– Ха! – изрекаешь ты, ничуть не обижаясь на “представителей в сласти” — одновременно указуя рукой на явно торгующую пивную точку.

: Практически без очереди (параноидальный глюк в годы былые).

Но просто так, даже “по пиву”, высаживаться немного обидно – и под ‘шипение’ дверных кобр мы оба, не сговариваясь, хором кричим:

– ДА ТЫ ПОГЛЯДИ, НАСКОЛЬКО ЗДЕСЬ ВОЗДУХ *ЧИЩЕ!!!* ГДЕ НЕТ ЭТИХ ВОНЮЧИХ **КОЗЛОВ!**..

: Вполне естественный творческий унисон.

— Нужно было *видеть*, как пальцы, привыкшие калечить людей, пытаются изнутри расклинить сжавшиеся мёртвой хваткой двери. И поезд уносит их вдаль – торчащие из щели...

: Что поднимает нам настроение на такую высоту –

– Пьём пиво: не торопясь, смакуя каждый глоточек, – радуясь яркому весеннему дню и заново проигрывая случившийся афронт блюстителей “порядка”, –

– Но поскольку наша сегодняшняя цель отнюдь не употребление пива, а возделенное Общение с Миром Белого Камня (что даёт нам столько, что порой кажется: мы живём лишь *там*, в краткие часы и дни своего Общения с Ним, а остальное время болезненно *жаждем этой Встречи*), –

: Наполняем живительной влагой канистру и устремляемся дальше.

: Вновь электричка, затем автобус. Которого, не высади нас из поезда эти < ... >, ждать пришлось бы не менее часа – а так мы успеваем к нему “движение-в-движение”¹⁹ — ...
НИКИТСКОЕ.

: Дорога к Роднику – меж шумящей на камнях *почти горной* речкой Рожайкой и крутым боком Холма, –

Дальний Путь под звёздами
к Роднику
В серебристом воздухе
тени ткут
Ласковую Музыку
в такт шагам
Мы не попадёмся
своим врагам
Кан, да телогрейка
всего добра
Дальше мы от города
чем вчера

¹⁹ Ждать, между прочим, “на традиционно холодном ветру” — и почему он всегда в Домодедово такой традиционно-холодный? Загадка. А так “и пивом отоварились”, “и колотуна избежали”. Но всё равно: говорить “спасибо” омовским жлобам отчего-то не хочется. Свиньи мы неблагодарные...

Время нету смысла
 подгонять *вперёд*
 Странно, как невысказано
 нам везёт...

: Эти строки написаны тобой в славном соавторстве со Светой Русовой, – и я в очередной раз не перестаю удивляться их волшебству и точности. Как и не менее прекрасным строкам Юры Устинова:

– Ты скажи, скажи: зачем
 так устроена Природа?
 Я дошёл до поворота —
 стал беспечней и звончей...
 Жаль, для будущих времён
 не хватает мрачных мыслей:
 Небо серое – и фиг с ним:
 был бы год без похорон, –
 – Вижу берег:
 там шмели в траве дрожат,
 там друзья мои лежат –
 под холмами,
 под холмами,
 под холмами...

: Вдоль по берегу пешком
 мы уходим друг за другом –
 Распалённые недугом,
 окрылённые тоской...
 Очень хочется дойти
 до последнего ночлега:
 Вечный Поиск Человека
 на коротеньком Пути...
 – Знаю, где он:
 там шмели в траве дрожат,
 там друзья мои лежат —
 под холмами,
 под холмами,
 под холмами...

: “Летнее посвящение” нашей любимой тропинке до Родника, за которым подъём на поляну перед Входом, – «где шмели в траве дрожат», –
 : тропинки, что летом так уютно-прекрасна тенью раскидистых вётел, горным шумом скользящих по камням струй Рожайки, и скально-осыпным боком холма, прижимающим тропинку к

нашей реке —

... но по весеннему разливу упомянутой и воспетой Юликом речки... по осенним глиняно-грязевым гавнищам... подлой грунтовкой, подтачивающий зимние наледи...

“Пьяная Тропа” — так называют её в это время года никитяне. Без мата, как и без характерных вихляний всем своим телом — нагруженным, между прочим, “не самым лёгким в мире шмотником” —

: НЕ ПРОБРАТЬСЯ.

Примерно, как сейчас: в тоске и сожалении оглядываем вспучившуюся коричневыми водоворотами и жёлтой пеной паводковую воду —

— затем, отmaterившись, карабкаемся на склон холма. Первого из двух. < Мысленно воздаю хвалу Господу, что входы наши расположены под вторым, а не третьим холмом: тоже удобство для грязно-скользкого ‘бремени года’. >

Пейзаж, что созерцаем сверху, искупляет затраченные на подъём усилия. Особенно созерцание затопленной долины реки с торчащими из воды вёслами — по краям скрытого потоком русла — и льдинами, плывущими между. А после перекура в самой эстетически выгодной для обзора точке местности и ополовинивания канистры даже радуется взгляд — настолько, что оба не жалеет о подъёме. Как и о предстоящем спуске в стиле “грязь-серфинг” к Роднику.

— У Родника (лишь на пару последних сантиметров не скрытого паводком) наблюдается крайне нелепая картина: некто, промежуточного пола и возраста, в обвязке спускается со склона высящегося над Родником Придурка — небольшого останцевого холмика, карабкаться на который (как и затем спускаться с него) никитские спелестологи в это время года не считают необходимым.

В руке у существа — термос. Страховка, каска, ледоруб...

: От смеха мы с тобой чуть не падаем в обморок. С трудом обороты истерики (со счётом “одна/два”), жаждем добиться хоть какой-то правды жизни: хоть пионерской, хоть комсомольской... Ну хоть “московской сторожевой” —

— НА ФИГА СПУСКАТЬСЯ СО СТОЛЬ КРУТЫМ ИЗЪЁБОМ ТАМ, ГДЕ И “ПЕШКОМ, АКИ ПО СУХУ” СОЙТИ МОЖНО?..

— МЫ — ОФИЦИАЛЬНЫЙ ТУРКЛУБ!!! — гордо роняет существо. Погружая меж тем неоткрытый термос в родниковую воду:

: возможно, с целью набора воды. Но скорее — как и продемонстрированный нам “стремительный дюльфер”: с целью учебной. Ибо если б хотело набрать воды — открыло бы крышечку.

Склон Придурка в этом месте не выше четырёх метров, и чуток прикрыт сежевыпавшим снегом. Под которым — лишь песок да глина. С отдельными включениями в виде выступающих из снега известняковых булыганов — неплохо сцементированных случившимся временем года,—

— Впрочем, о том, что по данному склону без всякого риска для Ж. можно гарцевать вверх/вниз, как по лестнице — даже пребывая в совершенно-альтернативном SOS-стоянии (таков его уклон и естественная уступчивость), “существо может и не знать”.

«Господи,— думаю я,— только бы *ОНИ* под землю не ломанулись...»

— М-да,— авторитетно замечаешь ты,— жопой чувю: быть спасам. Трам-та-та та-та-та *там...*

(показывая пальцем в сторону входа)

— *И ТУТ НАС ПРОБИВА-*

ЕТ:

: Слово за словом мы начинаем “выдавать” — процесс этот затухает лишь на обратном пути, когда мы расстаёмся на Варшавке. По выходу из электрички —

— *В штреке найден некий труп, обнимавший ледоруб...*

— *В штреке найден женский труп, ублажавший ледоруб!*

— ... *ОСКВЕРНЯВШИЙ ЛЕДОРУБ!..*

— *А, наверно, говорили: НЕ ХОДИЛА Б ТЫ Б В ДЫРУ Б!!!*

: Расписываясь в Журнале о том, что вошли — и передавая соответствующие “приветы подземным родным и близким”, испытываем *ОСТРОЕ ЖЕЛАНИЕ: затворить за собой вход*. От спасов, как от греха...

— Однако тема нахождения “чего-либо” в штреке не исчерпывается одним лишь женским (или полумужским) телом — “если сей бравый турклуб последует для своих поганых тренировок в Систему...”

— В штреке найден спасотряд: фонари едва горят,— предлагаю я.

— В штреке найден спасотряд — фонари *ещё горят*,— ужесточаешь ты вводную. И задумчиво добавляешь:

— В штреке найден и начспас: тот, который нас не спас...

— Каски, системы и маркеры в ряд — *СГИНУЛ В ПЕЩЕРЕ ЛИХОЙ СПАСОТРЯД!*

— Каски, налобники, маркеры в ряд — *додик-то вышел... ПРОПАЛ СПАСОТРЯД!!!*

— Кости в комбезах и касочках — в ряд: *ДОДИК В СИСТЕМЕ НАШЁЛ СПАСОТРЯД!..*

: Варианты, перебивая друг друга, рождаются мгновенно, один за другим — будто считываемые с невидимого нам листа,— и невозможно различить, где первое слово, где второе — что говорил ты, а что я...

: Сказочный унисон. Полёт —

< пусть явно бреющий, “низенько-низенько” — что с того?.. >

— Как-то незаметно мы понимаем, что “это не просто так”, потому что “просто так” *так НЕ БЫВАЕТ* — бессвязные поначалу, слова эти незаметно складываются в Строфы — что ближе к вечеру станут называться Большой Спасательской Поэмой —

— В штрек входит *ХМЫРЬ. Дальнейшее — молчанье...*

— Группа тащит с бодрым матом *ПБЛ* в Амфитеатр!..

: с ужасом представляю, как можно *существовать* в подземном базовом лагере в “крупнейшем сортире всех подмосковных Систем и промоин”,—

— Это очень странный грот: *дышим только через рот!*..

— Добираюсь я до грота — там слесарные работы: двое додиков в тоске ковыряются в замке...

: Строфы изрекаются без всякого порядка, как приходят,— но мы *знаем*, что неизбежно они образуют меж собой законченный сюжет. Главное — успеть “перехватить” всё, что слышится в дивном унисоне прямо сейчас: поэзия — муза “стремительного реагирования”. И строфа, изнасилованная искусственным оплодотворением, ничего не стоит против пары слов, услышанных — и перенесённых на Бумагу *мгновенно*.

— Шёл спасатель по Никитам, выворачивая плиты... Кто же вызвал эту *тать* по Никитам рассекать?..

— Но одним рифмачеством, как обычно, дело не ограничивается.

— Вот... Додикам от Бережкова,— объявляешь ты. И цитируешь:

— «И время удачней ему умереть: *народ обыскался...*»

— Экзамен на каменщика,— предлагаю я,— сделать в замке замочную скважину...

— Ах, ты, СКВажина! — соглашаешься ты.

— СКВальга! — следует рефлекторное дополнение.

— Тащим тяжеленные транссы по привычным шкурникам Сейсмозоны, обойти которую, к сожалению, нельзя — если мы хотим стоять сегодня в своём гроте. < По понятным причинам *ни в каком ином гроте* мы стоять не хотим. > Свет налобных фонарей бестолково мечется по камням, то отражаясь от идеально ровной белой поверхности у самого носа таким слепящим зайчиком — то ухая куда-то в чернильную тьму...

Дорогой сей хожено столько раз, что идём машинально, “руками”, как это называется (движение в основном происходит на четвереньках),— голова же свободна от таких обычных для Подземли мыслей, как “где-мы-находимся-и-куда-идти-дальше” — и не менее концептуальной “не-сядет-ли-вот-вот-эта-плита”,—

— Что позволяет использовать её не только для ношения налобника.

И мы пользуем:

— На какой глубине в Никитах должен находиться нижний ярус, чтоб вода кап под Амфитеатром можно было применять в качестве питьевого? — обращаешься ты ко мне, выковыривая транс из объявшего его шкуродёра.

“Нижний ярус” — одна из известных никитских баек. Сколько ходим сюда, столько слышим легенду о его якобы существовании...

— А может-ли конец света наступить в одном отдельно взятом гроте?

— Может-ли конец Свете наступить в одном отдельно взятом спальнике?

— Может-ли Света наступить, наконец...

– На конец! – успеваешь среагировать ты, одновременно побеждая транс. То есть – пленивший его шкурник.

: Садимся отдыхать, ибо если с такой энергией рваться вперёд и дальше — комбезы наши можно будет выжимать, как после купания в Рожайке.

: Речке – “притоке Пахры” – без которой, как и без никитского Родника, хождение в Никиты просто невозможно себе представить.

: Не только летом – но и зимой: когда мы “сокращения пути для” шествуем через её заснеженную ледяную плоскость,—

– и частенько то ныряем в предательски незаметную деревенскую прорубь, то проламываем весом своих шмотников тонковатый ледок у нашего берега, подточенный активным выходом “грунтовок”...

– По реке плывёт бревно из села Никитского: это вышло на гАвно пол отряда Крицкого,— выпуская клуб беломорного дыма, меланхолично сообщаясь мне ты.

Лёша Крицкий – известный ‘в годы былые’ деятель гэбэшного “спелеоспасотряда”, что в течение ряда лет ставил своей персональной целью ВЗОРВАТЬ ВХОД В НИКИТСКИЕ КАМЕНОЛОМНИ. Вот такой “спелеолог”...

– Внезапно рождается *Имя* главного героя грядущей спелеоспасательной поэмы: *ЛУКА СПАСЫЩЕВ*. И некие строки – явно имеющие отношение к стоянке то-ли спасателей, то-ли случайных чайников < «случайников»,— замечаешь ты > в “странном гроте Амфитеатр”:

Крик раздался в тишине:

– Мы попались на гавне!

Хмырь пришёл, ебёна мать –

Надо грот освободить...

– ПОЗДНО, СУКИ, ПИТЬ БОРЖОМ:

ЩАС УСТРОЮ ВСЕМ ПОГРОМ...

Я НЕ СТАНУ ВАС МУДОХАТЬ —

НО ВО МНЕ ПРОСНУЛАСЬ *ПОХОТЬ*:

КТО ТАМ ЗАНЯЛ ТУАЛЕТ???

ВСЕ СЕЙЧАС ВОЗЬМУТ МИНЕТ!!!

: По традиции подразумевается, что Хмырь – один из самых кондовых персонажей, синтезированных нашей с Лещиной фантазией. Отсюда и лексика. Под именем Опытного Спелеолога Ивана он переходит из анекдота в анекдот, из частушки в частушку,— как ни странно, имея прототипом весьма доброго, только немного *мрачноватого* “по жизни” своего реально существующего тёзку – нашего общего старого никитского знакомого. И друга. Соответственно, прототип его литературно-

мистической пары – Совершенно-Пьяный Кэм – в реальной жизни не всегда бывал пьяным — но непостижимы законы подсознательно-аллюзивного вымысла...

– В противовес ужасным Хмырю и Совершенно-Пьяному Кэму решаем, что Лука Спасыщев должен обладать нравом весёлым, бесшабашно-покладистым (с некоторой флегмой) – осложнённым, правда, врождённым слабоумием (типичным для члена официального спелеоспасотряда):

Лука был чайник честных правил –
 Когда душою занемог,
 Свои стопы *в дыру* направил...
 И лучше выдумать не смог!

: Он стойко посещал Никиты –
 И в дождь, и в вёдро, и в мороз –
 И – многоточье – *членом плиты*,
 Порой смешил Хмыря до слёз!

Его пример – другим наука:
 Коль выше плеч *такая штука*,
 Не тычь её во всё подряд —
ЗАПИСЫВАЙСЯ В СПАСОТРЯД!

... Лука находкой для отряда
 Буквально в первый выход стал:

Он на спасках *четыре ряда*
Крепей собою заменял...

– ЕЛДОЮЮ! – меланхолично, но твёрдо уточняешь ты. Я полагаю, что и так ясно – *чем*. Однако, образ конкретизируется — от приходящих строк невозможно отмахнуться:

Оно понятно: данной штукой
 Не только можно *свод держать* –
 Но и, презрев мехмата скуку,
КОНГЛОМЕРАТЫ РАЗ...

– ...гребать,— неожиданно соглашаешься ты. Известно, что наш родимый известняк против хорошего конгломерата – как масло против танковой брони. Однако, *предмет надо пользоваться и по прямому назначению*:

Да что – завал! Лука без света
 И наблюдения светил
По ориентации предмета
 Девиц заблудших находил!..

: Некоторое время не без ужаса представляем себе, как это могло выглядеть в случае, если искомые находятся *под Лукой* —

— Однако, “перекур окончен — приступаем к приседаниям”: то есть движемся дальше. В грот, что именуется нами Обитаемый Остров, и уже столько лет *дарит* мне и Сергею покой и радость Отдохновения...

Дорогой “спасательская тематика” отвязывается от нас, и мы просто резвимся:

- Мокруха-Маклай...
- Непруха-Маклай...
- НЕКРУХА-МАКЛАЙ!
- Некроз — синий нос...
- Цирроз — красный нос!
- Порноз и солнце. День чудесный...

: Явные воспоминания об оставленной наверху погоде. Включающей соответствующий ей весёленький глиняный ручеек весьма поносной консистенции — на волнах которого мы вскользили в Систему...

- Вредноземельные элементы...
- Безземельные элементы...
- И — очевидное завершение периода:
- Малоземельные *алименты*.
- МикрохЕрургия сглаза.
- Члединец.

— Вот ещё доброе слово, — вспоминаешь ты, СУКОДЕЙ. Так мой мастер в училище называл тех, у кого руки росли ниже пояса...

— Плавно приближаемся к гроту, “слесарные работы” которому явно не грозят: для чайников он, как представляется нам, недостижим — а всё, что в нём можно было построить, уже отстроено несколько лет назад.

: Нами, на месте — как казалось — совершенно-неразгребаемого завала. Случившегося после бурной встречи Нового года: 1981-ого, конкретно.

До обвала грот называли Сапфир, — после кардинальной перестройки и восстановления было дано Новое Имя.

: “Вышеупомянутое”. ‘И стал вновь отстроенный грот краше прежнего’ —

— Стол, удобные сиденья вокруг него с мягкими и тёплыми спинками из “пенки” и пенорезины, — досчатый фундамент под капроновым модулем “рукоделья Хмыря”, что служит нам уютным и тёплым Домом, — разные полочки, выдолбленные в камне для хранения запаса продуктов и необходимого под землёй снаряжения — всё же, что “осыпалось сверху”, ценой героических усилий превращено в крепёжные стены, зримо подпирающие не грозящий новым обвалом свод.

: Вполне обжитой грот. Надёжный. Для

многих моих друзей, не столь устроенных в городе, он служит не вторым – Первым Домом.

Отодвигаем плиту, что маскирует от любознательных чайников вход в него, протискиваемся во входной шкуродёр,— передаём друг другу гитару, трансы, пластиковую бутылку с бензином...

МЫ – ДОМА. Одни под землёй. Что, поверьте, довольно-таки большое Счастье. И нужно-ли нам большее?..

– До истоши жаль только, что счастье это не может разделить с нами Лёшка.

– Да нет,— полагаешь ты,— он *оттуда* всё видит. А значит, с нами.

: Наверное. Даже – наверняка. Столько *вместе* было у нас с этим камнем!.. Что порой кажется: протяни руку — коснёшься.

‘Присутствие твоё настолько прочно, что я уже могу его потрогать’.

: Перечитата из В. К.

По прибытии первым делом достаю из закладки бензин, примус; привнесённая двухлитровая бутылка занимает место в самом дальнем углу тайника – до будущих разов. Ты в это время куришь, распахнувшись и в изнеможении откинувшись на тёплую мягкую спинку сиденья — пар валит от тебя...

: +8°С при соответствующей влажности,—

: Разогреваю примус, поджигаю. Дальше – твой ход, я же перемещаюсь в модуль. Соединяю базовые акомы, что постоянно ‘прописаны’ в гроте, в батарею (на время нашего отсутствия они разъединяются для уменьшения подлого саморазряда),— включаю свет: “люстрочку” из разноцветных новогодних шариков, что висят под потолком модуля и зримо радуют наши глаза в дефиците подземной цветовой гаммы...

Внутри полупрозрачных шариков лампочки на три-с-половиной вольта.

: Света дают вполне достаточно – значит, акомы в перезарядке не нуждаются. Просто замечательно. Ибо тащить их отсюда наверх...

Достаю из специального кофра плэер, колоночки к нему и состыковываю их меж собой и аками. “Пробую на звук”.

: Ничего, только примус – старенький “турист” – всё заглушает. У стола почти ничего не слышно.

– Ладно. Музыка под землёй — эмоция тонкая... “Всеуе” гонять всё равно нет смысла.

Пока возжусь с электроникой и разбираю транс, ты решаешь “продовольственную программу”: вполне сложившееся распределение наших подземных ролей. Выключаю в модуле свет, зажигаю свечу — чтоб прогреть капроновые объёмы жилья и изгнать сырость – и выныриваю к столу.

: Процесс на примусе фыркает в автономном режиме, ты же за столом что-то изображаешь в тетради – не менее важной принадлежности каждого нашего выхода, чем гитара или плэер.

“Входа и выхода” – аллюзией звучит в голове – как “вдоха и выдоха”.

— Закуриваю, сажусь ря-

дом.

— Уф-ф...

: Осторожным движением ты подпихиваешь тетрадо-
чку под мои органы зрения.

Некоторое время созерцаю:

КОМПАС ОПЫТНОГО СПЕЛЕСТОЛОГА (лимб украшают следующие надписи: “кефир”, “пиво”, “портвейн”, “водка”, “самогон”, “спирт”; отметки “96°” и “0°” разделяет “НИРВАНА”);

КОМПАС ЧАЙНИКА (четыре сокращения: “ на Х. ”, “ в П. ”, “ к Е. М. ” и “ в Ж. ”);

КОМПАС СПЕЛЕОСПОРТСМЕНА (две диаметрально противоположных надписи: “вход” и “выход”),—

— приятно поражает дубовость данной конструкции...

— И добавляю КОМПАС ДОДИКА со следующими предупреждениями: “СЯДЕТ СВЕТ”, “СГИНЕШЬ БЕЗ ВЕСТИ”, “СЯДЕТ СВОД”, “ВЗОРВЁТСЯ ПРИМУС”.

На что ты замечаешь, что “примус в руках додика взрывается обязательно, неизбежно и при любом раскладе” — вместо этого лучше написать “НАЙДУТ, НО ПОЗДНО”. И предлагаешь совсем умопомрачительное изделие – КОМПАС ОФИЦИАЛЬНОГО СПАСАТЕЛЯ:

Стрелка – односторонняя. С надписью “пиздец”. По лимбу следующие слова: “конкретному предмету”, “тебе”, “всему” и “полный”.

* * *

Быть может, именно здесь мне нужно “твёрдо и ясно” изложить своё отношение к так называемой “неформальной лексике”. Отношение не только моё, но и серёжино. И в общем — всего нашего Никитского Круга:

...: *ибо есть слова – и фигуры речи – что ритмом своим, звучанием,— чувственным накалом — одни лишь могут передать конкретную эмоцию; матерное слово зачастую способно остановить бегущую, паникующую толпу там, где пасует велеречивая патетика — и иначе: за доли секунды передать трагизм, безысходность ситуации тогда, когда для долгих объяснений и уговоров нет никакой возможности.*

— и есть люди, что за словом видят лишь конкретный образ, часть тела иль исключительно похотливое действие. И никак иначе.

: Это люди с явно большим воображением — и они, вместо того, чтоб посетить психоаналитика или сексопатолога, УЧАТ НАС РУССКОМУ ЯЗЫКУ!..

: замечателен пример Гу-

бермана о домохозяйке, что стыдилась слова “яйца”. < «Купила *ИХ*», — изъяснялась она, краснея от ‘праведного стыда’. >

* * *

: Если в какой-либо ситуации человек отчётливо (и с полным осознанием того, что делает) произносит слово “ХУЙ!” — например, на допросе-собеседовании в КГБ в ответ на сучье приглашение “к сотрудничеству” —

— ЧТО я должен написать при изложении данного эпизода? Многоточие?.. Так ведь он не половой орган имеет в виду, а фигуру речи, означающую предельно полный и решительный отказ “по всем пунктам”. К тому ж “многоточие” — знак до беспредела абстрактный: подразумевать читающий волен что угодно,— человек же произнёс вполне конкретное выражение.

По точности, краткости и энергетической силе не имеющее равных.

* * *

Говорят, что “мат чёрен”. Что от дьявола. Что — отрицательная энергия.

: По-моему, это враньё. “Чёрного” и “белого” в природе *не существует помимо нас — и нашего отношения к конкретным словам и деяниям.*

Да, мат во многих случаях происходит от нашей боли. От невозможности за беспредельной обидой выразиться иначе. *Поставьте человека в светлые условия бытия — и такого рода мата не станет.*

Автоматически.

: Мат может быть “белым” ровно с тем же успехом, что “чёрным”. От ситуации зависит. От контекста. Он может поднять настроение; может служить нейтральным определителем-аттестацией,— может, в конце концов, снизить лживую патетику и указать ей её лажовое место.

* * *

«БЕРЕГИ ПРИРОДУ, ТВОЮ МАТЬ!»

— просто дивный лозунг.

* * *

... А сколько юмора может быть основано на контрапункте грубого, “нелитературного” слова — и его стыдливого эвфемизма!..

«Иностранная делегация при посещении образцово-показательного завода становится невольным свидетелем оживлённой беседы меж пожилым мастером и молодым рабочим. Ни слова не понимая по-русски, гости просят перевести им содержание разговора. Гид, с трудом подбирая слова, говорит:

– Мастер упрекает рабочего за то, что тот извращённым способом вступил в половой акт со своим станком, из-за чего тот пришёл в негодность и весь цех в результате развратных действий молодого рабочего может вступить в интимные отношения с производственным планом, после чего руководство завода вступит в половой акт с цехом, мастером и молодым рабочим персонально; зарплата же молодого рабочего будет размещена под детородным органом. По мнению мастера, это свидетельствует о нетрадиционной сексуальной ориентации молодого человека. В качестве наказания мастер обещает совершить половой акт с его матерью.

– Невероятно! Ну, а тот?

– Рабочий признаёт, что имел интимные отношения со станком. А в ответ на упрёки заявляет, что готов гораздо более извращённым способом вступить в близость с матерью мастера, с самим мастером, с цехом, с производственным планом, начальством и вообще со всем заводом...»

: Любому русскоязычному слушателю предельно ясно, в каких выражениях на самом деле ведётся диалог. Комический эффект – неотъемлемый атрибут любого анекдота – достигается ещё и тем, что чудовищные обвинения и угрозы на самом деле не более, чем привычная производственная фразеология. Ставшая **нормой** в эпоху совка.

: Никогда не понимал “работников пера”, что при описании геологических, строительных или заводских работ обходились без мата в речи своих персонажей. *Ведь это же было — чистой воды враньё!!!*

* * *

В книге В. Мальцева “Пещера мечты, пещера судьбы” есть примечательная глава. Одна из многих, написанных хорошо и толково.

Речь в ней идёт о *матерном языке в спелеологии*. О применении во весь голос “грубых и неженственных слов и выражений”. Абсолютно согласен с ним и готов защищать от всех возможных ‘наездов’ – коль в пещере имеется около тысячи сталагмитов *характерного размера и формы*, – ни на что больше, кроме мужского полового члена не похожих, но уж на него – во всех смыслах — название пещеры “Тысячехуея” естественно и неотвратимо. Ибо как можно делать жеманный вид, коль это – природа?

Пещерным фаллическим культам столько же лет, как и самому человечеству.

: Есть в природе ебля, хуй и пизда, как вполне самостоятельные и не подлежащие никакой смысловой замене сущности. Попытка их обозначить иными словами приводит к синестезии понятий. К искажению или смещению изначального смысла сказанного.

— Попробуйте-ка передать *иными словами* реальную реплику моего знакомого, когда при прохождении завала в и без того узком шкуродёре на него поехала верхняя плита. Он сказал всего два слова:

– **Пиздец. Отлазился...**

: *НИ ОДИН РЕДАКТОР В МИРЕ НИКОГДА НЕ ЗАСТАВИТ МЕНЯ НАПИСАТЬ ЕГО СЛОВА ПО-ИНОМУ,– КАК И ПОСТАВИТЬ ВМЕСТО НИХ СТЫДЛИВОЕ МНОГОТОЧИЕ.*

Ибо в двух этих его словах заключалось — ВСЁ.

Иные слова несут иной семантический смысл. Иную смысловую знаковую, иную эмоцию.

Крик в колодце при его штурме «Вася! Убери эту хуёвину на хуй!!!» на глубину в 50 метров долетает без всяких искажений (в отличие от долгого и утомительного разъяснения, что именно и куда конкретно нужно убрать) – и выполняется *мгновенно и точно.*

* * *

: Бог с ним, с матом. Как и с его жеманно-стыдливymi противниками. Коль говорить о Слове — совсем иные его ипостаси занимают меня и Сергея. А потому мы немало времени наших совместных выездов проводим в весьма философских беседах на литературные и околотитературные темы. В том числе касающихся того, что, видимо, никто, кроме нас в этом мире не обсуждает:

: речь идёт о том, как следует *писать Мир Подземли.*

Ибо оба понемногу делаем это.

— Ну почему практически вся издаваемая в нашей стране литература о пещерах такая убогая?..

: *Ни графоманских творений Рогожникова, ни так и не изданных замечательных повестей и рассказов Серафимова, ни столь близкой нам книги Пилигрима, ни скандального произведения Мальцева мы ещё не знаем — разговор идёт не о них.*

Разговор о некоей иррационально-довлеющей причине, по которой все совковые спелеописания – против западных – просто скучно читать. Можно извлечь из этих книг долю полезной (для кого-то) информации,– но не более. Можно ознакомиться с историей *покорения* какой-то пещеры, с относительно правдиво (в лучшем случае) поведанными перипетиями спелеодеятельности некоего туристического клуба,–

– И только. Спелеологу, что озаботился достаточно вечными вопросами,– что же есть Мир Подземли, какая сила притягивает нас к нему — такому спелеологу открывать “дозволенные книги” Дублянского, Илюхина и Гвоздецкого *просто не за чем.*

: соответственно, буквально через минуту (ибо большего времени эта тема недостойна) беседа смещается на то, как

пишем **мы**. Как слышим Слово. Как говорим. О гармоничности и адекватности Слова Писаного Слову Звучащему.

: Я исповедаю Открытый Синтаксис, основанной на максимально широком применении знаков пунктуации, раскрытии их полного смысла. Того темперирования строки, что они могут дать. Ибо за темперированностью написанного – эмоция, основа мысли. А потому в помощь синтаксической свободе – строкопостроение “сдвинутого абзаца”. И прочее.

Ты разделяешь это, но говоришь, что в любом случае всё, что я пишу – лишь моё личное понимание и видение Слова.

У каждого оно своё.

Характерная фраза: «врёт, как очевидец», не говорит о человеческой лживости – но лишь о том, что каждый видит этот мир по-своему. И очевидец любого события, *имеющий в нём личный эмоциональный интерес*, никогда не сможет описать его так, как по силам сделать взглянувшему “со стороны” человеку.

Соответственно, моя проза всегда будет предельно-личностна.

– И что? Я не против. Безличностная, неэмоциональная музыка в принципе вызывает отвращение. Холод. За равнодушием музыканта – отсутствие главного, что рождает в нашей душе Звук. Так какого лысого проза должна быть менее эмоциональна, чем подлинные Поэзия и Музыка — коль претендует называться искусством?

– Так-то оно так, – соглашаешься ты, – и всё же...

: Пытаемся разобраться, в какого рода литературе эмоция имеет право главенствовать – а где “не подходить на издательский выстрел”.

Как ни странно, приходим к парадоксальному выводу: *в том, что касается Мира Подземли, неэмоциональная, холодная проза НЕ ДОПУСТИМА.*

Ибо неэмоциональный человек просто не понимает этого мира. А значит, трендить о нём не имеет права. Хотя бы, чтоб не пудрить мозги неофитам.

: лучшие страницы Кастере, Якуча и Сифра – до предела эмоциональны и личностны.

“Безличной литературы вообще не может быть”, – полагаю я. С этим положением ты соглашаешься.

Так же приходим к забавному выводу:

Прежде, чем “шкрябать” нечто документально-непредвзятое о мире нещер, пишущий должен научиться писать о нём языком сказки, вымысла.

Чтоб вдоволь излить своё персонально-фантастическое виденье этого мира, – разобраться со своими привязанностями, оценками, чувствами, – выговориться, в конце концов, “не по делу” —

— и лишь потом, дав выход своим эмоциям и фантазии (что неотделимы от видения Подземли) – вещать нечто отвлечённо-техническое. Как бы документальное.

: Глядишь – пока разминаешься в ни к чему не обязательном жанре “документального вымысла”, Слово дотянется до Мысли, а та с Эмоцией престанет конфликтовать. И не будет одно опережать другое.

Перестали напоминать эти три основы нашего текста лебедя, рака и щуку — можешь переходить к однозначно документальной прозе.

Все эти рассуждения, конечно, весьма оторваны от окружающей нас реальности. Там, “наверху”.

: В мире совка.

Это на Западе мир с волнением и трепетом следит за погружениями Сифра или Велковича, — за штурмом “П-С-М” или очередным рекордным нырянием в Воклюзе. За подземными “приколами на грани фола” Монтальбини.

Это на Западе выходят сотни спелеологических журналов и десятки книг о подземном мире. Выпускаются фотоальбомы, эфир заполняют здорового содержания репортажи, —

У нас, в краю непуганых депутатов, с 1947 года тема пещер — “традиционно-закрытая”. И хоть “пришли иные времена” — редакционно-издательский *modus vivendi* не переделать.

: Из гавна можно слепить лишь известного персонажа. Для иного рода скульптуры необходим иной материал.

— Как же быть?

А никак. Продолжать писать себе в стол, не отягощаась дурацко-издательскими планами.

Излившись в вымысле и фантазии, попробовать затем “перейти к делу”. Отшелушив в сложившемся языке зёрна истин от плевел заблуждений и домыслов.

Академической науке — неудобоваримый волапюк кондовой исследовательской мысли. Без тени Творчества, что искажает ангажированную научную истину.

Нам, пишущим *реальный спелеомир* — игру мистификаций и аллюзий. Стихи и песни образов.

И кривенькое зеркало иронии — ибо юмор не просто помогает нам выжить. Кривизна насмешки сродни кривизне портрета, написанного кистью — против точности фотографии. Но в том-то и состоит фокус подлинного искусства, что движение кисти при всей своей кривизне передаёт образ живого человека.

: Самая точная фотография — нет.

* * *

— Возвращаюсь в Сапфир, — он же Обитаемый остров:

В 20. 03. 94 — дата стоит в тетрадном листе, а значит, тогда это было. Понимаем, что предлагаемый набор компасов способен существенно упростить пребывание под землёй “многих наших товарищей и совсем-не-товарищей” — однако для *полного подземного счастья* его явно недостаточно. Как, к примеру, мешал нам свет при внезапном отражении от белого выступа плиты в Сейсмо-зоне, — через мгновение высываешь голову в просторный грот и поначалу ничего не видишь: мощности твоего налобника определённо не хватает, чтоб

“добить” до противоположной стены...

К тому ж “радикально чёрного цвета”.

— Пожалуйста,— я поддвигаю тетрадку к себе и рисую схемку, что включает в себя фотоспротивление, реостатик ручной регулировки яркости, совмещённый с выключателем — и автоматический регулятор мощности (скважности световых импульсов).

: Схема вполне рабочая и рисую я на полном серьёзе. Деталей — почти пяток; всё это можно разместить в головке налобника за отражателем: всё равно там, как правило, пустое место. Только фотоспротивление нужно поместить в чёрной трубочке снаружи — чтоб реагировало исключительно на свет, что отражается/приходит к тебе. Тогда, куда бы ты ни светил, уровень яркости у твоих глаз будет постоянным.

— Ладно,— говоришь ты,— дома попробую собрать. Если что не выйдет — поможешь?

— Легко,— соглашаюсь я. И ты тем же серьёзным тоном замечаешь:

— Ты только это... Ещё маленько усовершенствуй её, чтоб и доплеровское смещение учитывалось — для адекватной передачи цветовой гаммы. Ну и фильтр какой-нибудь впендюрь: “ИНТИМ”, как на ‘эх-ма-лазарях’ пишут...

— Легко,— опять соглашаюсь я,— полосовой фильтр, полоса непропускания от инфракрасного до ультрафиолетового... “ИНТИМ — ТАК ИНТИМ!”

— ИНТИМ ВСЕМУ,— резюмируешь ты. И на какое-то время углубляешься в кухонную часть грота: пища, приготовление которой было доверено Хаосу, как правило, оказывается несъедобной. < Самый Ответственный Мовемент — добавление приправ и пряностей: сколько, чего и на какой минуте докладывать в кан — особенно важно не промахнуться с купырём: мы с тобой оба любим его, но даже пол-лишних-корешка способны полностью перечеркнуть прочие хлопоты,— “недобав” же его, полагаем мы, не менее вреден.

: Есть люди, что простое неумение готовить маскируют обилием всевозможных ‘притрав’. В нашей с Лещиной компании таких и близко не подпускают к готовке — до сих пор перед глазами стоит “картина аллегорическая, полная тоски и беспредельно животного ужаса: НАШ НИКИТСКИЙ НИРО ВУЛЬФ СЕРГИЕНКО, НАДЕВАЮЩИЙ ДОБРОВОЛЬНОЙ ПОМОШНИЦЕ-ПОВАРИХЕ НА ГОЛОВУ КАН С ПОСЛЕДНИМ ВОЗМОЖНЫМ ДО КОНЦА НЕДЕЛИ ОБЕДОМ”...

: Старица, голодный 1992 год. >

— Однако творческий процесс — раз пошёл — не остановить, а потому ты время от времени диктуешь мне через плечо, и я записываю:

АПТЕЧКА ПОСЛЕДНЕЙ ПОМОЩИ ДЛЯ ДОДИКОВ:

1. Свеча.
2. Лопата.
3. Грим.
4. Формалин.

5. Хайратник челюстно-лицевой для подвязывания мандибулы.

6. Надувной венок с пожеланиями от КСС, МЧС, ГСС и КПСС (до кучи).

7. В обводнёнке – соответствующим образом расписанный спасательный круг (варианты: в форме полумесяца, креста, звезды Давида и лабиринтовой мандалы).

8. Гроб складной, телескопический (варианты: дубовый или сосновый комбез, спальник оцинкованный, транс-200; каска играет роль крышки, “похороны в открытом комбезе...”).

9. Белый вкладыш из спальника (варианты: с надписью «МИНЗДРАВ» и «МИНЗДРАВ предупреждал...»).

10. Две дубовых перекладкины.

11. МЕШОЧЕК ПЛАЧА.

– А теперь — в Поэму, — объявляешь ты. И зачитываешь:

– В подмосковной КСС нынче карстовый... нет: удивительный – м... – процесс...

– Восхитительный, — пытаюсь подсказать я, видя твои колебания.

– Можно и восхитительный, — соглашаешься ты, — и поразительный...

– Оф-фигительный, — предлагаю я новую версию, — абсцесс.

– М-да, — со странной интонацией крикаешь ты, — беда не когда слов нет — а когда ‘избиток’. Ты это запомни.

– Ну да. Краткость – сестра Антон Палыча... Хотя согласен: случается у меня порой...

– Случается. “И это правильно”, — ты внимательно смотришь на меня, — потому как Хэм сказал: пишешь черновик – *пиши ВСЁ*. Так что давай-ка сейчас их побольше накидаем, а после отмаракуюем... Что-нибудь этакое, мимо чего как раз промахнулись.

– И я исписываю примерно полстраницы.

– Стоп, хватит. Лучшее – враг хорошего, — произносишь ты и возобновляешь чтение:

Член отряда Недоспасов

В Сьянах встретил пи... *онеров!*

: налицо сюжетная завязка Поэмы. Я же говорил, что строфы сами сложатся, когда придёт время.

А главное: как ловко можно обыграть ублюдочную жеманность!..

– Кушать ‘продано’, — объявляешь ты. И интересуешься, где будем есть: за столом или в тёплом модуле.

: Пожалуй, в модуле. Ибо свеча вполне прогрела его, — опять же, *плэер*, —

: “Пусть старенький плэер подарит немного тепла...”

— Перебираемся в модуль, с удовлетворением высвобождаясь из комбезов. Стягиваем налобники с надоевшими аккумуляторными банками (99 % их веса работают не на создание *видимого*

глазами света – на бесполезное для ориентации под землёй инфракрасное излучение, а так же пресловутую “крепость корпуса” – вот сколько лишнего веса приходится таскать на себе любителям электрических лампочек! — *но куда ж под землёй без них?..*),— обувь (к.п.д. которой в условиях подземли значительно выше),—

— На этом спелеостриптиз оканчивается.

Пол застелен в два слоя термоизолирующей “пенкой”, поверх наши спальники. На стене в одном углу маленькое католическое распятие, в другом болгарская нитяная “весенница”:

: ПОЛНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ АЛЬТЕРНАТИВЫ.

Над головой разноцветная люстрочка. В углах под потолком колоночки плэера; ставлю кассету Ю. И. Визбора –

: Слушаем Божественный Голос...

— Такой родной, тёплый,—

И трапезничаем: знатный супец (всё – только натуральное, “супы в пакетах” для чайников и им подобных уродов); на плексигласовом подносике — сыр, колбаска и зелень.

: *Март. Россия. 1994 год...*

“Не зря ходили к Белому Дому”,—

— ЧТО ЕЩЁ надо для Счастья?

: Ты достаёшь флягу —

: Первая стопка за Лёшу.

Без слов.

Вторая – за Того, Чей Голос слышим. Чьими песнями стали собой...

— Молча выпиваем. Замечательное До-

машнее Вино:

: Рябина с твоей дачи. Что, в общем, совсем недалеко отсюда – от Никитского,— и временами это очень удобно. Например, летом.

Сорок пять минут первой стороны иссякают. Спрашиваю: “перевернуть?”

— Нет... погоди,— *ты берёшь в руки гитару:*

Мы пришли в города
Из нетронутой чаши лесов
Из заброшенных замков
Которых уже не вернуть

Мы пришли в города
По обмолвкам чужих голосов
По забытым цветам
И опять собираемся в Путь.

Мы пришли в города
А хотели прорваться в рассвет
Мы пришли в города

А хотели пробиться в закат
 Только в Зеркале можно
 Увидеть потерянный след
 Только в Зеркале можно
 Запомнить дорогу назад

Мы пришли в города
 Нас об этом никто не просил
 Наше лето пыталась разбить
 Безднадёжность пути
 Нам теперь никуда:
 Не осталось ни знаний, ни сил...
 Заплатить за попытку надежды –
 И СНОВА ИДТИ.

– Новое?

Ты хмыкаешь.

– Скорее, хорошо ‘забритое’ старое... Помнишь, в Ватутинках в том году жгли черновики? А вот вспомнилось, всё ж. Полупосвящение, полуподражание... Но раз вспомнилось – значит, однако, к месту. ‘За отсутствием нового’...

: Ты тяжело вздыхаешь. Я понимаю, как это страшно – когда привык писать будто под диктовку незримого Голоса — и вдруг перестаёшь слышать. Месяц, два, три, полгода – год – в жутком космическом одиночестве. *Тишина-немота*,—

: То-ли сам умер, то-ли слух, то-ли Голос тот...

– А у тебя: было что “из нового”?

– Гитара переходит ко мне.

– Не знаю только, моё-ли *это*... “Несут образа в свои домики гномы – но нет в них Величья, и нету в них Бога”, у Саша Ткачёва ... Помнишь?

: Ты киваешь. Мы оба любим его песни — что столь непостижимо-трудны для Подлинного Исполнения... При кажущейся простоте гармонии, слов,—

– Ну вот... навеяло. Звучит и звучит в голове.

– А избавиться можно лишь одним способом.

– Другого пока не изобрели.

– Если не считать гильотины...

– Ты наливаешь ещё по одной стопочке.

– За Сашу.

– За него.

: Вот уж кому — трудно, так трудно. С какой болью он видит этот мир,— *как пишет его*...

— Не пою: читаю, лишь слегка намечая на гитарных струнах возможную мелодию/ритм:

Троллейбус, метро, автобус, троллейбус

Сиденья, колени, авоськи, ладони

Где тени проносят умершие тени
 Виновные? Господи! Не виноваты
 И вы не судите, и вас не осудят
 Вы разве не слышали? Стал мазохистом
 Здесь ассенизаторов травят Иудой
 А гении просто заносятся в списки.
 – *А время... А время стекало по шинам,
 Текло под землёю, рождало вопросы...*
*Все ждали ответа, глядели на звёзды:
 Которые были, по слухам, большие.*

* * *

... неожиданно разговор заходит о предсказаниях, магии, заклинаниях и т. п.

– “Всё, что привиделось ночью во сне – пусть наяву увидится мне”, – цитирую я одно не бесспорное заклинание. Применять его, очевидно, следует, когда “сон хорош”.

– То, что за завтраком внутрь вошло... – произносишь ты, но тут же исправляешься:

– Нет. “Всё, что за завтраком скушалось мне – пусть не окажется в полдень в ...”

: Неизбежное окончание оба выговорить не в силах.

– Хохочем.

– Ладно, – отсмеявшись, ты ставишь созревший вопрос, – на проходку мы, как понимаю, не пойдём?

“Проходка” на нашем слэнге – продолжительное гуляние по Системе. Совмещённое с возможным разбором встретившегося на пути завала, – коль *потянет за него*, –

: Время три часа дня, так что до вечера... Можно, конечно, и “погулять”. С другой стороны: что мы не видели в Системе? Новых, не известных никому гротов и шкурников? Оно, конечно, так. Только спелеоподвигов в нашей жизни хватило, и почему-то уже не хочется *разменивать* столь краткие часы Общения с Подземлём на первопроходческие геройства.

– Я “Сказку” с собой взял, – говорю я. Имея в виду “Сказку для Робинзонов”: второй её вариант, начисто переделанный против первого, что писал/завершал (так тогда казалось) в 1984 году с Юликом. Стихи, написанные тобой к её первому варианту – ещё до столь славного творческого содружества со мной, а потому просто однажды предъявленные мне, как некий гипотетический цикл “Подарок”, так органично вписались в наши наивные тогдашние строки...

Что кажется – теперь, когда текст переписан заново – без новой твоей помощи мне вовсе не обойтись.

— Ага,— принимаешь ты незамысловатое предложение,— значит, ‘будем ваять’. Тогда ставь чай. Лучше здесь, в модуле. Для тепла.

— Переносу примус ко входу в модуль, прогреваю кусочком плекса. Когда выходит на рабочий режим, устанавливаю его на расчищенном пяточке меж спальников. Ставлю чайник.

Затем достаём трубки, устраиваемся поудобнее (употребляем ещё по одной стопочке славного твоего домашнего вина) и совершаем Ритуал:

: струна, лопаточка, топтало. Замечательная вишнёвая “амфора”...

— Работаем. Под ненавязчиво-тихого Вангелиса из плэерных колоночек над головой. Иногда прерываемся, отдавая внимание Музыке — столь удивительно-кайфной *под землёй*, что кажется: *ОНА ОДНО С ЭТИМ КАМНЕМ*.

От работающего примуса в модуле тепло, как дома. Собственно, здесь и есть наш с тобой Дом — такой уютный, тёплый,— *сказочно-невероятно-красивый*,—

: *ЖИВОЙ*. И какая разница, ходишь/гуляешь ты по Системе, постигая её закоулки своими глазами, локтями, коленями — иль сидишь вот так: тепло/славно, в замечательно оборудованном гроте с другом: чаёк, Музыка, трубочка, строка, струна...

: Удивительный *праздник ежесекундного ощущения Мира Белого Камня* —

: Мира, дарующего такую защиту-изоляцию от всего, что НАВЕРХУ — что за сутки пребывания в нём словно навеки исчезает любая хмарь и пакость, обида, злоба, боль...

— Впрочем, очевидная боль остаётся. Потому что стереть её можно лишь одним несбыточным действием: **вернуть всех, кого мы потеряли**. Кого не увидеть уж **никогда** — не разделить тепло костерка, кружки чая, дымок сигареты, уют вот этого грота и радость творимых слов-снов...

: ПАМЯТЬЮ КОГО МНОГИЕ ИЗ НАШИХ СЛОВ И ПИШУТСЯ.

Светлой памятью и страшным горем потери.

* * *

... вообще-то — всё это *статика*.

Это лишь пока ты живой.

И мы ВМЕСТЕ.

Потом не будет ни этих слов, ни этих мгновений.

* * *

... *последняя проза совместной свободы*

*сгорает в подкаменных снах
и вяжется звук ж-м-ж кислорода
сомнением в светлых словах
в строке, отражающей тяжкое небо
звонит немота
становится былью волшебная небыль
осколочком кварца — звезда
но боль надземли
надвигается властно
на истинный Зов Подземли
и стены смыкаются
в бегстве напрасном
и радость — дели, не дели:*

*По аквамаринно-синей
студёной воде
плывёт пароходик бумажный
в хрустальную даль
и кажется, кажется, кажется — больше нигде
не будет отныне пути свои править печаль,—
кому теперь петь, как в поход собирался король,
когда безнадёжно опущены шоры зеркал
и Маленьким Принцем играющий Гамлета роль
уходит туда, где остались начала начал?..
Пусть тоненькой ленты магнитной волшебный клубок
покатит обратно — минуя окошечки касс! —
в туда, где вершился наш пёстрый нательный лубок
и время предчувствием выхода путало нас:
коль некуда деться от чёрного хрипа ворон
и всем нашим встречам поминки, увы, суждены,—
теперь бы сказал, что угодно — Ты только живи,
Ты только приди на пропитанный солнцем перрон!
Что ж: старенький плэер подарит немного тепла —
всего-то: кассету поставить, да кнопку отжать,—
но как-то немыслимо-страшно рука, что могла
Тебя воскресить — онемела в бессилье опять...
: Горит апельсином костёр над притоком Пахры —
но будто отсюда уехали все навсегда,
и если нам некуда дальше — ведь “дальше”: куда?..
: От Жизни. От Боли. От Памяти. И — от Игры,—*

*— Я больше ни с кем не смогу написать
на Бумаге Слово — оставив синий шариковый след поперёк решётки тетради в
клетку, заплатит за общенье одной монеткой: горько слушать гудки теле-
фонной трубки. Не приняв “навечно” — отринув смысл неизбежного выдоха
боли серой —*

: “НАВСЕГДА” не понять ни душой, ни мыслью. Не увидеть сердцем. Не

сжиться телом с этим словом — лежащим снежным чумным саваном поперёк всего, что когда-то было:

— *Было мной и тобой — не казавшись странным, нам являлось подлинным Жизни Смыслом.*

... и тема Ухода — рефрена побега — начальная тема больных отражений страны, где всё было: от Бога до Бега, от Первой Любви до тисков Уложений, —

: В доме нашем роятся грустные вести —
Подготовка к Смерти не спит; с ней вместе
Шаг чеканя по площадям и скверам
Нас вминают в небыль. И дело — скверно:
Вымирает племя, проходят годы
И в былой уют отнимают входы.
И кому-то Время тихонько шепчет:
«Скоро будет Занавес. Всё излечит.»

... Пахло влажной пылью, погасшим светом

Плекса или Свечи — дело уж не в этом:

Было очень горько за нас с тобою

Над листком бумажным... теперь — не стоит:

Как всерьёз казалось, уйду я раньше

(в ту минуту думал совсем без фальши),—

Прислонясь плечами к коре древесной,

Мы с тобой молчали: неинтересно

Воевать с врачом. И какого чёрта

Нам отпущен Срок, если всё — никчёмно?..

: ТВОЁ СЛОВО не угадать теперь

С теми, что на форумах и вокруг,—

Но это не столь существенно: “ДРУГ”

Слышим много дольше, чем просто звук.

... когда оттолкнёт сапог

наземную плоскость улиц

и скроется в глубине

свет сказочных фонарей

ты только вздохнёшь легко

и молвишь: вот мы вернулись

туда, где нас ждут давно

оставив открытой дверь.

* * *

... Вангелиса, славно разделившего с нами уютное одиночество Подземли, сменяет ‘Ж-М-Ж’ —

: так непредвзято-загадочно мы именуем на нашем ко-

довом языке Кумира своих подземных музыкальных грёз —

— “Ивана Михайловича Жарова”. Что по-французски звучит, как Jean-Michel Jarre,—

: Вот уж, кто не на равных с нами – НА РАВНЫХ С МАГИЕЙ НАШЕГО БЕЛОГО КАМНЯ.

... как мы *вместе* встречали в Никитах 1985 Новый год!..

* * *

... параллельно — в полном контрапункте того, что творим, *совсем иные строки посещают нас*,—

– вписываем их в специальную тетрабочку: вдогон к уже почти сложившейся Спасательской Поэме:

Как теперь известно всем,
Совершенно-Пьяный Кэм
В этот день приполз в Никиты:
Поразвлекся с динамитом,
Чтобы *чайников шугнуть* –
Заодно развеять грусть.

: Грусть-тоска его снедала –
Выпил он, *но было мало*;
С мыслью он упал в дыру:
Где бы взять ещё одну???

А в КД сидел Иван –
Старый друг и ветеран,—
И Иван поведал *Кэме*
Про спасателей в Системе...

* * *

И, якобы, “просто так”:

...: *Налетел додик одним глазом на крепь – зажмурился. Налетел другим — зажмурился окончательно.*

: *Некий спасотряд заблудился в Никитах потому, что у них была карта Никит работы Вятчина – зато нашёл потерявшихся додиков, т.к. те ходили по точно такой же карте, к тому же скаченной из Интернета. И теперь они вместе не могут найти выход...*

< В голове давешний рефрен: только бы *те козлы* – ‘из официального дуркуба’ – не ринулись “тренироваться” к нам под землю... С них ведь станется — и кому *их* потом искать, как ни нам?... >

: *На днях спасатель Петров неподалёку от жилого грота зарубил лопа-*

той матёрого спелеонавта. Холод, сыпучи и длительная бескормица выгнали озверевшего экспериментатора к человеческому жилью...

: Тридцать лет пролежал под плитой Илья Муромец – и ещё бы лежал, кабы не спасаловка!!!

: Поймал перед смертью додик в море Франца в Силикатах золотую рыбку; загадал естественное в его положении желание: море света, – и вся вода в силикатовских морях тут же обратилась в бензин!..

: Баба Яга получила свой знаменитый костяной протез после того, как попыталась прокатиться на ступе по съяновским Штрекам Смерти...

: Спелестолог Кощей стал называться Бессмертным после того, как вынырнул абсолютно сухим и целым из-под циклопического обвала в бяковской обводнёнке...

– Я больше Трезора на спасы не беру, – заявил спасатель-собаковод Петров начспасу Сидорову, – в этот раз он сдуру налетел на додиков, и они его так покусали...

— Ага... Сидим в тепле и кайфе славно оборудованного грота, – чаёк на примусе, трубочки с хорошим табачком; Вангелиса < “Ваню Солнцева”, в окрестике наших перефразов > и “Мишу Жарова” сменяет Миша Старопольский — или, по-ихнему, Mike Oldfield (альбом “О, мой даун”), – страницы рукописи, листки с твоими стихами и тетрабочка с “приколами”... Ваяем и зубоскалим одновременно: “в четыре руки, два рта”.

: Тот, кто считает, что т. н. “чёрный юмор” неуместен при проведении спасработ – жестоко заблуждается. Патетика и заламывание рук неуместны — это точно. Видели мы в Армении (и, к сожалению, на всех прочих спасках) и нервно-паралитических дамочек, и “правильных мальчиков”, что ни на что не были годны. Кроме трепыхания языком.

Да обмороков от вида крови и трупного запаха.

* * *

Из написанного под землёй:

... спелестолог Гастелло, вызвав в вертикальную пещеру спасателей, пропустил их вперёд и, облив себя бензином, сиганул в самую гущу.

... спелестолог Матросов вечером в воскресенье присел на выход из пещеры и два часа героически затыкал его, пока рвущиеся на последний автобус чайники не изрешетили его жопу фонарями и горящим плексом.

... грот чайника Павлова, оставшись практически без воды, света, еды и бензина, 3 недели героически отражал натиск озверевших спасателей, отказываясь выходить на поверхность.

... два года безуспешно искали спасатели додика Виталика – однофамильца известного революционера Бонивура. Когда ж они поймали его, то, озверев, вырезали у него на спине схему полюбившейся им части каменоломни.

... 28 однофамильцев Памфиловых завалили 43 немецких спасателя. «Отступать некуда – позади тупик!» – кричал старший из них, угрожающе размахивая крепью.

... 26 бакинских спасателей надорвались и бесславно сгинули в тщетных попытках организовать непьющую коммуны в сплошном окружении белого.

... пионер Пердыщенко, найдя подземное озеро, лёг на дно и трое суток мотал нервы спасателя Агдамова, не всплывая на поверхность, а лишь выпуская пузыри с характерными масляными пятнами.

... отбившаяся от группы чайница Зоя была зверски замучена крымскими абреками-спасателями только за то, что не помнила ни фамилии своего инструктора, ни КСС, выдавшей им разрешение на посещение района.

... спасатель Стаканов, прорубаясь через завал, завалил на-гора в отвалах 8 додиков.

... при переходе через реку Рожайку за одну зиму был геройски раздавлен льдами чайник по фамилии Челюскин.

... «Молодой человек, что вы фигнёй страдаете?» – заметил официальный спасатель додику Ульянову, глядя на его упорные попытки разобрать головой хорошо уложенный опорный бут XV века. «Стена, да гнилая – ткни, и развалится!» – весело отвечал додик Ульянов, разбегаясь для очередной безумной попытки.

... «Похоже, мы пойдём другим путём», – задумчиво молвил додик Ульянов, разглядев ноги своего старшего брата, торчащие из-под завала.

... «Страшно далёк ты от породы!» – заметил додик Ульянов спасателю Пезделю.

... “Бедный додик!” – заключил спасатель Гамлет, осмотрев каску спасённого, откопанную под завалом.

... до смерти упоил чайник Сальери додика Моцарта, выпытывая у него дорогу до знаменитых никитских сталактитов.

... с ума сошёл спасатель Герман, когда, заблудившись в Силикатах, получил от Двудикой сразу три карты: Бяк, Киселей и Сьянов.

... интересно, что додик Гёте, заблудившись в ЖБК, продал душу спасателю Чёрту только за то, что тот указал ему дорогу до Малого Нецензурного грота²⁰.

... убил и съел спасённую чайницу в красной касочке спасатель Волков. На вопрос видавшего и не такое начспаса, почему он это сделал, спасатель Волков ответил, что она достала его своими вопросами.

... до сих пор бродит по Сейсмозоне группа польских патриотов-спасателей, которую чайник Сусанин вызвался провести самым коротким путём к гроту Кремль.

... «Идиот!» – бросил Опытный Спелестолог Иван в сторону бьющегося в эпилептическом припадке додика Достоевского.

... «Три сестры» – сказал о Хозяйке Медной Горы, Двудикой и Белой Го-

²⁰ Грот с характерной нецензурной надписью на стене из трёх букв. “Указать дорогу на МНГ” – чисто никитская идиома.

рячке медик-спасатель Чехов чайнику Бажову.

... «Вишнёвый зад» – охарактеризовал состояние лица чайника Бажова после воздействия данной фразы тот же медик-спасатель.

... “Верещагин, уходи из грота!” – заорал педантичный спасатель Сухов, подсчитав, сколько качков насосом сделал чайник Пердуха после заправки примуса.

... «Я пойду гулять», – сказал родителям Чайник. «И я!» – сказал Додик. «Я нашёл коногон», – сказал Чайник. «И я!» – пискнул Додик. «Я увидел вход в пещеру!» – обрадовался Чайник. «И я!!!» – заорал Додик. «Я полезу внутрь», – заявил Чайник. «И я!» – устремился Додик. «Я распишусь в Журнале!» – решил Чайник. И здесь его пути с Додиком разошлись. «Я клёво погулял под землёй», – хвастался родителям тем же вечером Чайник. А кто не понимает морали на таком уровне, пусть читает сутеевские комиксы.

... ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ ПРОВЁЛ ПОД ЗЕМЛЁЙ вынужденный додик-спелеонавт Малинович после того, как ПБЛ, в котором он спал, был смыт паводком в засифонные этажи штурмуемой Системы. Первую ночь он провёл, как троглодит, дрожа от холода и страха на мокром карнизе, – в дальнейшем жизнь его наладилась: паводки и прочие стихийные бедствия регулярно доставляли ему из верхних этажей Системы еду, свет и обломки снаряжения штурмующих пещеру спелеологов; немало удовольствия он получил, пытаясь приручить и заставить произносить своё имя слепую пещерную рыбу, – а когда однажды паводок подарил ему практически целое тело чайницы, решил, что жизнь – удалась. И неделю подряд пользовал тело по назначению, именуя его, соответственно, Понедельником, Вторником, Средой, Четвергом, Пятницей...

* * *

... воскресенье, вечер. Довольные выходом – а также собой и написанными под землёй строками – волоча тяжёлые трансы, приближаемся к Журналу. Остаются последние метры до поверхности — на которой *совсем иной мир*, и что б он ни значил для нас, как бы ни гнул к земле – это тоже Наш Мир, и в нём мы должны *жить*. Какие бы потери ни случались, как бы нам *там* ни было *худо*, –

: Как легко это на словах!

... от входа слышатся звуки, волнующие сердце каждого спелеолога: нежное журчание ручейка. И нечто вроде весенней капли — время от времени прерываемой диссонансами типа “плюх” и “чмок!”. Светим *туда* –

: Так и есть. Пока мы сидели-работали-отдыхали под землёй, – в общем, всячески наслаждались жизнью, – на поверхности оной Разбушевчалась Весна.

“Весна грязна” – данная рифмовка не нуждается в пространных объяснениях: грязь со склона холма этакой микрониагарой устремляется прямо во вход. Нам навстречу.

– И В ЭТО САМОЕ *НИХОЧУ* НАМ НАДО *ЛЕЗТЬ?*..

– *ТАМ НАША РОДИНА, БРАТ...*

/ “И здесь мы должны *жить?*” – из А. Волкова, “Семь подземных королей”. “*Такова наша судьба...*” – там же. /

: *ЛЕЗЕМ*. Отхлёбываясь, отплёвываясь и проклиная всё на этом и том свете. С характерным “ЧПОК!” вырываем из грязевых объятий транс –

– *выкарабкиваемся,* –

— *ВЫКАРАБКАЛИСЬ...*

: Гибрид бобслея и

виндсерфинга – верхом на облепленных грязью трансах вниз по склону, к реке.

Отмываться.

Вот как встречает Поверхность Своих Сыновей – оторвавшихся от неё “погожим весенним днём”...

А настроение всё-таки *замечательное*:

– До первой городской толпы.

– До первого телевизора.

– До первой работы...

Но всё это не стоит строк, что были написаны.

И НАШИХ ДРУЗЕЙ: тех, что ещё с нами.

ВМЕСТЕ – в этих каменных стенах.

ЕДИНСТВО НЕПОХОЖИХ

“И – ни неба, ни – звёзд, ни – светил.

: Только искры Души.”

: Неблагодарное и подлое это занятие — пересказывать биографии друзей. Эпизоды их жизни, к которым они относятся безусловно иначе, чем я – и о которых имеют более верное представление. При этом вещать сладко, опуская некие “шероховатые для иного слуха детали” столь же подло, сколь выставлять на всеобщее обозрение чужие ошибки и просчёты. И всё ж попробуем пройти по лезвию слов меж этих крайностей —

: Ибо без моих друзей не только не случилось бы ни одного моего подземного пребывания, открытия, приключения, – не было бы меня самого.

— *Да что мы вообще без наших друзей?..*

* * *

... банальность: без друзей мы НИЧТО.

* * *

Женя Богданов – Кис:

*Даже в самой безмерной песочнице,
Даже в самой безумной клепсидре
Испытать никому не захочется —
Как пришлось мне в Помойке без “гидры” ...*

Помойка – самая знаменитая саблинская пещера-каменоломня. Располагающая к тому же протекающей через пещеру речкой и солидным подземным озером, – поскольку описание этих замечательных подземелий присутствует не только в Инете, но и в прочих моих вещах, от неуместных повторов уклонюсь. Думаю, смысл приведённой в качестве эпиграфа рифмовки понятен и так. Важно, что посвящалась она Жене Богданову – Кису, ибо песчаный мир “саблинских одноразовых клепсидр” открыл мне именно он — и он же познакомил меня с Паулем Пилигримом и Ю. С. Ляхницким. Он впервые в жизни показал мне стокилометровые Бяки и свёл с Таксистом, Отцом Фёдором и другими лидерами тамошнего спелеума; благодаря Кису я приобрёл замечательных ковровских друзей и познакомился со своей третьей женой, Аннет — а значит, если б не он – не появилась бы на свет наша дочь Лада:

— так, оказывается, пусть и опосредованно, зависит чья-то жизнь от *якобы случайного* знакомства: Кузя, один из создателей съяновского грота PENIS, был воспитанником Черныша; Черныш водил своих ребят в Бяки и на Кап-Кутан. Ковровская команда Киса посещала и те, и другие подземные окоёмы. Не встретиться они не могли — но встречались/пересекались маршруты многих спелеогрупп, — кто оставался в друзьях?..

: В Съяны уже в те годы ходило много народу. Но мы не могли не сойтись с командами Комбата и Пениса – как не могли не сойтись эти ребята с нами, и ковровская группа Киса после знакомства с группой Черныша столь же естественно продолжила своё “междугороднее спелеосообщение” — хоть расстояние между подмосковной Балашихой и Ковровым не маленькое.

А потому никитяне не могли не познакомиться с командой Киса.

: Не думаю, что это анчаровская невероятность. Это Мировые Линии наших судеб, что мы сами себе выбираем. Это мэйнстрим нашей жизни.

Избалованному почти халявным музыкально-книжным изобилием жителю столицы трудно представить, как, живя в провинции, можно дотянуться до высот Замятина и “Джетро Талл”, Мариенгофа и “Кинг Кримсона”, Юза Алешковского и Джерри Маллигана, Бродского и Башлачёва, Мирзаяна и Шолом Алейхема, Клауса Шульца и Жана-Мишеля, – Ерофеева, Губермана, Жукова и Ланцберга – *в совковую эпоху-то!*..

— Кис и его ковровская компания не просто “дотянулись”. Иной раз казалось, что это мы, а не они росли “на задворках

культуры”.²¹ И в том, что касалось мира Подземли, ребята эти столь же не уступали нам [Никитскому Кругу середины восьмидесятых] — так что знакомство наше, перешедшее в прочную дружбу, было, по-видимому, предопределено. Мы не могли не встретиться под землёй, рано или поздно, и не могли не сойтись. И наверное, столь же неизбежен был мой брак с Аннет — как и рождение нашей дочери.

: Спасибо Кузе и Кису. И конечно, тому, что связует нас под землёй.

С Кисом мы исследовали пещеры Старицкого района и (в славной компании с Серёжей Лещиной) пали жертвами “старицкой аметистовой лихорадки”,—

С Кисом планировали Большое Подземное Погружение 1992 года (не наша вина, что не сбылось) и пытались понять/очувствовать, что же такое САЯ. Ломали словесные копья костровых и кухонно-ночных споров, делились пережитыми случаями Контакта, пытаюсь как-то систематизировать их,—

– боролись против общих врагов, разделяя уют подземного жилого грота и золотое тепло костерка в непогоду,—

: влюблялись в одних и тех же девчёнок, делили их и последние крошки табака и хлеба,— ругались и спорили, мирились и расходились, и сходились вновь. С каждым разом с удивлением понимая: что разделяло — фантом, морок, не стоящий воспоминания.

Ибо обязаны друг другу слишком многим. И какая-то непонятная сила, как бы оба ни были различны в своих темпераментах и взглядах, не то, что сводит нас вместе — вновь и вновь — ясно даёт понять: мы вместе, как бы нам ни казалось, что мы врозь. Кисс полагает, что эта сила именуется Подземлёй,— но как бы ни называть...

С Кисом мы пережили знаменитый “старицкий голод 1991 года” — когда вся наша команда ‘зависла’ в Старице без денег и еды (власть неожиданно-подло взметнула цены на автотранспортные услуги; одновременно из магазинов исчезло буквально всё — от табака до хлеба — и в одно непрекрасное утро мы, совершая хадж в город за свежим хлебом, поняли: в Москву вернуться не сможем),—

– как-то выкручивались ловлей лягушек, рыбы и птиц, охотой и собирательством, и подработкой на окрестных огородах,—

С ума сойти: пахали батраками, поднимая лопатами кочкарную целину на участках первых районных “новых русских” — не чтоб купить на заработан-

²¹ Саша Непомнящий — прекрасный поэт и музыкант, равно высоко владеющий как Гитарой, так и Словом, не просто “уроженец Коврова”. Он — из той же ковровской компании. А потому его песни на наших встречах памяти Виктора Шагала звучали столь же естественно, как песни “чисто никитских” авторов — Серёжи Лещины, Юлика Рашковского, Вадима Певзнера, Асися, Маши Бейнарук, Димы Ушакова, Моки, Мамонта, Рудика, Старого,— и наших московских и питерских друзей: Киры Комарова, Миши Башакова, Серёжи Калугина, Лёши Воронина, Юли Теуниковой, Коли Харитоновой, Саши Репьёва, Василия Ка, Рады и группы “Зимовье Зверей”.

ные деньги еды, нет! — чтоб заработать на автобусные билеты до Твери. Ради возвращения в златоглавую... О, хармсовский абсурд нашей жизни!..

: Многие из Никитского Круга – крайне эмоциональные люди. Не вполне сдержанные.

К Кису данное утверждение не вполне относится, ибо в нём и эмоциональность, и несдержанность сильно зашкаливают против общепринятого понимания этих слов.

: Когда на человека в условиях случившейся экспедиционной голодухи на день выдавалось одно печенье и одна сигарета, Кис естественно схарчивал их сразу за завтраком. Ибо, конечно, “лучше один раз выпить крови, чем полжизни сидеть на воде”. Как заметил Лещина, “в этом есть какая-то правда” — спорить не буду.

Я предпочитал печенье оставить на послужинный чаёк [“имени второго подъёма третьего слива”]; первую половинку сигаретки выкурить после обеда – вторую, опять же, после ужина. В аккурат перед тем самым чайком. Или после него – по настроению.

– Надо было видеть глаза Киса, – как он смотрел на меня с этими полубычками!.. Каким взглядом сопровождал каждое моё движение — взгляд голодной собаки был ничто против его взгляда, – и это нудящее канючанье:

– Ну Ком... Ну только одну коротенькую тяжечку...

: Я очень люблю Женю, и очень уважаю его. И до сих пор не понимаю – как, почему, при таких разных взглядах на мир и свойствах характера, мы, – как оказалось по прошествии 15 лет нашей дружбы, вкладываем в это слово один и тот же смысл.

И пусть нас по-прежнему разделяют города и расстояния, мы всё-таки – вместе.

: У Киса удивительное чутьё на всевозможные подземные заначки и нычки, на неоткрытые подземные ходы и скрывающиеся за завалами продолжения пещеры. Зов Подземли для него не “просто слово” – часть жизни. Причём важнейшая.

... а ещё у него врождённый диабет. С 2002 года нет почек. Что такое диализ, знают, слава Богу, не многие. Для обеспечения хоть какой-то видимости нормальной физиологии в день Кису нужно несколько литров специальной жидкости. [Переливание, через вживлённый в организм катетер – восемь раз в сутки.] Конечно, она бесплатна. Но взять в аптеке её может лишь он сам (или его жена), – и аптека эта одна. *В том городе, где он живёт.*

— представили себе это?.. Хорошо представили?? И вес, и объём “промывки”, что тождественна самой возможности существования, – и необходимость обеспечения стерильности при переливании, и каково жить с торчащим из живота шлангом??? Про инсулиновую зависимость не забыли?

— Тем не менее, Кис приезжает “на Шагала” в Никиты. Кисс ходит в байдарочные походы. Кисс ездил в пещерные монастыри горного Крыма и периодически навещает родной город.

Недавно посетил свою подземную “малую родину” – Бяки.

А ещё – продал свою ковровскую квартиру. И наперекор злой судьбе занялся дайвингом в Красном море.

: Такой вот человек.

* * *

Молил все последние годы об одном: не переведи это светлое имя в реестр потерь.

... заклинания не действуют.

13 июля 2010 года Женя Богданов умер.

Накануне я приехал в Ковров – отвозил бывшей своей жене Ане нашу дочь после московского гостевания. Её можно было отправить поездом, но изнутри что-то позвало: ехать самому, на машине.

Наверное, интуиция.

Встретился со многими своими друзьями – иных из которых не видел уж 10 лет.

А вот Женю навестить не удалось.

Он лежал в больнице на диализе, и состояние его было такое, что исключало посещение.

Но думалось: это не в первый раз, и раньше случались обострения, – и аварийное повышение уровня сахара в крови, и прочее, –

: выкарабкается, как выкарабкивался из объятий Костлявой прежде. Ведь всегда — выбирался, показывал ей “прик”.

Приеду как-нибудь в другой раз...

: Этого раза больше не будет.

* * *

Кира и Натка:

Вообще-то мне было “заказано” писать об этой никитской паре. В том смысле, что “почти запрещено”. Как и о многих других никитянах, что были со мной не год, не два – уже десятки лет рядом! – и без чьей помощи и душевного участия я не испытал бы многих истинно светлых эмоций.

Ибо ясно: каждый человек видит себя изнутри иначе, чем его видят со стороны даже очень близкие люди. И каждого из нас окружающие воспринимают по-своему. У каждого из нас случаются в жизни моменты, которые “почти уместно” обсудить в узком дружеском кругу — но абсолютно не уместно выносить на “гладь печатного листа”. Причём не важно, о печали или радости идёт речь. О горечи поражения, потери — или счастье открытия. О совершенном добре или зле.

: Может, когда-нибудь однажды пойму – писать всё-таки было надо. Что

ж: в этом случае, наверно, будет не поздно коснуться листа или клави компьютера. Хуже, коль станет ясно: написав строки, право на которые мне не было дано...

— Так что отложим пока эти слова и фразы. А там будет видно.

Одно я могу сказать: как бы то ни было, не я один — весь Никитский Круг обязан и Кире, и Натке столь многим, что банальными словами благодарности мне не обойтись.

Впрочем, все мы так или иначе обязаны друг другу.

* * *

Сусанин [Миша Дементьев]:

В Никитском Кругу с 1981 года. Один из самых любимых и уважаемых прочими никитянами никитских спелестологов — “ибо есть за что”. Не смотря на то, что Миша — неизлечимая динамо-машина. Если вы с ним договорились о встрече на полдень — к трём он наверняка отзвонится и скажет, что “будет вот-вот”. После чего останется совсем немного подождать — буквально пару часов. Не больше.

Тем не менее, нежно любим всеми нами. И мной, конечно, тоже. Хотя бы потому, что всегда приходит на помощь любому из нас — только позови. И в этом случае он никогда не опаздывает. Всегда помогает, и всегда вовремя.

Помимо этого, Миша профессионал самого высшего класса. С 1982 года профессиональный водитель и автомеханик по совместительству. Специализируется на отечественных “уазиках” — ибо верит, что для российского бездорожья, а главное, для наших поисково-экспедиционных целей, “уазик” — единственно подходящая в мире машина. Каких бы “джипов” ни изобретали на Западе.

— За 25 лет своей профессиональной деятельности Миша нам всем это прекрасно доказал. Многие из наших старицких (и иных) экспедиций просто не могли бы состояться, если б не его “уазики”.

Моя машина — естественно, “уазик”. Это современный “козёл” на армейских мостах, с английским сцеплением, трёхлитровым двигателем, волговскими саморазводящимися тормозами, тросовой передачей педали газа, экономичным карбюратором “солекс”, “дэвовским” 75-амперным аккумулятором, немецким бендиксом, полноприводной акустической джиповской системой “JVC” класса Hi-Fi, должной звуко-и-термоизоляции салона — и так далее, и тому подобное.

: За исключением “звуковой части” всё остальное — сборка Сусанина.

Проходимость — выше всяких похвал. На трассе катится со скоростью в 140 км/час, — до которой разгоняется за пару десятков секунд.

— а что ещё нужно для счастья?..

: Молюсь, как и все никитяне, чтоб оно было у Миши. Ибо рано или поздно

ведь должно прийти...

* * *

Прохор [Антон Прохоренко]:

Пришёл в Никиты в 1985 году. Незадолго до того впервые попав под землю – в Силикаты – быстро “наелся по самое никуда” тамошнего образа спелеожизни; услышав про существование вполне нейтральных к приходящим новичкам Никит, пришёл к нам.

Учился он тогда в восьмом классе.

Летом 1987 года Прохор с Паникёром и Серёнькой Маленьким оборудовали свою верхнюю лесную стоянку. Назвав её “Дача”.

: На стоянку можно было водить экскурсантов и любителей деревянного русского зодчества, – столь замечательного “хай-штиля стояночного дизайна” я, например, никогда в жизни не видел: ни до, ни после.

Когда наше никитское хождение стало выдыхаться, Антон перешёл в Кисели. И в компании со своим другом Паникёром *создал в самой дальней системе Киселей просто фантастический по своей эстетике* грот Эрмитаж — столь сказочно-красивый, что и сейчас это, наверное, самый великолепный по своему интерьеру грот: из всех, оборудованных в подмосковных каменоломнях. Точнее — Система Обитаемых Гротов.

В день, когда компания Старшего Кэма вскрыла Сьяны, он приехал к ним на помощь – спустился в раскоп, вытащил на поверхность буквально пару вёдер – и открылся проход в Систему.

Старший Кэм не мог удержаться от ворчания: «Вот, блин, мы три недели пахали, как проклятые – а приезжает чайник, отворачивает пару булыганов и открывает ход! Гордись же, Прохор, в какой замечательной компании тыходишь в Самую Великую Систему Подмосковья!..» [Компания, что и говорить, была в высшей степени замечательная.]

: на другой день Антону исполнилось 18 лет. Такой вот получился спелестологический день рождения. Такой подарок спелеосудьбы. Такое совершеннолетие.

: Неделю Антон прожил в Сьянах у Миши Плахова, занимаясь с ним топошьёмкой Сьян. А ещё через неделю его неожиданно забрали в армию – специально-изуверским набором прочесав ряды поступающих в ВУЗы вчерашних школьников.

В 1990 году Антон вернулся, отслужив два года неподалёку от озера Балхаш. Кто бывал в тех краях, может себе представить, *какой это ад*, – поверьте: армия в тамошних невесёлых пейзажах — ад вдвойне.

В Киселях оставался оборудованный им с Паникёром Эрмитаж, и народу из-за вскрытия Сьян ходило очень мало, –

: Прохор обосновался там, постепенно сплотив вокруг себя тех киселистов, которым было не безразлично, как и зачем ходить под землю.

В 1992 году он навестил Сьяны; то, что он там застал, не сильно ему понравилось (мы к этому времени уже года два, как вернулись из Сьян в Никиты). Институт (РГГУ), в который Антон всё-таки поступил на отделение искусствоведения, отнимал всё его время — с каменоломнями пришлось расстаться. Как тогда думалось (не только ему) — за “естественным исчерпанием жанра”. Но Антон был *одарён Подземлёй* (или, если угодно, *мечен*): в 1995 году он не смог не прийти на слёт памяти В. Шагала.

На который, так же как он, “не смогли не прийти” три никитских поколения. И много наших друзей из Киселей, Силикат, Володар, Бяк и Сьян,— из Одесских, Самарских и Саблинских каменоломен; были спелестологи из Владимира и Коврова —

: какие бы “возрастные отклонения от Жанра” с нами ни случались, и как бы он ни “исчерпывался” в представлениях многих, помнящих его безусловно лучшие времена,—

: *Общение у костров трёх поколений и шести городов,— песни, прогулки под землю, воспоминания —*

... на этом Шагале Антон понял: *пещеры — не эпизод в его жизни. Сама жизнь.*

Которая дальше теснейшим образом сплелась с нашими возобновившимися исследованиями Никит, Старицы, экспедициями в вертикальные пещеры Кавказа, Крыма и Урала, педагогической работой с детьми — и уникальным спелеобибблиографическим трудом-исследованием. [Которое вполне “тянуло бы” на кандидатскую диссертацию — кабы в спелеологии и спелестологии были приняты учёные степени.] Результат этого труда — созданный Антоном наиболее полный кадастр всех спелеологических и спелестологических публикаций и изданий, включая интернетные страницы и сайты: неоценимое подспорье для любого, кто всерьёз занимается изучением Мира Подземли.

Говоря об Антоне, трудно удержаться от очередного “спелеополитического комментария”, буквально навязанного им мне по прочтении написанных глав “Мэйнстрима”. *По его мнению, на Западе исследователей, равных Кастере и Сифру — десятки. Если не сотни.* [Создатель наиболее полного в нашей стране кадастра спелеологических публикаций — как отечественных, так и зарубежных — наверное, имеет право на подобную точку зрения.] *Наше представление о Кастере и Сифре, как об аутсайдерах, навязано нам совковыми средствами “масс-медиа” и редакционно-издательской политикой совка: из многочисленных одиночных и групповых пребываний Маурицио Монтальбини было дозволено узнать лишь об одном групповом и одном одиночном, причём без крайне интересных подробностей; из пяти написанных М. Сифром книг с большими искажениями выпущено лишь две — причём с крайне бесцеремонными переназваниями, например, интеллектуально-точное «Вне Времени» превратилось в обывательски-сопливое «Один в глубинах земли»; игривое «Ритмика (в дословном переводе «один», но слово созвучно перекликается с “ритмами” и “ритмикой”, то есть “танцами”) в безднах Земли» сократилась до “бездн”... о тираже умолчу. За все годы существования отечественной спелеологии не было переведено на русский язык ни одной книги или даже*

статьи ни о западных спелеоподводных исследованиях [немногочисленные современные журнальные публикации, например в журнале «Октопус», не имеют к деятелям ‘от классической спелеологии’ никакого отношения], ни о спелеобиологии, спелеоэкологии или спелеотерапии, – не издаются десятки прекрасных книг Мартеля и многих его сподвижников и продолжателей; к примеру: того же Велковича, якобы имевшими место контактами с которым хвастается проф. Дублянский – не делая никаких шевелений в сторону перевода и издания пары его интереснейших во всех отношениях книг – но притворно сетуя при том, что “пророков нет в отечестве своём” и жалуясь, что «попытки московской МКК “достучаться” до ИМБП с целью организации советских спелеонавтических пребываний успеха не имели...»²²

: «Великое знание умножает скорбь». Трудно, будучи спелеобиблиографом, не прийти к вполне определённым выводам о путях и целях совдеповой спелеологии.

Трудно, имея искусствоведческое образование (и в равной степени любя как “естественный”, так “искусственный” подземные миры) не видеть за написанной иным автором “не вполне точной” фразой причин, что двигали шаловливой ручкой.

Трудно, располагая поистине всеобъемлющей и бесценной информацией, сохранить оптимистический взгляд на будущее нашей спелеологии.

Особенно видя, как бывшие гайки закручиваются вновь — и старый лозунг об ‘ущербности спелестологии’ вытаскивается спелеодеятелями “новой генерации” из пыльных архивов.

* * *

Колобок [Сергей Эдуардович Старокадомский]:

— *Писать о неприятных событиях, связанных с любимым Миром Подземли, бесконечно тяжело. Потому что память доброй вуалью затягивает раны прошлого – кажется: вороша, воскрешаешь былую обиду и злость! – и просто не хочется порой увековечивать имена негодяев и подонков. Но отчего-то во сто крат труднее оставить на бумаге только добрые, только светлые слова о своих друзьях — ибо все они кажутся однообразно-сладкими, безликими, будто стандартная комсомольско-энесдеапэшинная ‘характеристика’: «характер нордический, стойкий – в связях, порочащих его, замечен не был...»*

: *‘но по утрам жадно пил холодную воду...’*

: От патетически-правильных слов у меня делается не тошнота – нечто вроде судорожного блёва. Поэтому даже если будет крайне необходимо — не смогу написать и пары “восторженных строк” о своих друзьях [писал, то есть пытался писать – и чувствовал: *лажа, лажа, лажа...*]

²² После того, как та самая “МКК” в 1982 году сорвала спелеонавтическую работу в МОГИФКе.

— Такая у меня карма. Или, если угодно, диагноз.

: Можно попробовать сказать какие-то общие слова (что, наверное, применимы в равной мере к любому моему доброму знакомому, другу); можно рискнуть описать какие-то эпизоды наших общений. А можно процитировать строки, что были посвящены Серёже в 1991 году:

Не прибавиться, не убавиться.
Не стрелять огонь – а стреляться.
Не мечтать, а клянчить и каяться,
Да в агонии убиваться –

Нам постели высланы терновником,
Наш ночлег смещался сучкой злою,
Нас совок прижал к себе покойником,
Выкормил волчицею-судьбою.

Мир деля межой до бесконечности,
Загораясь, падая и тая
Солнышко твоё шестиконечное –
Вечная мишень соглядатаев!
Нам светило исподлобья, хмурилось
То тоскою нашей, то – любовью...

... Спотыкаясь, поднимаясь – ринулись
В реку слёз, что вызывали болью.

* * *

— Серёжа очень добрый, очень мягкий и толерантный человек. Очень совестливый. В «Катакомбном Мэйнстриме» я уже писал о том –

: повторение избитых слов отдаёт банальной патетикой. Немощью сказать Главное. Единственно-точное, значащие.

– Но что считать значащим в нашей судьбе?..

Наше знакомство в 1988 году на Старицкой автостанции, когда сапиенсовская ‘одногогоршковая старуха’ ясно дала знать мне и Сапиенсу: в Москву она поедет только на наших плечах, – хотите, помирайте здесь со мной, хотите – ищите иные варианты Мировых Линий...

: На автостанции мы с Сапом увидели компанию молодых ребят; по виду явных спеликов. Весьма шумно ведущих себя разгильдяев. Уловив взгляд одного из них, понял: это и есть та иная линия нашей судьбы.

: *Так в толпе видишь лицо случайного прохожего – и нечто выделяет его, давая весть: с этим человеком у тебя что-то будет. Что-то свяжет вас...*

Мы с Сапом обратились за помощью. И получили её. Спасибо Серёже Колобку. Спасибо Зорру и Дёме, Лёше Струменту и Филину. Спасибо Хохмачу и

Севке. Спасибо Анжеле и Кролику, Наташе-Чудо, Томке, Нурсу и Лисе. Спасибо Серёже Сталкеру, собравшему эту команду. И пристрастившего её к Старице. Около двух километров они посменно толкали нашего ‘мотоишака’, заставляя его завестись, –

“Яве” это не помогло – но мы обрели Друзей. С которыми потом исследовали новые старицкие пещеры и осваивали Съяны. И до сих пор – вместе.

Спасибо Серёже Колобку.

* * *

... В августе 1991 года мы возвращались в Россию из Польши, приняв всей нашей командой участие в паломничестве в честь приезда Папы Римского в Ченстохову.

Это паломничество — тема отдельного рассказа. Могу лишь сказать, что каждому из нас эта поездка дала столько же, сколько вся предидущая жизнь.

Но с отъездом из Польши не заладилось с самого начала. Теперь можно гадать: не было-ли это очередным божественным знаком, – вмешательством высшей силы в нашу судьбу, сулящим переход на иную Мировую Линию?..

Но история не помнит сослагательных наклонений.

Группы, что не успели уехать из Польши в тот день, получили немецкое гражданство. Мы вернулись в нашу страну.

Вернулись, устроив на вокзале в Ченстохове самый настоящий “захват заложника” – начальника вокзала — чего от мирных паломников (пусть и спелестологов!) поляки явно не ожидали. И влекомые христианским смирением, выделили нам внеплановую электричку до самой границы. «Далее – как хотите».

: Мы очень хотели вернуться в Россию, потому что на 19 августа ‘забили’ “звёздную стрелку” в Старице. Не родина – родные пещеры звали. Опоздать на “звёздный выезд” казалось в высшей степени не приличным.

В Бресте творилось нечто невообразимое, более всего напоминавшее съёмки фильма о железнодорожных мытарствах времён гражданской войны. Сесть на поезд в сторону Москвы казалось невозможным в течение ближайшего месяца. Ну, двух.

А у нас – одна больная с температурой под сорок и одна больная с острым воспалением придатков. Продуктов и денег нет.

Но “Колобок может всё”. Как, не понимаю до сих пор – он добыл нам билеты на ближайший отходящий поезд. Правда, в разные вагоны. И на боковые места.

Произведя уже в поезде сложную билетную махинацию, в результате которой мы оказались в соседних рекреациях одного плацкартного вагона. *Назовите мне ещё хоть одного человека в мире, кто способен сотворить подобное ЧУДО. Сниму шляпу.*

: Был вечер 18 августа. Всерьёз обсуждали, прежде чем лечь спать, как зав-

тра с утра, по прибытии в Москву (точнее – ближе к вечеру), не заходя домой, ну разве что – переодеться и прихватить подземную снарягу, едем все вместе в Старицу. К ожидающим нас там спелестологам из Твери, Москвы и Питера,—

— А проснулись в другой стране. *Дико было услышать, что в СССР случился военный переворот...*

: Что он нам сулит, безоговорочно понимали все. Компания в соседнем купе всерьёз обсуждала план захвата самолёта; с другой стороны некто вещал, что “все карельские тропы знает, как свои пять пальцев – и уже через три дня будет в Финляндии”,—

Остальные пассажиры, не столь уверенные в своих беглецовых возможностях, просто крыли ГКЧП и коммунистов матом. В тамбуре мудохали какого-то наивняка, попытавшегося заявить, что так, мол, пархатым демократам и надо.

– Конечно, по приезду в Москву вместо Ленинградского вокзала пошли к Белому Дому.

Где встретились все никитские поколения.

Кто организовал для нашей команды участие в ченстоховском паломничестве — что так сильно повлияло на всех нас, и на выбор нами своей дальнейшей судьбы?

: Колобок.

Кто снабжал нашу команду провиантом во время всего польского хаджа?

: Колобок.

Кто снабжал нас провиантом и всем необходимым во время “обороны Белого Дома”?

: ОН ЖЕ.

* * *

... Сьяны, оборудованный нами совместно с “Детьми Сталкера” грот Млечный путь. Точнее – системка из двух гротов-спален, разделённых для комфортности бытия тонкой бутовой стеной. После замечательно проведённого вечера укладываемся спать в своём модуле – я, Кирин, Гарри и Сап,— за бутовой стенкой в Туманности никак не могут успокоиться “Дети Сталкера”. Особенно Колобок. Нам хочется спать, но заснуть под его монотонное гундение не представляется возможным: такие бодрящие обертона...

Раздосадованные, хором орём с Юрой:

– Колобок! У нас беда!

: Совестливый Колобок пулей вылетает из спальника и бежит к нам.

– Что случилось?

На что получает ответ, исполненный арпеджио уже в четыре наших глотки:

– МЫ ТЕБЯ ХОТИМ, А ТЕБЯ НЕТ!!!

: Восторженный рёв и стоны из Туманности... Отомщённые, засыпаем.

* * *

... “Млечнопутёвое застолье”. В гроте полный комплект народа – “ДС” и наша никитская часть. То есть человек 20, не меньше. Пока закипает и заваривается чай, травим анекдоты. Особый хохот вызывает свежий анекдот от Колобка о полуслепом лётчике < «И когда я слышу в ларингофоне: – Слепая сука! Ты же всех нас сейчас погубишь!!! — плавно беру штурвал на себя...» >.

– Наконец “чай готов”, – все протягивают кружки к центру стола и Колобок, наклонив носик чайника, начинает налив. Случайная капля из чьей-то кружки попадает на единственную горящую на столе свечу – и гасит её. В гроте падает тьма; Колобок невозмутимо продолжает наливать чай. Очевидно, ориентируясь по звуку.

– Слепая сука! – не выдерживает Кирин, – ты же всех нас сейчас ошпаришь!!!

– *И тогда я плавно поднимаю носик чайника на себя,* – отвечает из тьмы Колобок.

* * *

Блины, приготовленные Колобком, были украшением любого отмечаемого нами под землёй праздника. Приготовление их в его исполнении было – ворожба и искусство. Когда народ поедал приготовленные им блинчики – и нахваливал! – Колобок пожинал самый настоящий триумф. Естественно, наши циники не могли пройти мимо этого момента. И сотворили следующую байку:

«Прослышал как-то Колобок, лучший съяновский кулинар по приготовлению блинчиков, что какие-то пришлые чайники тоже блины готовят – и, по слухам, неплохо. Поскольку пережить это было невозможно, прибежал в пятницу пораньше к ним в грот, и обгадил чайничью сковородку. Пришли чайники, приготовили блины – съели. За чайничьей своей неразборчивостью, должно быть. Не стерпел такой неразборчивости Колобок — в следующие выходные раньше всех пришёл в Систему, забрался в чайничий грот, засунул сковородку себе в задницу, там провернул разика два – для надёжности: чтоб поднастрать конкурентам, чего только не сделаешь, верно? А чайники пришли, приготовили блины, как обычно, схавали за милую душу... Опечалило это Колобка выше всякой степени. И повторил он на следующие выходные своё пакостное дело. Чайники пришли, но блинов готовить не стали — потому как надоело им это занятие. А Колобок без сковородки уже не мог...»

– Стоит-ли говорить, что фраза «А КОЛОБОК БЕЗ СКОВОРОДКИ УЖЕ НЕ МОГ...» *мгновенно стала культовой?*²³

²³ Собственно, с этого панковского прикола и родилась известная теория Съян-гавнизма, – обросла апокрифами (работы Кирина в подражание Тургеневу

: Заподозрив во мне основного автора сквородочного пасквиля (хотя это было не так – в данном случае генератором идеи был Юра Кирин), Колобок тут же доложил в ответ (особо упиваясь при этом мыслью, что сообщает сиё откровение филологу и литератору – данная мысль отчётливо читалась на его сияющем лбу), *что в слове “Командор” приставка “ко” – собирательная.*

Как, мол, в “кооперации”. А остальное – корень.

: В гроте повис живой, музыкальный смех. Я хохотал не меньше прочих. И тут Юра Кирин сообщил, что слово “Колобок” исключением в данном случае не является. < “Братья, что-ль? – Никак нет! Однофамильцы!” >

* * *

Затем Серёга занялся коммерческой деятельностью. Что, конечно, было естественно для изменившегося времени.

Когда встал вопрос о покупке в Старице участка земли для строительства коттеджей нашего туристическо-спелеонавтического центра, Колобок через знакомого нефтедобытчика добыл нужные деньги.

Он же помог написать Устав создаваемого Российского Общества Спелеонавтики. И нашёл первых спонсоров.

Наверное, это было естественно – его такая дружеская и необходимая помощь во всех наших начинаниях, во всех делах. Во всех ситуациях, в которые попадала наша никитско-сьяновско-старицкая команда.

– Что был каждый из нас пред хитросплетениями законов, чиновничьи рылами, бюрократическим крючкотворством и произволом — в конце концов, перед самой банальной очередью?..

: Много меньше, чем ноль. Если бы не помощь Сергея.

Его помощь и самое настоящее душевное участие в жизни каждого из нас многим казались столь естественным, что помощь эту принимали, как данное. Он был первым высотным менеджером нашей бригады – находил объекты для работы, составлял и проводил бухгалтерские сметы, договаривался с хозяйственниками и прочая, прочая, – и ведь при этом одновременно не только “висел” с нами на верёвках – добывал снаряжение для всей бригады (тогда “более, чем дефицитное”, даже верёвок не было в продаже, за ними приходилось ездить на

«Про охоту на гавно», «О правописании слов гАвно и гОвно, и их сокровенной разности» моих шаловливых ручек, «О переводе на Гавно снаряги и времени» – работы, кажется, Севы и полит-фальсификациями под классиков «Из мраксизма-сьянгавнизма»), – обросла толкованиями и течениями, и ересями («некоторые полагают, что гавновика можно слепить. Это является ересью, ибо истинная цель съянгавниста – высрать полновесного гавновика с непереваренной морковкой...»), – выплеснулась на Арбат в качестве основной философской идеи панк-движения начала девяностых...

фабрику в Коломну, и покупать “с чёрного хода”; ни карабинов, ни какого либо иного ‘железа’ в принципе не производилось нашей промышленностью),— когда Сергей ушёл из промальпинистского бизнеса, занявшись собственным проектом по производству пластиковых изделий, многие стали ворчать, что он, дескать, “нас кинул”. Как, в чём? Мне это было не понятно. Тем более, что в новой серёжиной фирме нашлись рабочие места для тех из нас, кто не захотел связать свою жизнь с верёвочными удачей и риском.

“Благотворительность расслабляет” – наверное, да. Когда Серёжа говорил кому-то, что тот тонет в болоте, что надо выплывать самому – на него обижались. Когда по какой-то причине не мог помочь – или просто долго не появлялся, не отвечал на телефонные звонки, занятый делами своей фирмы — полагали, что зазнался.

: Серёжа очень совестливый и отзывчивый человек. Не буду перечислять эпизоды, в которых он вытягивал меня из самой настоящей душевной комы. Эти эпизоды – в написанных мной поэтических строках, посвящённых ему.

В них – и в этих словах – моя ему Благодарность.

И наверное, вполне естественно, что когда время вновь изменило течение своё, Серёжа поступил в семинарию.

Он стал толстый и тяжёлый на подъём – “самый настоящий православный поп” – но недавно вновь посетил Никиты. Вместе с молодыми воспитанниками Православно-Просветительского Молодёжного Центра. В этом походе под землю были православные, католики, иудеи, буддисты и язычники.

Это был подлинно экуменистический выход, наполненный разговорами о религии и философии, об истории нашей родной Подземли и том, что соединяет каждого из нас с Небом.

В результате этого выхода серёжины воспитанники открыли новый для них Мир Подземли и чудо исихаии.

К Никитскому Кругу присоединилась ещё одна команда – замечательная и так же не похожая на нас, как каждый из нас не похож на другого.

Кому-то из никитян стала ближе молитва.

Кто-то стал более толерантен к другим, не похожим на него, людям.

А что Колобок (при воспитанниках я его так, естественно, уже не называл) на полтора часа застрял в одном шкурнике, на час в другом – и всего на 20 минут “зубной боли в вывихнутых коленках” в третьем — *какой же это пустяк за столь светлое Событие!*

* * *

С Серёжей Калугиным меня познакомил Колобок,— и с тех пор Великий Мастер акустического гитарного рока (и Мелодии, и Слова) — постоянный участник наших встреч памяти В. Шагала. Традицией стали “домашние выступления” Серёжи у меня дома, на которых он впервые исполняет свои новые песни; именно “с подачи Колобка” < а не моей, как можно подумать > Серёжа Калугин в первый раз посетил нашу любимую Систему – и стал полноценным

участником Никитского Круга. Наравне с Вадимом Певзнером, Радой, Юлей Теуниковой, Гришей Данским, Колей Харитоновым и многими другими замечательными музыкантами и авторами песен.

* * *

И Серёжа, и я, живём максимально наполненной жизнью. Свободного времени у обоих не бывает “по определению”. Я – католик, склоняющийся к экуменизму. Серёжа – православный священник. Но кажется, нас ничто не разделяет. Как не препятствует нехватка времени Общению. И что с того, что оно случается не чаще раза-другого за год? Духовная общность не описывается количеством проведённого совместно времени. Или общей конфессией, национальностью, работой.

Тем более — количеством совместно опорожнённых стаканов.

– Неожиданно он звонит мне и говорит: я вот выкрутился на вечерок, заеду?

– Конечно!

: Совместный Ужин (Серёжа – непревзойдённый кулинар),– тёплые напитки (добрая водовка или вкусный коньячок, именно так, иных водок и коньяков мы не признаём),– и философский трёп “за жизнь”. Чередуемый внезапными приколами, религиозно-философскими анекдотами, спорами, мемуарами, стихами и тостами... Описывать эти философические посиделки нет смысла – как можно описать свободный лёт облаков, падение водопада, музыку, что трогает до глубины души?..

— и всё ж: какие-то наброски, что остаются на листках бумаги после визитов Серёжи с надеждой: где-то когда-то войдут в какой-то сюжет...

: когда-нибудь после. Потом.

* * *

*Когда Серёже предложили на первом курсе семинарии выпустить к Пасхе стенгазету, он её назвал “**На боевом посту**”.*

Миссионерская школа, в которой преподаёт Серёжа, находится неподалёку от московской семинарии. В одном из Богословских тупиков. Там их несколько – Первый, Второй, Третий; кажется, есть Богословский проезд и ещё какая-то улочка с аналогичным названием. Но как восхитительно звучит разговор на улице со случайным прохожим:

– Скажите, где находится миссионерская школа?

– В Богословском тупике!

* * *

Три любимых серёжиных анекдота:

– *Попадает Папа Римский в Рай. Ведёт его архангел по Раю и объясняет, что здесь и как:*

– *Вот здесь у нас протестанты, здесь адвентисты, здесь пятидесятники, здесь ваши, католики; здесь – слышите, псалмы на мотивы эстрадных песен распевают? – баптисты; вот рок-н-ролл наяривает с теми же псалмами – там современные афроамериканские отморозки обитают...*

И так далее.

– *А это что за стена?*

– *Тише. За ней — православные. Они думают, что они здесь одни!*

– *Встречаются на ‘Горке’²⁴ ксендз и раввин.*

– *Не кажется-ли вам, святой отец, что отказываясь от свинины, вы много теряете?*

– *А вам не кажется, святой отец, что женищина лучше свинины?..*

– *Наводнение в еврейском местечке; все спасаются бегством. На крыше дома молится раввин. Мимо проплывает лодка, заполненная беженцами.*

– *Ребе, прыгайте к нам! Места у нас, конечно, мало — но ради вас как-нибудь потеснимся!*

– *Плывите с Богом, дети мои – а я помолюсь о вашем спасении.*

– *Ну как знаете.*

: *Уплывают, вода поднимается. Затапливает первый этаж дома. Мимо плывёт лодка не столь загруженная.*

– *Ребе, прыгайте к нам! У нас достаточно места и для вас!*

– *Плывите с Богом, дети мои – а я помолюсь пока о вашем спасении.*

– *Ну как знаете.*

: *Уплывают, вода поднимается. Затапливает дом до самой крыши. Мимо плывёт лодка, в которой всего два пассажира.*

– *Ребе, прыгайте к нам!*

– *Плывите с Богом, дети мои – а я помолюсь о вашем спасении.*

– *Но все уже спаслись! Мы последние!*

– *Плывите, дети мои — Бог позаботится обо мне...*

– *Ну как знаете.*

: *Уплывают, вода заливает крышу – и через некоторое время раввин предстаёт перед Господом.*

– *Я всё понимаю, Боже — но зачем ты так рано призвал меня к себе? Как же там, на новом месте обустроятся мои прихожане, кто помолится о них,*

²⁴ ‘Горка’ – бывшая улица Архипова, известная своей антиавтомобильной крутизной, а также тем, что в нижней её части находится Московская синагога; недалеко от верхней – костёл Святого Людовика.

кто будет нести им Слово Твоё?..

– ИДИОТ! Я ЖЕ ПОСЫЛАЛ ТЕБЕ ТРИ ЛОДКИ!!!

: Как представляется мне, эти три хохмы²⁵ лучше всего передают серёжино (и моё) мировоззрение. Как и то, что не разделяет – но объединяет любого верующего на нашей планете.

Ибо, конечно, вера не просто “помогает нам жить”. Она — поводырь всей нашей жизни. Но истинную глубину её и суть способны защитить – спасти – от шор догматизма только ирония, только юмор. Кто этого не понимает, кончает крестовыми походами, инквизицией, сожжением храмов, книжными и человеческими кострами, отрубанием перстов, джихадами и взрывами домов и автобусов.

* * *

И всё-таки главная тема наших ночных бесед – Доброта, Милосердие и Сострадание. [Вдумайтесь в звучание этого Слова: Со-Страдание...] Экзюпери писал: никогда не подавайте нищим. Я много подавал им – и что? Они по-прежнему сидят у стен домов в своих лохмотьях. Сколько бомжу ни подай – он не будет стремиться подняться. Потому что бомжевание — стиль его жизни, и иного он не хочет. Хрестоматийны примеры, когда калеки со всех концов России собираются и привозятся в столицу; далее мафиозная братва лепит им “афганские удостоверения”, наряжает в военную форму – и отправляет на паперть. Деньги идут братве. Туда же идут средства, собранные якобы погорельцами, “сиротами на час” и как бы потерявшими документы “лицами без определённой национальности”, – нуждающимися в срочной операции, – etc.

: Когда не было высотной работы и были остро нужны деньги, я торговал газетами в метро. Рядом со мной старушка на костылях продавала “Московский комсомолец”. А дородный полутрезвый дядя сидел напротив нас в том же подземном переходе и старательно расчёсывал болячки.

Если не подать иному нищему – он и проклятий тебе наговорит, и может в спину метнуть ком грязи.

Колобок, конечно, подаёт нищим у церкви. Подаёт не конкретно им – Богу. Оба понимаем, что это “синдром наивного игрового жертвоприношения”, – по сути: недопустимый в монотеизме пережиток язычества — но куда денешься?.. И мы не можем не подавать уличным музыкантам. Тут ведь ситуация иная в принципе – много наших друзей прекрасно владеют гитарами, скрипками, клавишными; пишут свои стихи и песни — и мы знаем, каково в нашей стране быть музыкантом. Особенно “не эстрадной половой ориентации” –

А подлинным.

: Сожалеем, что мало чем можем помочь всем нашим поющим и пишущим друзьям. Я могу время от времени устраивать дома их концерты, делаю в своей

²⁵ Между прочим, “хохма” по древнееврейски значит “мудрость”.

домашней студии их записи. Это – немного. Капля в море. Кого-то могу взять иной раз к себе на высотные работы (так я помогал Диме Ушакову, Юле Теунниковой). Кого-то Серёжа может устроить в свою фирму (но ведь не на халяву: в фирме надо работать, иначе она просто накроется своей благотворительностью); кого-то устраивают на работу наши друзья, хоть как-то преуспевшие в бизнесе.

Так в мутное перестроечное время Колобок вывел многих никитян, в том числе меня, на высотные работы. А Вовка Крэйзи дал работу продавцов Ване Крэйзи и Асисяю.

— и что получилось? Когда Колоб, убедившись в нашем “самостоятельном высотном плавании”, переключился на торговлю пластиковыми изделиями – кое-кто из облагодетельствованных им перед тем высотников начал ныть, что Колобок их, якобы, “кинул”. Писал уж о том. А Асисяй, забросив гитару по причинам, к торговой деятельности отношения не имеющим (он же сам мне однажды сказал: «либо всё – либо ничего»), и поскольку “всего” достичь в нашей стране оказалось не просто — расфигачил гитару о стену), спустя несколько лет вдруг на весь Никитский Круг объявил: он-де не стал выдающимся музыкантом из-за Вовки. Мол, тот его сбил с пути музыкального, истинного. Соблазнил торговыми барышами... И зарубил музыкальную карьеру.

: на Вовку было страшно смотреть – когда он услышал это. Он ведь искренне хотел помочь. Асисяй сидел без работы, без денег. Вовка мог взять любого иного продавца – и на меньшую зарплату. Чужого человека можно выгнать с работы за любой проступок. Друга — как “выгонишь”?..

– а уж каким продавцом может быть творческий человек, я хорошо представляю. Хотя бы — по себе.

: *Никакая необходимость зарабатывать деньги высотным трудом или продажей газет, работой охранником не помешала мне писать и изучать Мир Подземли. Коль понимал: это – дело жизни. И что с того, что совковым и постсовковым издательствам мои писания были, как собаке пятая нога? Писал и ходил под землю. И снова писал. Одновременно зарабатывая на жизнь совсем иным трудом.*

А Асисяю, оказывается, “помешала”.

Что-то не так получается с нашей благотворительностью...

: Мы всем Никитским Кругом помогали Серёньке-Маленькому подняться на ноги после отсидки в зоне. Рашпиль предоставил жильё. Другие – работу.

Серёнька запил. Разбил машину Рашпиля – и “скрылся в бега”. Когда Юлик уехал в Америку, появился в нашем кругу вновь.

С практически чистой совестью.

Его вновь устроили на работу. Помогли закодироваться.

Чуть поднявшись, он раскодировался вновь.

И все усилия друзей снова пошли насмарку.

— Как ещё ему можно помочь? Какие силы нужны на этот подвиг?..

: *Да нужно-ли – помогать?*

... Когда в 1986 году взорвался реактор на Чернобыльской АЭС, по всей стране объявили “субботник по месту работы” с отчислением дневного заработка в фонд помощи пострадавшим. Я один на своей работе протестовал – и отказался участвовать в данной акции. Уж коль государство всё это устроило — какого хаффа оно перекладывает дальнейшую ответственность на нас?..

: Какими словами меня тогда только ни называли! Но где эта помощь пострадавшим сейчас, куда делась?

— Государство схавало её, как и многое прочее. Как хавет сейчас наши пенсионно-инвалидные и спасательские льготы, и льготы награждённым участникам боевых действий, что суть не денежный эквивалент каких-то подачек – *эквивалент морального долга чиновников перед гражданами страны*. Который, разменный на рубли, не многого стоит. И ведь все понимают: перевод льгот в рубли – те самые новые поборы с населения, описанные ещё Соловьёвым в замечательной повести о Ходже Насреддине.

: *мы долго рассуждаем с Серёжей в таком тоне.*

Но что бы ни мы ни говорили, и как бы ни отучали нас халявщики и государевы слуги от *блага творительности* — понимаем: ***если что и может спасти наш бедный, раздираемый социальными мороками мир — это милосердие.***

: Ибо, конечно, Творчество отличает нас от животных. А от неблагодарных корыстных скотов отличает именно Милосердие. Милость, любовь к ближнему. Которые в человеке не из-за боязни страшного суда или потери возможного загробного рая — из внутренней настройки на доброту, и только из неё происходят. И мотивируют внутреннюю обязанность *творить благо*.

Милосердие и Благотворительность развивают наш мир, перенося его на иную Мировую Линию – выше, светлее! – с не меньшей силой, чем Искусство и Творчество. Что вне понятия *милостыни* просто не могут существовать.

: Благотворительность создала российскую науку и искусство. Читайте замечательную книгу С. Э. Шноля «Герои и злодеи российской науки» – в первых её главах прекрасно описано, где был бы наш мир без благотворительности купцов и меценатов.

Да и вся человеческая цивилизация, если уж на то пошло. Ибо прежде чем ученик разовьётся в Мастера — сколько будет потрачено средств возможным спонсором иль меценатом? Причём не исключено, что впустую.

: Исследование может не дать результата. По крайней мере, в прагматично рассчитанном будущем. И если мы хотим заниматься какими-то подземными изысканиями, проведение которых не мыслимо без спонсорской, милосердной благотворительности — как можем позволить себе не оказывать подобную помощь, пусть и в малых размерах?

Причём не важно: ближнему – или дальнему своему.

: Так врач оказывает помощь любому больному, не заморачиваясь, кто перед ним: террорист или его жертва. Родной, близкий человек – или случайный прохожий на улице. Пожарник идёт в огонь,

не рассуждая: а стоит-ли спасаемый риска?..

Но ведь моя спасательская деятельность – то же самое милосердие. Та самая *благо творительность*, —

: помощь ближнему, дальнему — нет разницы. Любому, кто нуждается в ней под землёй. Кто попал в беду. Вне зависимости от обстоятельств места и времени. И образа действий. И потому, видимо — что бы ни писал, что бы ни говорил – буду выезжать (бурча себе под нос естественные для пяти часов утра непарламентские фразы) на вызовы.

— И искать. И находить.

А Серёжа преподавать Слово Божье.

В том числе и мне, в этих наших ночных беседах.

* * *

Шериф [Александр Жаров]:

Первая пещера была – Силикаты. Кажется, классе в восьмом. Или в девятом. В начале восьмидесятых. Тогда же – занятия в ТЮМе, знакомство с Серёжей Лещиной, Лёнкой Арбатским, Димой Сергиенко, Сашей Руснаком. “Ярославская театральная эпопея” — о которой поведано в документальных повестях «Калейдоскоп», «Круги по воде» и «Студит ветер по ногам». Затем – поездки в Горный Крым, кавказские “вертикалки” и в Старицу. Каунасская экспедиция под руководством Костюкова. Подводная спелестология. Знакомство – через совместные Старицкие экспедиции, Серёжу Лещину и объединившую работу в Каунасских фортах – с Никитским Кругом. И “визиты дружбы” в Никиты.

Уникальный случай: Саша – единственный прямой потомок древнего хазарского рода, имеющий право на владение обширными землями в Крыму с расположенными на них “родовыми” пещерными городами — отказался от этого “владения”.

: “*В большой еврейской семье – тоже не без уroda.*”

В январе 1992 года Саша уехал на ПМЖ в Америку. Работал там... Господи! Кем только ни работал – инструктором выживания на армейской базе, ночным охранником бензоколонки в латинском квартале Бостона, программистом,—

... Серёжа Лещина умер в канун организованной нами Старицкой Международной Спелестологической конференции. Чтобы принять участие в конференции, Саша разбил свежезастрахованную машину. Летел в Россию на международный спелестологический сейшен — прилетел на похороны Друга. В Штатах Саша плотно общался с Вадимом Певзнером и Золотым – нашими первыми “никитскими эмигрантами”; в 1999 году к ним присоединился Юлик Рашковский. Что до постоянной работы – той, к которой бы прикипела душа, Саша в Америке найти не смог. Потому что душою оставался здесь, с нами. В нашем Подземном Мире.

Можно смело сказать, что мы стали старше.

: Вероятно, без этих времён — проклятых! —

Не светило бы стать, чем мы есть. А так же —

: Все мы ВЫРОСЛИ из песен бардов и Грина.

И на первый снег восторженно глядя,

Ощутим себя будто под пластилином —

Но — ЛЮДЬМИ.

Которые Бога ради...

... Впрочем, не мне судить — и какого чёрта?

: *Отпустите туда, где когда-то жили!*

— Пусть считался созданием второго сорта,

и какие бы вороны ни кружили

над домами нашими и краями,

где нам — слава Богу — побывать случилось,—

мы и в самом деле были друзьями,

разделяя по-братски и спирт, и сырость

двух столиц — и не вспомнить, скольких окраин...

... обо всём, что выпало — не жалею.

Но теперь по одиночке растаем

серым снегом

под утюгом

апреля...

: От любви до картофельного салата,

От травы — до посаженного Поэта,

От кота, которого многогато

В небольшой квартире —

До пистолета,—

От вина и позы Хэменгуэйя

До ревизии параллелей Маркса

Этот Путь на совесть

Тобой проверен.

И оплачен жизнью.

И всякой

Краской.

— и другие строки Серёжи, в которых было — увиденное заранее и так точно предсказано/переданное возвращение Саши в Россию — но не о пронзительно-точном пророчестве Поэта, обращённом к Другу, хочу я сказать здесь —

: Слово *брат*, звучащее в них, передаёт ВСЁ.

— И каждое письмо Саши *оттуда* было — боль разлуки, горечь потери, тяжесть неприятия иного мира, иного образа мышления и существования,— даже спелеология по-американски не вызвала у него ничего, кроме ироничной усмешки...

Мы с Сашей сошлись близко всего за год до его отъезда — свело доброе от-

ношение к спелеонавтике, к идее Подземных Пребываний и проблематике САЯ,— поиск ответа на самый сакраментальный из вопросов: *что держит нас под землёй, почему мы не можем оторваться от этого мира?* Когда было создано “Радио АЛА”, я взял Сашу на работу туда. И до самого своего отъезда он работал музыкальным редактором. Казалось, эта работа ему по душе — и коль так славно совмещается со всей нашей жизнью и наметившимся спелеопартнёрством — к чему уезжать? Но пришло время оформления последних документов; в стране творилось чёрт знает что — голод-не-голод, черносотенный шабаш-не-шабаш, демократия-не-демократия — Саша уехал.

... Такие весёлые и грустные его проводы. На которых славно поют Юлик и Серёжа Лещина,— и вновь собираются все наши друзья — но не на встречу ведь — на прощание, чёрт побери! — *в последний раз: так, вместе,*— и многих уж нет: кто на Западе, кто на Юге,— а кто выше:

“ИНЫХ УЖ НЕТ – А ТЕХ ДОЛЕЧАТ”,—

: говорит Лещина. Чуть позже.

— Дима Сергиенко ворожил на кухне своё кулинарное Чудо,— звучали тосты, чередуемые мемуарами и гитарными строфами,— и всё было так тепло, и так *славно* — что верилось и не верилось в то, что Сашка *уезжает от нас навсегда*.

Навсегда, как уже написал — не получилось.

Лещина оказался прав.

Летом 2003 года Саша в очередной раз прилетел в Россию и сказал, что “обратной дороги нет”.

Они приехали вместе с Золотым — Мишка на неделю по туристической визе; Саша — чтобы *вернуться*.

Привезли множество приветов от наших общих “русских американцев” и “американских никитян” — в том числе от Рашпиля и Певзнера. Сказали, что Пев тоже собирается окончательно вернуться в Россию, что первый по возвращению концерт намерен дать у меня дома — как бы связуя всё, что было здесь у него до отъезда с тем, что предстоит,—

— и Золотой, кивками головы подтверждая сказанное Сашкой, добавил:

— Ну и я, Сом, тоже. Вот осмотрюсь сейчас здесь — принимайте через полгода в родных Никитах.

: эти слова радовали и тревожили одновременно. Ибо вызвали у меня не кайфное предчувствие встречи — страх: как они снова устроятся здесь, на что собираются жить? Они вообще представляют, что ныне происходит в России?

: Страна явно поворачивала назад [можно написать и отдельно, ибо не к коммунистическому прошлому шла — в какую-то, пусть иную по форме, но близкую по существу тоталитарную жопу] — закручивались гайки “свобод”, добытых нами у стен Белого Дома в августе 1991 — разгромили независимое НТВ, затем “Шестой канал” Киселёва, снимали редакторов газет и судили, как “шпиёнов”, учёных и журналистов,—

: над подмосковными каменоломнями

снова заваял дух закрытий и оппозиции к власти, а в официальных спелеоклубах возобновилась пропаганда “убогости” спелестологии, и товарищ Дублянский на страницах единственного спелеологического журнала “Свет” костерил Татьяну Немченко, позволившую себе “нескромные выражения” в адрес ушедшей тоталитарной эпохи – когда бравые спелеологи “из центра”, ведомые установками единственно возможной партии решали и определяли, кому можно ходить под землю, а кому – “ни-ни”...

И по-прежнему маршировала серо-коричневая нежить по улицам, называясь то национал-патриотами, то национал-большевиками, –

Тяжело было объяснить всё это тем, кто твёрдо решил *вернуться*.

Кто жизни не представлял себе там — без наших пещер, без нашего спелео-музыкального андеграундного бытия, –

— мы говорили весь вечер и всю ночь. Я не убедил ни Золотого, ни Сашку. Ибо они твёрдо сказали: «обратной дороги нет».

«Раз ты, Ком, живёшь, и живут остальные никитяне, – никто уезжать не собирается! — почему не сможем мы?..»

: Мол, раз когда-то решили *идти вместе* — пойдём до конца. А их западное бытие – не более, чем рабочая поездка. Этакая “нетворческая командировка”. Пришёл срок – завершилась.

Затем разговор перешёл на мои произведения. Я остро не люблю, когда меня хвалят – и Сашка это, конечно, прекрасно знал. А потому сразу начал излагать то, что ему не понравилось “в главном, ради чего я вообще имею право мучить клавишу компа” —

: «Катакомбном Мэйнстриме».

: Я подвергся форменному разносу за то, что описал историю Никит – и не сделал того же в отношении любимых им Силикат. А также Володар, Бяк, Киселей, – Кольцовских дыр – «ведь там тоже сложился свой спелеоэтнос, и какой! – а ты зациклился, как кулик, на своём болоте...»

Я попробовал вернуть Сашку (и Золотого, вторящего ему) “к реальному масштабу событий” – то есть страниц.

– Если написать о каждом из подмосковных спелеумах столько, сколько я написал о Никитах и ходящих в них — какой объём получится?.. Если сокращать написанное – будь добр, сам сократи, что лишнее. Все длинноты, повторы и всё незначущее.

– НЕ ЗНАЧАЩЕГО там нет ни строки. Сокращать нельзя ни слова. Ты вообще даже о Никитском Круге столько всего не написал! Почему не сказал о Светке Русовой и её квартире “на Щелчке”?.. Пусть она, и наша компания, изначально в Никитский Круг не входили. Вошли потом, после “урэдской статьи” – не полновесно, а как союзники, – но ведь об этом-то и надо было написать! Тем более, после совместного Каунаса и “Сокольников”. Для тебя первой пещерой были Силикаты; для Светки – Никиты. И ты это, конечно, прекрасно знаешь. Но потом для тебя “пещерой судьбы” Никиты стали – а для неё наша дыра. Какая спелеорокировка! Ты же упустил эту тему начисто. И у неё дома на Щёлковской не менее важный центр был для всех нас, чем твои

новослободские хоромы! Что Лещина, что Гарри, что другие и к тебе ходили, и к ней – и везде была своя радость, свой прикол. Потому что происходило ‘на Щелчке’ не меньше всего, чем у тебя. Пусть и иного. О нашей с Лещиной компании почему ни слова не сказал?..

– Как это “ни слова”? – возмутился я. Мне-то казалось, что я о Сергее и так – чуть-ли ни через каждую страницу...

– А потому, что сколько о нём ни напиши – всё мало! О том, что он в Силикаты не меньше, чем в Ватутинки и в Никиты ходил, и чуть-ли ни весь ТЮМ Шендеровический с ним во главе в Силикаты вытащил, с какого такого ляду не написал?.. Когда у вас в Никитах началась “чёрная война”, половина никитян к нам в Силикаты перебазировалась – от войн и разборок ваших подальше. Если хочешь знать, во второй половине восьмидесятых именно в Силикатах стал центр всей подмосковной спелестологии – а не в Никитах. Вы навоевались – и разбежались из-под земли в разные стороны. А мы и в вертикалки ездили, и в Старицу постоянно — откуда, например Дети Сталкера взялись? Из Силикат того времени. Новое население Сьянов Кэмы откуда черпали? Опять же, из Силикат. Да Киселей.

– Ага. И из Никитского Круга – ровно в той же мере. Так что не обольщайся. И не надо петь, что у вас волоков не было, и войн...

– Волок волоку рознь. Когда быдланов ловили — мудохали на месте. А что до волоков – кто “холодец” изобрёл? Никитские. Да страшнее ваших волоков вообще ничего под землёй не было! Мы вас за эти выходки и не любили. Да за то, что вы постоянно всяких ублюдков-отморозков из Никит выгоняли — и куда сплавляли? К нам, в Силикаты.

– Туда их никто специально не сплавлял. И ты прекрасно знаешь, кто провоцировал наши Системы на войну. Об этом я, между прочим, написал. Как и о всех наших совместных экспедициях...

– О Каунасе — до смешного мало.

– Меня там и близко не было. Ты был. Так что ж сам не сподобился написать? Напиши — включу отдельной главой. С удовольствием.

– А почему история “совместных Сокольников” у тебя чуть-ли не в один ‘абзац всему’ уместилась, и о Марине, директоре клуба, ничего не сказал? Ведь она значила для “Сокольников” не меньше, чем любимый тобой Гном. Почему о Добытчике словом ни обронился – а ведь сколько лет знакомы, сколько экспедиций совместных было? Что ты вообще о всяком гавне пишешь целые главы²⁶, а о хороших людях, что тебя окружают – между прочим, лет 20 уже! — ни слова??? О том же Певзнере – почему ни строки?..

— Факт: замечательных людей вокруг

²⁶ Выполняя просьбу Саши, изъяс из этого текстового варианта главу о Самом Великом Друге Всех Спасателей, Карстоведов и Минералогов. И написал главу о Вадиме Певзнере — не написать которую было действительно невозможно. Но вот главы о том, *как сложилась наша подмосковная спелестология*, удалять не желаю. Потому что, конечно, “кто прошлое помянет – тому коногон вон”. Но кто **забудет** — тому два.

меня не просто много. И я в полной мере счастлив своими друзьями. Без которых, понятно, не только не было бы меня — но и этих строк.

: Одна беда — день рожденья превращается в какое-то многодневное стихийное бедствие...

Если написать о каждом хотя бы по строчке — в жизни, наверное, не добраться до конца книги. Так что простите меня, мои друзья.

Особенно ты, Добыч.

Тем более, что испытываю вполне понятную оторопь: ну как можно писать о человеке, с которым продолжаешь общаться — и к которому “заведомо необъективен”?

: Пусть и в самом положительном смысле. < По этой причине я, например, пока не могу написать о Саше Никольском и Коле Минотавре — больше того, что уже было сказано. Ибо с Сашей и Колей меня связывает не только дружба — лишь укрепившаяся после каких-то пережитых конфликтов и споров — но и вполне деловые отношения. А потому любое написанное о них *доброе слово* кому-то может показаться плохо замаскированной лестью; поведенный излишне прикольный иль спорный эпизод — ... >

— И в тоже время хотя бы о части своих настоящих друзей я не могу не сказать. Понимаю, что получатся ужасные, скованные боязнью абберрации (и одновременно щадящего инстинкта любви) фразы — но эти люди окружали Серёжу Лещину. И были самыми близкими его друзьями.

И, конечно, моими.

— Что ж: приплюсую ещё несколько страниц, посвящённых очень хорошим — таким единым в своей непохожести друг на друга! — людям. Дружбой с которыми счастлив, как правильно заметил Саша, “уже лет 20”.

А то и двадцать пять.

Наверно, за такой срок понимаешь: *нас даровала друг другу Судьба — и это навечно.*

* * *

Прохвессор [Калугин Паша]:

: сейчас — замечательный веб-дизайнер и программист. В мутные годы перестроечной безработицы Друг и напарник Серёжи Лещины по эпизодическому столярному приработку, — человек, которому Сергей обязан двумя своими последними годами жизни.

: Если б не его помощь, всё могло кончиться гораздо раньше. И трагичней.

: Они вместе ходили в любимые Серёжей Ватутинки, — так близко от его дома: всего полчаса на автобусе — и под землёй, в удивительно ласковой и такой домашней небольшой подземной Системе...

Вместе ходили в Силикаты, вместе ездили в красивейшие пещеры Старицкого района и на слёты СП.

Именно Серёжа привёл Пашу под землю — поначалу в Ватутинки, 350 мет-

ров которых изучаются “во всех подробностях” не более, чем за час,— и какое-то время Паша ходил только туда (Силикаты последовали в пашиной жизни чуть позже), с завистью слушая рассказы о “Великолепных Никитах”... С наивной простотой полагая, что другие каменоломни от Ватутинок не сильно отличаются. А потому, позвонив однажды Лещине и услышав, что “Серёжа с Командором поехал в Никиты”, решил *устроить сюрприз* — и устремился туда за нами. Неплохо изучив дорогу до входа по нашим рассказам и песням. А чтоб не было скучно — захватил с собой пару чайников. Даже не чайников — *полных чичак*.

Войдя в Систему, как положено, записался в Журнале — и двинулся дальше. На первой же развилке *свернув налево в узкий полузаметный шкуродёр* — чтоб “обойти Систему по правилу левой руки” и, таким образом, найти наш грот. Длина Никитской Системы Пашу не смутила. Но не это главное —

: *Слева от входа* в Никитах находится не просто страшная и опасная — *лютая система Коммундизма*, “нормальные люди в которую не ходили”. По крайней мере, в те годы. Даже никитские ветераны (те — особенно: чем больше у человека мозгов, тем меньше желания покорять этот мокрый, необычайно запутанный и в буквальном смысле этого слова ОПАСНЫЙ ДЛЯ ЖИЗНИ лабиринт). Считалось, что додика, забурившегося в него, просто нет смысла искать — во время поисков спасательских жизней можно потерять гораздо больше.

И вот “Паша-со-товарищи”...

— М-да.

— Конечно, “хорошие люди под землёй не теряются” — а потому Паша всё-таки выбрался ко входу (через некоторое время суток),— выбрался с невероятно возросшим Чувством Собственного Достоинства и пропорционально возросшим Уважением к Никитам,—

В этой истории интересен Пашин рассказ о моменте, когда они поняли, что окончательно заблудились:

— Ну, значит, понял я, что *быть спасам*. В Журнале мы записались, да и вещи — пару шмотников с двумя бутылками водки и подходящей закусью — там же оставили: неподалёку. А значит, вы с Лещиной их мгновенно обнаружите — и без сомнения, вызовете из Москвы спасательские силы. В ожидании которых употребите найденное по назначению — и начнёте нас спасать. < ... > *Закончится всё это, без сомнения, грандиозной пьянкой — на которую мы надеялись не опоздать...*

: Вот какие мысли, оказывается, могут придать человеку под землёй способность к ориентированию в столь подлом и запутанном лабиринте!

— Или такой эпизод: переложение некоего пашиного трала/рассказа,—

: НОЧЬ ПЕРЕД ЭКЗАМЕНОМ ПО ФИЗИКЕ. Паша сидит один в комнате в общежитии МИИТа; на столе перед ним незамысловатый натюрморт:

1) Корочка чёрного хлеба;

2) Учебник физики Ландсберга (одолженный на пару дней у меня месяц назад);

3) Початый флакон одеколona “из серии Клуб” / ‘одеколон из серии Клоп’ /.

Паша некоторое время (а время – пятый час утра, так называемый “час маразма”, когда голова идёт кругом и подсознание выкидывает самые непредвиденные фокусы) напряжённо-тупо глядит в раскрытый учебник. Затем поднимает голову, обводит взглядом остальные настольные предметы – и произносит:

– Значит, *так*. Если я прочитываю этот абзац ещё раз – и ничего не понимаю... То *выпиваю его*. А если **понимаю** — **ВЫПИВАЮ ОБЯЗАТЕЛЬНО!!!**

Но вот какую историю мне однажды поведал Серёжа Лещина:

Они с Пашей в спешном порядке сдавали “горящий объект” – витрину и оформление торгового зала книжной фирмы «Яуза», – успели ‘вплитык’, “тютелька-в-тютельку”, несмотря на невероятно сжатые сроки работы — в общем, заказчик прослезился, расщедрился — и “обильно поставил на стол”. А также “к столу”.

О неизбежном ‘употреблении’ во время – и по окончании – таких приработков я писал в “Калейдоскопе”. Как о и о *зле* алкоголя. Но поди, *откажись*... Когда одно напряжение от работы, сделанной в авральные сроки, чего стоит. А также праздник завершения *того, что по большому счёту не просто Творчество — Созидание,* –

– И добрые отношения с работодателем: залог новых заказов, –

: В общем, они назюсюкалились. Уйти из объекта, естественно, НЕ СМОГЛИ. < Усталость и прочее... >

— Надо сказать, что книготорговая фирма, чтоб не платить “зазря” арендную плату за помещение, до начала торговли “по специальности” сдавала зал на ночь местным коммерческим точкам. Под товар во избежании уличного грабежа.

: Чем торгуют эти палатки, хорошо известно.

И вот Сергей — с мучительнейшего похмелья — просыпается в окружении...

— *Даже: В СПЛОШНОМ ОКРУЖЕНИИ...*

– Сперва я подумал, что всё: допился и попал на тот свет. Конкретно – в лучшую его половину. Потому что В ЖИЗНИ НЕ ВИДЕЛ ВОКРУГ СЕБЯ СТОЛЬКО ВСЕГО БЕСПЛАТНО НА РАССТОЯНИИ ВЫТЯНУТОЙ РУКИ ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ ЛЁЖА... А главное — не какое-нибудь фуфло! Самое бездарное, что там было – американский “Смирнофф”. Ящики с пивом окно заслоняли. И не с жигулёвско-рязанской ржавчиной, поскольку его народ-таки за день в любой точке высасывает... Бренди и виски заслоняли стены, что мы вчера с Пашей обшили. Вместо пола были консервы и разные копчёности. Пахло — ну просто ух... А коробки с “Наполеоном”, – причём не какого-нибудь “поленов-

ского воспроизводства”, а самого настоящего “мэйд ин франсе” заслоняли от меня Прохвессора: это я вскоре понял, потому что сами коробки *так* звучать не могли. Однако, голова – несколько “у-у”... А значит, не умер. Значит, просто спятил. «Так вот ты *какая: белая, горячая*», – думаю. ‘И дождался от белой горячки привета – штабеля, штабеля, штабеля глентвиета...’

: Начал к Паше из этого избытка на звук выкапываться – и понимаю, что ВСЁ-ТАКИ НЕ СПЯТИЛ.

— И ПОЧУВСТВОВАЛ Я СЕБЯ *МЫШЬЮ, ПОПАВШЕЙ В СЫР*.

То есть, в сыр...

: Самое странное, что при всём окружающем бесплатно избытку опохмелялись они с Прохвессором скляночкой “посадского”, заначенной предусмотрительным Пашей.

“Совесть — это нравственная категория, позволяющая отличать дурное от доброго”.

* * *

“Поправлять здоровье” Лещина и Прохвессор поехали к Саше Баркану.

По одной из своих ‘кровей’ Саша прибалт (другая кровь очевидна); глядя на его орлиный нос, тонкие с изломом черты лица и сухопарую фигуру, образ литовских баронов – и предшествующих им “псов-рыцарей” – ‘как живой, встаёт перед глазами’... И может, оттого Саша — удивительно тёплый и мягкий в общении человек.

: Чувствующий чужую Боль, как свою.

Здесь, наверное, можно было бы написать много очень хороших слов — и слов чуть иных, например о фантастической сашинной рассеянности и забывчивости, — “книга или кассета, попавшая к Баркану, считается до времени сгинувшей”; “Баркан, прилетающий поздно, пролетает мимо”, — но и о том, что Саша интереснейший собеседник, *настоящий* эстет, поклонник трубочного табака и элитного чая, химик по образованию, работающий в «Книжном мире»²⁷ и уникальный специалист по домашним винам, настойкам и ликёрам, —

: знаток грибных мест и целительных трав, раннего Средневековья, японского и кельтского фольклёров, холодного оружия — один из создателей “нескучного эльфятника”, с удовольствием работающий с детьми (не стоит думать, что *только над изучением Толкиена*), —

— и разные другие хорошие и правильные слова (помимо прочего, Саша – тонкий ценитель Поэзии, Прозы и Музыки), — но “очень правильные слова” всегда отдают *театраль-*

²⁷ “С подачи” Саши Баркана в современном Никитском Круге правилом хорошего тона стало следующее: муж должен работать промальпинистом или компьютерщиком; жена – в «Книжном мире» в отделе, возглавляемом Сашей.

ностью — и ничего не передают на самом деле.

А только портят. Поэтому о Саше лучше не так.

* * *

Саша Баркан:

Друг Лещины. Создатель “нескучного эльфятника” и детской спелестологической секции при одном из московских интернатов,— один из организаторов и квартирьеров Первой международной спелестологической конференции в Старице — замечательный спелестолог, равно любящий что Никиты, что Силикаты, что Ватутинки, что пещеры Старицкого района и прочие. Вскрывал знаменитую *полностью замытую* каменоломню Лубянка в Подольском районе.

Постоянно проводил (и продолжает проводить) у себя дома домашние концерты, не деля музыкальный мир на “рок” и “касэпэ”: с равным успехом дома у Саши можно услышать Бориса Полоскина, Володю Бережкова, Виталия Калашникова, Толика Багрицкого, “Башню Ровен” и «Зимовье Зверей». Последние выступления Серёжи были у него дома²⁸ —

— с этих записей я сделал его компакт-диск.

К сожалению – посмертный. Как и книга стихов.

Вместе с Серёжей Саша ходил “в леса” — на слёты самодеятельной песни (после которых, оставаясь, *чистил* поляну и места стоянок от мусора, что оставляют чайники и туристы-матрасники),— ходил в Силикаты, Никиты и Ватутинки,— помогал оборудовать гроты в пещерах, вскрывать новые входы – и прочее —

: об этом “прочем” нелегко говорить. Потому что хорошего *на двоих* у них было очень много. Иначе б Серёжа не пел в его доме.

... Когда Сергей попал в больницу, была сделана операция – и понадобилась кровь – Саша сдавал её. Мотался в больницу каждый день. Искал тех, кто мог бы дать свою.

— Моя не подходила. Сашина подошла.

Но, наверное, это уже не могло ничего изменить.

* * *

“Прорваться” в палату реанимации невозможно. Можно приехать и бродить кругами у корпуса. Можно вести беседы с охраной в тщетной надежде *как-то проскользнуть*, —

: Наверно, это было бы не самым умным поступком. И

²⁸ Фраза Лещины на одном из “домашников” у Баркана: «Ну что ты смотришь на меня, как Баркан на новые ворота?..»

всё ж...

/ Если бы *это* могло хоть как-то продлить серёжину жизнь!.. /

... Сложно жить без телефона. А в те дни было — просто омерзительно. *Серёжа уходил*, — и ничего я не мог возразить своей проклятой “писательской интуиции”... Эгоистическое желание увидеть его ещё хоть раз, хоть на миг — ведь *должно стать ему от этого легче!* — с проклятиями загонял внутрь. И терпел. Под редкие сообщения Саши *о том, как там*.

: Последние два дня прошли будто в вакууме. Всё видел и не видел в то же время. Всё ждал. Одного — или противоположного слова. Изнутри зная, что *противоположного не дождусь*. Потому что исход операции больше, чем наполовину, зависел от самого Серёжи... Но его растёрло, размучило по прожитой жизни страшной чередой катастроф и потерь — и *те голоса, что звали оттуда*, были ему слышней, чем наши, заглушаемые *прочими* — что *вполне оставались здесь*. И скандировали своё пободрее.

— Когда соседка в очередной раз позвала меня к телефону, я уже знал, что услышу. А потому, возвращаясь в свою квартиру после разговора с Димой Сергиенко, только и сказал *тем, кто ждал в моей комнате*:

— *Ну, всё.*

* * *

Последнее своё стихотворение Серёжа написал в больнице. Кажется, в последний день.

В сборник “Мяу!” — восклицание-пароль, придуманное Серёжей — его прощальные строки не попали: так случилось, что узнали мы об этом его *прощании с друзьями* много месяцев спустя. Когда макетирование книги было завершено, и вдруг откуда-то полезли разные заинтересованные рыла... Кто тщился “поучаствовать” в редактировании/издании книги; кто — откровенно скопировать “для личного пользования” серёжины черновики и рисунки, собранные нами —

— В результате чего листок с написанными его рукой последними строками *оказался утерян*.

: Так, кажется. По крайней мере, хочется верить в это “наименьшее зло”. Ладно —

: Нам достанет того, что в нашей памяти.

— И сердце.

* * *

Дима Сергиенко:

С Серёжей Лещиной – все годы до Самого Последнего Дня. Верный Ангел-Хранитель Серёжи и “Ниро Вульф Никитско-Силикато-Ватутинского Розлива”, – не берусь гадать, сколько было бы серёжинных дней без него – знаю: *их было бы много меньше.*

: Дима был неотлучным спутником Серёжи во всех походах и экспедициях (включая Каунас и исключая, пожалуй, лишь наши с Серёжей “творческие командировки на двоих” в Никиты) и постоянным партнёром в его поездках с учениками в Крым, в подмосковные и старицкие пещеры, на Белое море и в Питер, –

: Не найти слов, что могли бы обозначить на бумаге меру их взаимного доверия и дружбы.

Вместе с Серёжей Дима уходит в 1985 году из Никит в Силикаты — подалее от ядовитых выхлопов нашей “чёрно-коричневой войны”, – где, как и Серёжа, очень близко сходится с Сашкой-Шерифом и Пашей-Прохвессором. Конечно, визиты в Никиты не прекращаются совсем; объединяет не только День Памяти Виктора Шагала, традиционно по стечению судьбы совпадающий с днём рождения Серёжи — с никитянами Диму, Серёжу, Сашу и Пашу связывает общий клуб “Сокольники” и совместная работа в Каунасе, уютно-тёплые, столь любимые Серёжей, Ватутинки и наши поездки в Старицу: становится традицией на майские иды устремляться туда двумя большими группами, “никитским” и “силикатным” отрядом — ставить лагеря как бы отдельно (иной раз на расстоянии километров друг от друга), но ежедневно ходить друг к другу в гости. Обмениваться как новой, добытой у Подземли информацией, так и песнями. Звучащими у костра до холодного утреннего рассвета. Впережку с настолько отвязными байками и историями – что сюжет иной ‘накрученной фэнтези’ против них воспринимался на уровне детсадовской страшилки.

Ибо Дима, как я уже писал, замечательный рассказчик, и пытаться “тридцатью тремя символами” передать *на бумаге* его интонацию, мимику, жесты (даже в открытом синтаксисе, что так близок нашей разговорной речи) – занятие не вполне достойное. Но есть одна история, что, наверное, “передаёт”. Хотя и в известной степени...

– Праздник-пьянка в некоем оборудованном бассейне с вышкой “санатории семейного типа”²⁹ — ‘рыжки в высоту, ширину, глубину, долготу’ и прочее... Сигаем вниз один за другим, с разных уровней. Дно бассейна, между прочим, не ровное – а с таким наклоном... < Показывает руками. > У вышки глубоко, но в трёх метрах – лягушатник. “Вам по пояс будет” < поворот головы в нашу с Лещиной сторону >. Забираюсь на самый верх. Готовлюсь сигать. Подо мной какая-то девица – уровнем ниже, а то и двумя – то-ли прыгает, то-ли старается. Не понять. Жду, смотрю на неё. Ибо *вписаться в это тело ВМЕСТО ВОДЫ...* < Непередаваемая игра жестов и мимики. > Наконец, девица вроде бы “разбирается”: поворачивается своим

²⁹ Цитата из Дм. Пева.

‘дарксайдом’ к краю доски. И делает решительный шаг обратно: в смысле, в сторону вышки. Значит, прыгать раздумала. Ну, пока никто на её уровень не взгромоздился, сигаю. Лечу. Делаю сальто – *и вижу: ЭТА КОРОВА* [.....]...

– М-да: отброшенная доской, падает в воду прямо подо мной. Вопрос “что делать” даже возникнуть не успел: *делаю руками так < показывает >, чтоб плавно отвести её кочан от своего – и со всей скоростью Ихтиандра ГОЛОВОЙ ВПЕРЁД, РУКАМИ НАЗАД ВПИСЫВАЮСЬ В ЭТО САМОЕ ЛЯГУШАТНОЕ ‘МЕЛКОВВОДЬЕ’...* ТАК ВОТ: **ЕЩЁ ИЗ-ПОД ВОДЫ Я ЗАОРАЛ —**

– ВОДКИ!!!

... Замечателен “микрорассказ” Димы о “Необходимом Киоске” – киоске с пивом.

– У меня есть друг, который работает через дорогу от своего дома. Так вот, он никогда не возвращается с работы домой пешком — предпочитает брать машину и объезжает подземный переход по верху, не взирая на затраты. Спрашиваю, почему. Отвечает: «Да не могу я пользоваться после работы подземным переходом — там на меня засада устроена, киоск с пивом...»

– Иногда свои рассказы Дима переплавляет в удивительно мягкую и щемящую строку – наверно, этот жанр называется “новелла”. В одной из них описана недавняя необычайно долгая и тёплая осень, – деревья стояли с зелёной листвой до ноября. Но налетела буря, ветер посрывал листву, разметал её по асфальту; дождь перешёл в снег, температура упала ниже нуля – и лужи с зелёными листьями замёрзли. Листья торчали изо льда, впаянные в него.

И поверх них рабочие клали асфальт.

* * *

– На что истрачено время?

– На Ожидание.

– На что истрачена надежда?

– На Ожидание.

– На что истрачена молодость?

– На Ожидание.

– На что истрачено ожидание?

— На ошибку...

/ Д. Сергиенко, «Прогулки с собакой» /

* * *

Дима был с Серёжей в его последнем походе за аникеевским папоротником.

Его дом был и домом Серёжи. [Удивительная библиотека, занимающая целую комнату, конечно, играла свою интеллектуально-магнитную роль — но библиотек хватает и вне наших домов. Домов — настоящих, тёплых — маловато. Димин дом был и остаётся *таким тёплым домом.*]

Он сделал одну из лучших серёжиных записей: писали ночью, на убогие микрофоны, которыми была ‘от совка’ укомплектована его “астра”, — за окном звуки ночной Москвы, и в начале записи — вой ментовских сирен... Серёжа пел тихо, почти шёпотом — тонкие бетонные стены “и сосед-стукач за стенкою”, — но отчего-то *это — лучшая серёжина домашняя запись.*

У Димы дома, как и у меня, Сергей показывал все свои только что написанные строки. С Димой встречал свой Последний Новый Год — как, впрочем, и предидущие.

— И в этот Последний Новый год он просто *уснул*: где-то в середине того, что называется *праздником.*

У Димы, как и у меня, остались серёжины черновики: слова, что были написаны у него дома.

А также магнитные ленты, хранящие серёжин голос и гитару.

* * *

...Застолье, когда его ворожит Димочка — всегда Праздник. Праздник не отделим от выпивки.

: Иногда Дима очень много пьёт. После смерти Серёжи нашлись доброхоты, что заявили: если б не Сергиенко с его пьянством — дней Серёжи было бы побольше.

— *Что на это можно сказать? Что Серёжа сам выбирал, “пить или не пить”? Что Серёжа предпочитал Диму ревнителям здорового быта — так весомо рассуждающим теперь: после потери Серёжи?.. Или — что без Димочки праздников в жизни Лецины было бы “несколько меньше” (если говорить очень мягко)???*

— *А может, просто спросить: да где ж вы были, такие правильные, при жизни Серёжи? Что-то я вас рядом не видел...*

А вот Дима был не просто рядом. Он был **ВМЕСТЕ**. Что, согласитесь, совсем другое измерение на шкале человеческих ценностей. **ВМЕСТЕ** — под землёй и на земле, в лесах и в городе. **ВМЕСТЕ** — магией своего кулинарного искусства, своими песнями, и своим Словом. А также алкоголем.

Ибо без него, проклятого, иные моменты нашей жизни пережить казалось попросту невозможным.

* * *

— и Света Русова:

Во второй половине восьмидесятых квартира Светы на Щёлковской – так называемый “Щелчѣк” – стала центром притяжения Силикатного круга общения. Примерно, как моя старая квартира на Новослободской для Никитского Круга.

Она окончила МГРИ. Работала в Подмоскowie, полевым коллектором. По-знакомившись в зимней партии с Вадимом Евдокимовым – прозванным в Никитах за удивительную прожорливость Кадавром, Не Удовлетворѣнным Желудочно³⁰ (Вадима привѣл под землю Коля Аксѣнов [Минотавр] — один из руководителей Зеленоградского клуба туристов) и наслушавшись его подземных баек, Света впервые пришла под землю в 1984 году – в наши Никиты. Близко подружилась с Серѣжей Лещиной, – в соавторстве они написали “Летнее посвящение Никитскому роднику”. В 1985 она вместе с Лещиной, Лѣшей Арбатским и Сергиенко перебралась из Никит в Силикаты — в Никитах начиналась “чѣрная война” и часть народа предпочла продолжить своё общение с Подземлѣй в более спокойной обстановке. Но мы продолжали встречаться на слѣтах памяти Виктора Шагала, в крымских, кавказских и каунасских экспедициях, – и в Старице.

И конечно, в городе – на домашних концертах полузапрещѣнной в то время авторской песни и днях рожденья наших общих друзей.

А также на замечательно объединяющих наши круги слѣтах МиДа, что каждую осень и весну творили в Аникеевке и Опалихе «Маркиз-и-Друзья».

При встречах иронично укоряли друг друга случившейся “перекрѣстной спелеорокировкой”: первая Система Светы была Никиты – осела же она в Силикатах; первая моя система была Силикаты, спелеородиной я полагал Никиты.

— Думаю, не будет хамским следующее утверждение: попав в Никиты в самый расцвет Никитского Круга (и тем более под влиянием рассказов Лещины, Лѣньки Арбатского и Димочки Сергиенко), Света решила организовать в Силикатах нечто подобное. Но, конечно, иное. Своѣ, с учётом наших ошибок “социального перекоса”. Сашка-Шериф – личность, во всех отношениях крайне неординарная, “харизматического”, как теперь говорят, типа и хороший организатор – помог ей в этом начинании. Равно как ещё один замечательный спелестолог “происхождением из Силикат” – наделѣнный не меньшей лидерской, интеллектуальной и организаторской харизмой Юра Дѣмин. А потому можно говорить не о заимствовании – о культурном влиянии Никитского Круга. Так в своё время SCO повлияло на создание мной группы “UM”; от взаимного влияния “UM” и “Wanderers” родился Никитский Круг. И потому, когда мы все встретились на “объединяющем Шагале” 1990 года – увидели: мы не просто близки. Мы, фактически, одно целое. Которое дополнительно сцементировали годы совместных экспедиций – начиная с Каунаса и исследований в Старицком районе и кончая совместными хаджами в кавказские и крымские “вертикалки”. И совместная поддержка

³⁰ Персонаж братьев Стругацких из любимой в нашем Кругу повести «Понедельник начинается в субботу».

турклуба “Сокольники”. И проводимые совместно слёты памяти Виктора Шагала. И постоянные слёты МиДа – на которых два наших круга общения присутствовали настолько неразделимо-плотно, что приходящие к нашим кострам каэспэшные чайники искренне полагали, что Силикаты и Никиты – одна и та же пещера. Просто входы разные.

Что порождало известные всем легенды.

: Могла-ли возникнуть общность обитателей столь разных и во многом антагоничных Систем, если б не истинно спелеопрогрессорская работа Светы?

: *дурацкий вопрос.*

– Наверно, на этих словах,

говоря о Свете, следует поставить точку.

*Мы были параллельно-рядом
Творя иные времена
Во времени, убитом ядом
Непруху посылая на...*

*Меж силикатским окоёмом
И меж никитским родником
И дальним карстовым разломом
Был наш с тобой Подземный Дом*

*Друзья, костры и в гроте свечи –
Почти одной судьбы предтечи.*

*... а алкоголь – что “алкоголь”?
: да та же радость, та же боль.*

* * *

... вообще получается какое-то *групповое бессознательное соавторство*. Напишешь главу; предъявляешь “заинтересованным в ней лицам” — и начинается: – *а об этом почему не написал?.. а о том???* А почему у тебя здесь... [Следует придирчивый ‘разбор помёта’, – причём иной раз выясняется, что аберрации творятся не с моей памятью — представление о прошлом моего собеседника хромает на ножку неинформированности. Или элементарной человеческой забывчивости. Впрочем, в половине случаев всё это относится и ко мне — писательская память, как верно подметил Фаулз, грешна неточностями: так кисть художника не ведает канонов фотографического копирования жизни. Но передаёт её суть и смысл, —
– а потому приходится переписывать и уточнять, и добавлять эпизоды, которые собеседник считает немислимым “кинуть в Лету”, – раздувать сноски/ссылки, и обязательно уточнять чей-то

приоритет, коль он имел место и неуточнение оно смертельно обидит собеседника; на протяжении эпизодов и глав излагать не своё – чужое мнение...]

— Именно “по настойчивым просьбам” друзей рукопись «Катакомбного Мэйнстрима», начально ориентированная на нормальный объём в 500 страниц, разрослась до полутора тысяч. Главы стали частями; бывшие части – независимыми повествованиями. Но ведь нельзя объять необъятное, ребята!

: Я приношу самые искренние извинения всем своим партнёрам по Свече, что не отразил в «Катакомбном Итоге» в должной мере истории освоения Силикат, Володар и Киселей — ориентируясь лишь на родные и близкие мне Никиты. Не написал достаточно подробно о Каунасской экспедиции, о наших поездках в Подолию, Горный Крым, в пещеры Урала, Кавказа и Средней Азии. О “спасах” в Армении. О поисках “бункера Гитлера” под Винницей и о подземно-московских наших работах – иной раз, как это ни странно, весьма щедро оплаченных. Даже по меркам промспелео. Как об экспедициях и исследованиях наших коллег из “Фрама” и других, независимых от власти групп и клубов. Например, я лишь пару раз упомянул о замечательном детско-юношеском клубе, созданном И. В. Чернышом в подмосковной Балашихе — и это при том, к единодушному возмущению моих коллег и оппонентов, что в его судьбе, как в зеркале, не менее, чем в судьбе Никитского Круга отразилась вся история отечественной спелеологии и спелестологии, и со многими воспитанниками Игоря Всеволодыча я до сих пор “не просто дружен”...

: Но представьте — если б я взялся вещать и об этом...

«Пиши сам»,— как правило, говорю я коллегам, что приезжают ко мне и вываливают ворох всевозможных историй и эпизодов. Рассказывают о друзьях и врагах, о поиске каменоломен и бытие в оных,—

«Нет уж. Писатель у нас ты – ты и пиши!»

: Замечательно. Очень удобно. Только вот издателей не видно...

Тем более — на такие “коллективно-бессознательные” объёмы.

НА ЗАМОРОВА...

“А ещё они называли тебя...”

Первая моя звукорежиссёрская работа случилась в 1981 году, когда творческая дружба с Вадимом Певзнером и Юликом Рашковским привела нас к очевидной мысли: *пора записать совместный альбом.*

Юлик обозвал эту акцию “зву-кооперирование Пева”. Ибо второй гитарой и вторым голосом на записи были его гитара и голос. Третьими в паре вещей – мои. И на мне “висели” все необходимые Певу звуковые эффекты –

: ибо это была запись, равной которой в мире самоддея-

тельной песни ещё не делалось. И даже в авторской песне ничего подобного не было – если не считать монументальную работу Юры Лореса «Поминки по Арлекину», – но сравнение с ней будет справедливым лишь отчасти: я не просто записывал состоящую из 30 песен композицию, нагруженную аллюзиями и аллитерациями, недостижимыми даже для авторской песни того времени — каждая вещь в этой двухчасовой композиции должна была записываться в своём звуковом поле, со своими звуковыми эффектами. Превращающими “просто песню” в некую радиопостановку.

Фактически, мы записывали первый в истории самодеятельной и авторской песни концептуальный звуковой альбом.

Писали на квартире у нашей никитской подруги Анюты П, 7 и 8 ноября. В самый разгар коммунистических праздников.

Что казалось нам крайне симптоматичным: диссидентский характер большинства вещей из этой композиции был очевиден. Впрочем – почему “большинства”? ВСЕХ.

Проект был назван «ПЕВЗНЕРЫ» – как антитеза известной совковой филармонической группе. (Ударение ставилось на последнем слоге.)

Конечно, “Певзнеры” – не более, чем прикол: ‘шутка юмора’, понятная уже лишь тем, “кому за тридцать”. Моего и Юлика в этой виртуальной рок-бард-панк-команде было не более, чем на десятую часть — всё остальное (во-первых, во-вторых, в третьих и далее) — исключительно Вадим Певзнер. Собрались ради записи первого альбома Вадима, и пусть потом у костров и в гротах под землёй иной раз с удовольствием “оттягивались в три глотки, три гитары” — никогда не считали себя единой группой. За несопоставимостью творческого дара, как со всей очевидностью виделось нам уже тогда.

Поскольку я был занят в нескольких вещах на “подпевках” и “подыгрываниях” (а также на непосредственном воспроизведении ряда звуковых эффектов в процессе записи), вторым звукооператором этого действия выступил Женя Хвилон. У него это тоже была первая в жизни серьёзная запись.

Удалась она или нет – теперь судить невозможно.

* * *

— Тогда *казалось*: это Вершина. Ибо: что может быть лучше и выше?.. Тогда восхищались его “Балладой о Женщине и Двухколёсном Самолёте”:

*: Она встаёт всегда в 6.47 –
Дай Бог поспеть на дуру-электричку!
Помадится, оденется, как все –
Как все. И в то же время по привычке.
Глоток кофейной гущи на ходу –
Замок на ключ. Вдруг сумочка упала...
Соседи спят – тихонько – ни гу-гу,*

Спускается до нижнего подвала.

[...]

*Навстречу старый дворник проплывёт
С лицом, как паровое отопленье –
Молоденький студент с открытым ртом
Проводит Её взглядом вождленным...
– Она же тихо-скромно простучит
Весь дворик каблучками из пластмассы,–
А мысли её – как палеолит:
Вдали от ожидания, рядом с кассой.*

*: Ей снится двухколёсный самолёт –
Там к Лете нету места мелким сплетням,
В той клетке, где мечта Её живёт –
В той ленте, что приснилась ей намедни...*

– И одной из самых первых его вещей, “Олайне”,– написанной в 1980 году после Рижского фестиваля — что очаровала всех нас сразу, навсегда,– и продолжает очаровывать до сих пор, как ни какая другая песня,–

: творя “ноябрьскую запись”, думал я в наивном страхе *сожаления*, что лучше и ВЫШЕ Вадиму не дано написать,– что разделит он судьбу авторов, к кому Слово и Музыка явились вдруг, разом – и всё, что будет дальше, потом — *будет не выше:*

: отсюда и сожаление –

– *Как я тогда божественно ошибался!..*

Потому что уже на следующий год к Вадиму пришли такие слова и музыкальные рефрены, что всё бывшее *до них* стало казаться написанным кем-то иным — начинающим школяром,–

: *Это был Истинный*

ВЗЛЁТ – против так поразившей нас его предтечи, разбега –

: “Никольская” и “Заморская” мистерии, “Датский романс”, “Песенка брата Иова” и её анти-зеркало “Песенка Иова” — как они завораживали всех, кто их слышал! Как поражали неведомой до того в мире авторской песни сказочной метафоричностью образов и подлинной философской глубиной,– одних комментариев к не столь длинной “Никольской мистерии” (по сравнению, скажем, с *восмидесятьювосемистрочной* “Заморова”) можно было накарять на пару глубочайших философских трактатов, и защитить ‘дисер’ по аллюзивности и ассоциативности текстов, по размеру, ритму и рифме Строки, простоте и ёмкости музыкальной фразы, исполняемой – так виртуозно и красиво, и так внешне легко, что, право, не виделось за кажущейся простотой сложности, а за акустически сложными ‘наворотами’ переборов на 1/16 и даже на 1/32 – истиной простоты: в одной тональности, Dm,–

: Мистерии, взявшие отправной точкой *до того* уникально-единственные в жанре галичевские “Белую вошь”, “Балладу о вечном

огне”, “Вальс-посвящение Уставу караульной службы” —

* * *

— Я познакомился с Вадимом летом 1980 года, вскоре после его триумфального возвращения с Рижского фестиваля (где на его выступлении при исполнении “Почечного Санатория” был торжественно отключён звук) – и с первых же спетых им песен стало ясно: восходит Звезда. Никто и гадать тогда не мог ни об уровне будущих песен Вадима, ни о его грядущей эмиграции — ни о том, что его Слово и его поэтическим и музыкальным аллюзиям будет обязано не одно поколение звёзд нашего рока и самодеятельной сцены,– как, подавно, что после 15 лет эмиграции Вадим вернётся к нам и предъявит новые строфы и песни – столь же отличающиеся от прежних, как уровень истинного Мэтра отличается от школярской поделки...

: Кто мог тогда знать обо всём этом?

Нас познакомили “Кенгуры” – Толик Румата, Лёня Разгон, Максим Фельдман, Серёжа Молчанов и Максим Кривошеев,– с которыми, в свою очередь, “УМ” не мог не сойтись на “самом мокром в истории самодеятельной песни” XXIV ‘сблёте’ Московского КСП. Расширяя образ мотылька и лампы, можно сказать: в отношении друг друга “Кенгуру” и “УМ” были и лампой, и светлячком.

“Кенгуры” открыли нам мир высокой поэзии и истинные высоты авторской песни; мы им – подземный мир Белого Камня. Такой духовно-просветительский бартер.

В сентябре 1980 года я впервые привёл Вадима под землю, в Никиты — и с первого своего подземного выхода Вадим влюбился (если допустимо такое слово) в сказочный мир Подземли. Никитяне – в его песни. Весной 1981 года в составе нашей команды Вадим посетил славный Чимганский фестиваль (где, конечно, выступил достаточно триумфально – несмотря на крайне высокую творческую планку События). Эта поездка завершилась спелеологической поисковой экспедицией на плато Акбулак – о чём Вадимом была написана одна из лучших его вещей того времени, “А впереди, браток, десятки километров и сталактитовый зелёный водопад...” После чимганской поездки он взял себе сценический псевдоним “Дм. Пев” – где “Дм” значило и “Дмитрий”, и избранную им тональность Dm, в которой написано абсолютное большинство его песен.

В те годы мной было сделано четыре его записи. Первая в октябре 1980, на моем дне рождения – у никитского костра, в лесу над нашей любимой пещерой,– она состояла из самых первых его песен, и теперь Вадим строжайше запрещает показывать её кому бы то ни было. Вторая на квартире Ан П, на фоне коммунистических праздников. Третья запись получилась не менее символической: в гроте Русская Америка в Никитской Системе, и представляла собой запись подземного концерта Вадима – катакомбный антураж и камерность которого располагали к исполнению вещей, изначально писанных “как

бы в стол”, “для внутреннего самоупотребления”, — игриво-эпатажная стилизация этих песенных дразнилок исключала саму мысль об их сценическом исполнении в эпоху совка. Причём без разницы, о какой сцене шла речь: дозволенной цензурной литовкой дэкашной площадке или зашоренной каэспэшным стандартом лесной поляне.

: Это теперь публика восторженно внимает Сергею Калугину, Кире Комарову, Саше О’Шеннону, Григорию Данскому и Олегу Медведеву – равно одобряя что трагически-философские, что откровенно прикольные, эпатажные стихи и песни, – в годы совка их предтеча нашёл благодарных слушателей только под землёй, в нашем Никитском Кругу: как уже говорилось, на Рижском фестивале ему просто-напросто отключили звук. Правда, первый приз, “как самому молодому участнику фестиваля”, всё-таки дать были вынуждены: Вадиму тогда едва исполнилось 16 лет.

– Четвёртая запись включила в себя новые, только что написанные Вадимом песни, в том числе мгновенно поразившую всех “Никольскую Мистерию”, и была сделана у меня дома на Новослободской 25. 01. 82. В абсолютно пустой (после только что закончившегося ремонта) комнате с замечательной акустикой старого кирпичного дома — высота потолка 3.80, стены закруглённым сводом плавно переходят в потолок. И мощный дубовый паркет под ногами – внесший свою звуковую лепту... Планировалось, что я произведу микширование ряда фрагментов из этих записей, наложу требуемые Вадимом девиации скорости на несколько специально написанных для этого вещей (Таллиннский и Питерский стихи, “Гражданка Иванова”), реверберацию и всевозможные звуковые эффекты — что иллюстративным киотом своим были должны превратить “просто песенки” в некое подобие короткометражных фильмов. Или радиоклипов, как сказали бы сейчас. И связать разрозненные поэтические и песенные фрагменты в единую, акустически неразрывную структуру.

: В результате нашей совместной работы должны были родиться первые (естественно – неофициальные, подпольные по самому большому счёту) альбомы Вадима. Названы они были тогда “Западно-Восточный Диван” и “Концерт в Русской Америке”.

К сожалению, работа над будущими альбомами затянулась – виной чему, конечно, наше классическое разгильдяйство: ряд песен был спет Юликом и Вадимом с просто чудовищными, на мой взгляд, ошибками [обычно это называют лажей], – встретиться вместе, чтобы перезаписать лажовые треки — втроём, в подходящих для записи условиях, а не на слёте или в походе в Никиты, мы никак не могли.

: то один, то другой были чем-то заняты —

— а потом катушечные оригиналы записей, выполненные на широкой профессиональной ленте, были у меня украдены при несанкционированном гэбэшном шмоне: добры молодцы вломились в квартиру, когда я праздновал свой день рождения в Никитском, и основательно ‘пропололи’ фонотеку на предмет “антисоветской запрещёнки” — причём наряду с записями Певзнера упёрли и стоящую на полке меж катушек с буду-

щими альбомами Вадима копию официально изданного фирмой “Мелодия” диска Б. Ш. Окуджавы. Очевидно, в суете шмона.

У друзей остались лишь скверного качества кассетные копии отдельных фрагментов, ибо полностью копировать записи, согласно настоянию Автора, до завершения работы над ними было запрещено. На том и попались. Особенно жалко было безвозвратной потери “Пароходов”, “II Дороги на Чимган” – написанной, о Господи, прямо у меня на глазах, на случайно подвернувшемся клочке бумаги у стены Алайского базара в Ташкенте каким-то огрызком карандаша,– “Впереди, браток, десятки километров”, “Таллиннской песенки”, “Гражданки Ивановой” — и нескольких других, не менее важных для этих альбомов, вещей... Конечно, через несколько лет часть из них мне удалось вновь записать в авторском исполнении. Но, во-первых, только часть. Ибо творческий гений Вадима рос настолько стремительно, что ему стало просто-напросто тесно в этих, возможно излишне наивных и прямолинейных, мелодиях и текстах (наивных и прямолинейных только на его растущий взгляд!),– как стало ему тесно в наших подземных окоёмах и костровых горизонтах самодельных тусовок,– а во-вторых, исполнение “N лет спустя” априори отличается от предельно искреннего звучания только что написанной вещи. Теперь невозможно гадать, какими могли получиться эти альбомы. Возможно, для 1981 года это был подлинный прорыв в подаче авторской песни (аналогичный прорыву, что ознаменовала запись БГ “Треугольника” в мире российского рока – и не удивителен хронологический унисон этих записей,– как, впрочем, и внешнее стилистическое сходство) — возможно, полный провал. И то, и другое на букву “П”,– как и ещё одно слово, ставшее символом прогарного совкового времени.

Ибо одновременно примерно по такому же сценарию пропали почти все записи Вадима, что были сделаны другими звукооператорами в те годы.

: Потому не состоялся и третий магнитоальбом Пева, который начал записывать в 1983 году Макс Ездаков – Биг Мак. Осталось лишь несколько кассет МК-60, качество которых известно. Тем более, после тысячекратного проигрывания на совдеповских магнитофонах.

В условиях, очень далёких от студийных.

* * *

– Вот, что важно: Вадим не только три года посещал Никиты и до своего отъезда во Францию чувствовал себя “самым настоящим никитянином”,– именно он задал очевидно высокую планку всему нашему “никитскому творчеству”.

«Чем писать хуже Пева – лучше вообще не писать»,– сказал тогда Юлик.

: Конечно, он утрировал. Но стандарт качества-таки задан был.

Как и гитарный стандарт, определённый “Кенгурами” Кривошеевым и Молчановым.

И ими же заданный стандарт истинно со-авторского исполнительства.

А потому самодеятельно-касэпэшная лажа в Никитском Кругу “не прокатывала”.

— и не могла “прокатить”: ни для пишущих, ни для слушающих.

Но если высочайшему гитарному мастерству Серёжи и Макса и их песенному актёрству в то время ещё были какие-то альтернативы (в виде западного арт-рока или наших рок-форейторов, не столь важно) — то поэтично-образной строфе Пева никакой альтернативы не было и быть не могло.

“По определению”: ибо какая “альтернатива” возможна Эвересту? Марианская впадина?..

Отсюда – *от строк и мелодий Пева* – качество стихов и песен, написанных в Никитском Кругу.

Юликом, мной, Старым, Асияем, Лещиной, Мокой, Мамонтом, Тошей и Рудиком.

: Если возможно говорить о каком-то “крёстноотцовстве” в духовно-творческом смысле – Вадима можно считать “крёстным отцом” Никитского Круга.

Но поскольку однополая любовь потомства не производит — для полной картины не стоит забывать и о нашей любимой пещере. О которой Юлик писал: «нам пещера родными полатями на крутых перевалах судьбы улыбнётся – и ласкою матери усыпляет и гасит огни».

– что в соответствовало истине на все 100 %.

: *Никитская Система собрала нас всех вместе* – готовых услышать Пева и услышавших его.

А потому столь же естественно в Никитах вслед за Певом был услышан Коля Якимов.

И Кира Комаров.

И Серёжа Калугин.

И Коля Харитонов.

И конечно же – Гриша Данской.

А также Рада и Юля Теуникова, Лёша Воронин и Миша Башаков, Гена Жуков и Виталий Калашников, Толик Багрицкий и Игорь Салчак, Василий К...

: обрываю затянувшийся перечень. Потому что он слишком большой.

Не будь Вадима — был бы изрядно короче.

– Но, тем не менее, скажу: пришедшие вместе с Певом в Никиты “Кенгуры” Серёжа Молчанов и Максим Кривошеев подружили нас с Юрой Лоресом, Аликом Мирзаяном, Володей Бережковым и Виктором Луферовым.

На этот подземный творческий праздник просто не смогли не прийти Володя Васильев из Харькова и Серёжа Кучма из Запорожья. Стриж из Ташкента. И конечно же – Володя Болотин. Из Новосибирска.

А потом томские “Аэрозоли”.

И питерское “Зимовье Зверей”.

: такая вот получилась история.

Сколь никитская, столь андеграундная.
: Спасибо Певзнеру — и нашей Системе.

* * *

... спустя 20 лет разыскал по друзьям и знакомым части нашей “ноябрьской записи”, что Пев великодушно разрешил скопировать для народного слушанья. Точнее — что от них осталось к тому времени. На совдеповских носителях типа “МК-60”.

: можете представить, что осталось. И учтите: мне пришлось иметь дело с пятыми, а то и с десятками копиями — ибо первые, вторые и третьи также были похищены из фонотек моих друзей.

: Я охотился за этими звуковыми останками около 15 лет. После которых понял: собрал всё, что в принципе можно было собрать.

Сжав зубы, приступил к ремастерингу. Благо, “Cool Edit” позволял делать со звуком то, о чём и мечтать не мог 20 лет назад.

Альбом-таки выпустил. Вернувшийся к этому времени из эмиграции Пев милостиво разрешил его существование.

В серии выпущенных мной альбомов “Свечи и Костры” этот двойник значится под номером 005.

И хотя бы отчасти передаёт грандиозность творческих амбиций Пева на самое начало восьмидесятых.

* * *

Сейчас Вадим категорически против, чтобы его современный образ Автора связывался с его же ранними вещами. Понять его можно: если буквально ошарашившие всех нас тогда “Никольская” и “Цыплячья” мистерии (и последовавшие за ними “Песни Иова”, “Заморская Мистерия” и “Датский Романс”) были не на голову — на невообразимый уровень выше не только его ранних вещей, но и вообще всего, что тогда писалось в жанре Авторской песни — вне её разделения на песню самодеятельную и русский рок,— что говорить о современных вещах Пева, с которыми он приехал из Америки?.. Пусть нынешняя, чтимая нами российская музыкальная тусовка худо-бедно поднялась до фантастического уровня песенных мистерий Пева середины восьмидесятых годов — его последние вещи вновь на уровень выше, на уровень неповторимей и фантастичней всего, что можно услышать в нашей стране от Гитары и Слова. Но что удивительно: даже самые первые, кажущиеся теперь несовершенными, песни Вадима ныне воспринимаются, как пророчества. И видишь: несовершенство их кажущееся — особенно на фоне того, о чём и как нам вещают что грушинские “барды в законе” — что те, кто с надрывом причитает в каждом телевизионном интервью: “Мы, российские рок-музыканты...” (как будто без этого кодирующего рефрена им никто не поверит,— однако, “в каждой шутке

есть доля шутки”),— потому не включить самые первые песни Вадима в выпускаемый ретро-диск я не смог. Хотя бы для того, чтоб порадовать его нынешних почитателей [посмотрите, с чего и как всё это начиналось!] не меньше — чем тех, кому Вадим дорог именно теми давними вещами. Что, по самому большому счёту, дарили многим из нас свет в окружающем безумии совкового мрака.

* * *

... Осенью 1985 года я договорился (с помощью наших друзей из ташкентского клуба “Апрель”) о концертном турне Пева по городам Средней Азии — Ташкент, Фрунзе, Душанбе, Алма-Ата и Ашхабад. Планировалось, что на этих концертах и в квартирах тамошних лидеров самодеятельной песни будет произведена запись практически всех, написанных Вадимом, вещей,— включая самые ранние.

: Такой замечательный был проект — сбыться которому, как обычно, не удалось. На состоявшейся в Рейкьявике встрече глав государств было решено: в качестве ‘жеста доброй воли’ Горбачёв разрешит беспрепятственный выезд из страны всем, кто подал заявления об этом, да пребывал в отказе. А Вадим за несколько месяцев до того как раз заключил фиктивный брак с некой француженкой (был такой замысловатый способ ‘попытки бегства’ из социалистического концлагеря),— всерьёз не веря, что “тут же отпустят”: года полтора-два ‘по определению’ должны были проморочить,— за это время он надеялся завершить свои концертно-звукозаписывающие дела в России. И унести свои авторские руки (и голос) в края Творческой Свободы с достаточно чистой совестью. По крайней мере по отношению к нам, остающимся.

Но судьба распорядилась иначе. Горбачёв повелел в две недели вышвырнуть из страны всех, чьи заявления на смену гражданства лежали в ОВИРах — Пев попал “под праздничную раздачу”. К полному своему изумлению и нашей оторопи.

— Замечательная фраза И. М. Губермана:
«ОВИР и Правительство страны приняли решение о вашем немедленном выезде из страны»...

Последний, прощальный концерт, мы не писали “из принципиальных соображений” (дабы не портить живое общение пресловутыми “бардбойками”, сиречь, микрофонами — и как теперь видится: зря!),— Вадим закончил его “Песенкой Брата Иова”, в конце которой сорок раз повторил “Не дурна, бля, у Бога губа” — после чего добавил очевидное матерное трёхсловие.

* * *

... я не прощался с Вадимом, когда он уезжал на Запад после своего последнего концерта. Слишком много было провожающих — и слишком тяжело

было прощаться. Уж очень всё это напоминало оборванную на полуслове песню. Интуиция говорила: брось шизовать, увидитесь/свидитесь ещё не раз, и не два,— будут новые песни и строфы, и сделаешь ты его новые записи,— конечно, так оно и случилось 15 лет спустя — но *та песня, тот куплет* так и остались не допетыми.

: с этим ничего не поделать.

— и осталась запись на автоответчике моего телефона, надиктованная Вадимом уже оттуда. Спустя какое-то время.

Конечно, нет смысла комментировать все строфы Вадима — в поэтическом, а тем более, музыкально выраженном слове, каждый волен расслышать свои резонансы души, свои печальные и радостные образы,— скажу лишь, что Лёша Круглов жил на седьмом этаже и какая-то часть строф “Песенки Двойника Иова”, безусловно, посвящалась ему и Серёже Лещине. Которого Пев полагал своим творческим преемником — да не случилось: смерть пополнила этими именами реестр наших потерь.

... А Заморова — это квартира в хрущёвской пятиэтажке на улице Вавилова в Москве, где под кровом её замечательной хозяйки Наташи мы все собирались вместе: Вадим, Серёжа, Лёша, Юлик,— туда приходили Серёжа Молчанов и Максим Кривошеев,— хиппи, каэспэшники, театралы и киноведы, художники, поэты, музыканты и никитяне,— в этой квартире читались, писались и пелись наши стихи и песни, в ней мы поминали Лешу Круглова и Серёжу Лещину. Последний концерт перед отъездом Вадим пел здесь. В этой квартире тогда преломлялась, наверное, вся наша боль и тоска —

: На Заморова...

Впрочем — прочему только “на Заморова”?

Ведь и по всей тогдашней, да и нынешней нашей стране — точно так же.

: Оттого современные слушатели этой песни не оставляют ей чётких рамок “места и времени”.

Ибо место её — везде; образ её — всегда.

* * *

...: его называли Автором для авторов. Его называли “опередившем Время, Жанры и Стили”,— Господи! как только его не называли — и продолжают называть, едва услышав очередную новую песню или стих, увидев очередной сценический перформанс,— !..

: В 1986 году, когда мы собрались у меня дома отмечать День Рождения А. А. Галича “в узком кругу признанных бардов и мэтров авторской песни”, А. З. Мирзаян всерьёз предлагал перенести сейшен, намеченный на, естественно, 19 октября, на две недели — ибо прошёл Его Величество Слух, что Вадим, якобы, купил туристический тур в Россию — приедет через две недели, а без него отмечать День Рождения Галича — всё равно что вовсе не отмечать...

: настолько важным казалось его При-

существо за круглым творческим столом тем, кто сам полагался за Вершину авторской песни.

* * *

Когда работа над вторым ретроальбомом Вадима подходила к концу, выяснилось: объём его не “дотягивает” до пары полновесных, восьмидесятиминутных дисков. Примеров, когда на двух дисках выпускается фонограмма общей длительностью не более 80 минут, как говорится, “хоть жопой жри” — но отчего-то эти ‘примеры’ мне сильно не по душе. (То ли есть не хочется, то ли складывается ощущение, что выпускающий подобную ‘недопродукцию’ жаждет сорвать с нас бабки за один альбом, как за пару.)

А потому в виде “PS”, прямого отношения к альбому не имеющего, было дописано несколько фрагментов из нашей встречи с Вадимом (настоящим концертом она не являлась – проходя, скорее, по рангу “посиделок”), состоявшейся 6.04.2000, во время второго приезда Вадима в Россию из Штатов. На другой день после этой встречи у Вадима была запланирована запись в студии Жени Слабикова — и получилось так, что запись, сделанная Женей, и эта моя, в последний раз зафиксировали гитару Пева: по возвращении из студии он вышел ‘голосовать’ на трассу... Пребывая в эйфории от неожиданной своей востребованности на родине — эта востребованность, и наша неподдельная радость по поводу его приезда обрушились на него, как снежный ком: в американском далеке Вадим пребывал в печальной уверенности, что имя его в нынешней России прочно забыто — но оказалось: не просто “не забыто”, сотни людей жаждут увидеть его, как друга, и тысячи – как живую легенду Авторской Песни и Русского Рока, и все ждут его новых песен и новых стихов, и стихов и песен старых, – Вадим приехал больной, с высокой температурой, петь практически не мог — тем не менее, Пётр Трубецкой уговорил его на запись у Жени Слабикова; напичканный аспирином и баралгином, Пев принял участие в этой записи, и по завершении её в устало-радостной эйфории – не малую роль в которой, конечно, сыграли высокая температура и химоза, против неё принятая — по беспечной американской привычке вышел голосовать на трассу.

: Пронесшейся мимо машиной ему раздробило кисть правой руки, – родина в очередной раз поприветствовала Вадима скромным совковым обаянием. Три месяца длились операции и прочее лечение (в Америке, между прочим, весьма дорогостоящее) — но полностью восстановить подвижность кисти не удалось.

Так что запись получилась печально-знаковая: поставившая точку на его великолепном гитарном звуке. Конечно, даже вне касания дружеских отношений с Вадимом предпочёл бы знакомость иного рода, – и вообще: применительно к судьбе Пева и его Творческому Дару можно сколь угодно рассуждать о судьбе, карме, непрухе/невезухе и прочих прогарных понятиях — но ведь: *песни его были услышаны и востребованы теми, кому это было надо.* И творческое влияние своё он оказал на десятки ныне поющих и пишущих – без какого бы то ни было выхода альбомов. И прочих официальных атрибутов

нашей памяти. Иным сгодилась эстрадно-роковая адаптация от Сукачёва и к°, “гулявшим с Кастанедой” под музыку и слова Димы Певзнера.

Включённые в альбом, пусть в виде почти случайного довеска (но нет случайностей в нашем мире), фрагменты этой записи приобретают дополнительный смысл: ибо исполнял Пев на нашей встрече не только новые, написанные ‘за бугром’, вещи – но и старые, оставшиеся не записанными до его отъезда (а потому публике практически не известные),– а так же новые версии, или “вторые серии” вполне известных своих стихов и песен.

: эти треки образовали мосток к следующим, уже “вполне официально” записанным альбомам Вадима – “Дачному Вальсу” и “Вещи”.

С прекрасным гитарным аккомпаниментом Максима Кривошеева и Псоа Короленко.

* * *

И вот ещё о чём обязательно нужно сказать в этой главе:

С апреля 1980 года Гульбарий — самое знаменитое в Москве место встреч спелестологов и казспэшников, своего рода “клуб под открытым небом”. Гульбарий действовал исключительно по вечерам воскресений и был местом принятия пива в дружеской компании под рассказы о том, кто, как и в какой подмосковной пещере провёл выходные; какие слёты в данные выходные “имели место быть”; хорошо-ли на них было — и кому. Ясное дело, все эти разговоры сопровождались не только пивоупотреблением, но и “внеплановым гитарным концертом”. Идея Гульбария родилась в “СамСоюзе КЕНГУРУ” (основанном в 1979 году Толиком Руматой, Сергеем Молчановым, Максом Кривошеевым, Максимом Фельдманом, Лёней Разгоном, Лёшей Шишовым и Вадимом Певзнером); поскольку летом 1980 года наша группа вошла в “Кенгуру” на правах “коллективно-бессознательного члена”, это придало самсоюзу “Кенгуру” некоторую спелестологическую направленность. И конечно повлекло за собой участие в воскресно-вечерних пивоупотреблениях не только “творчески продвинутых казспэшников”, но и спелестологов. За “Уэмом” потянулись остальные тогдашние никитяне; за ними – обитатели прочих подмосковных Систем: Киселей, Силикат и Володар. [Сьяны тогда были закрыты.]

Причём, за тогдашней неразделённостью нашего мира “на аквалангистов и водолазов” – спелеокоманды традиционно не пропускали ни одного интересного подмосковного слёта самодеятельной песни – очень быстро “спелестологическая составляющая” Гульбария перевесила начальную “самодеятельно-песенную”.

Первоначально встречи Гульбария проводились на заднем дворе ресторана “Якорь”, на площадке-газончике у тамошней пивной; в дальнейшем, когда власть при помощи пожарно-поливальных машин сделала неофициальное совместное времяпровождение спелестологов и любителей авторской песни в

данном месте *физически невозможным*, встречи были перенесены в другие подходящие “точки” – последней из которых стал пивной зал с народным названием “ШАЙБА”. Что интересно, местная публика с большой радостью относилась к ежевоскресному нашествию на пивные автоматы “спелестологов- &-каэспэшников” — даже “держала очередь” к автопоилкам, — естественно, вокруг каждого поющего барда или компании всегда собиралась довольная бесплатным концертом толпа.

– Небольшой “штрих ушедшей эпохи”: пиво в Гульбарии, за дефицитом стеклянных кружек, наливалось во что угодно – от походных канов, канистр и касок до пакетов из-под молока и кефира. Естественно, последняя тара пользовалась особым почтением у местных алконавтов (так как каэспэшник и спелестолог от кружки неотделим); эстетствующие неалконавты предпочитали литровые и трёхлитровые банки.

* * *

***Посвящение Диме Певзнеру после “Лётчика”
и фотографии в Гульбарии в июле 1980 года,
что стала обложкой первого его альбома:***

мачеха есть мачеха

пачеха есть пачеха

АЧХ есть АЧХ

фейхуа есть фейхуа

разговоры, разговоры –

Не получишь! Пошёл

На...

... старом снимке утопическом

Пакетно-баночного пива

Звучит Гульбарий эйфорический

И песни длинного разлива

На фоне нулевой наличности

Мы все ещё как будто рядом

И добрый голос твой провидческий

Звучит, не тронутый разладом.

Звучат лишь имена без отчества

И всё что пьётся, то есть льётся

И все в гробу видали почести

И мочевина не сдаётся...

На этом фоне историческом

Мне неудобно про иное

И даже шрам коммунистический

Не ретуширует былое

На этом снимке лайфа стории –

Мы все ещё почти как дети
И что становимся историей –
Не понимаем, будто йети.

Но вымираем, будто мамонты
И как зелёные, как змии,
И будто бабонды и дедонды
Ворчим на времена иные –

А талия играет мышцею
И головной убор редееет
И незаметно для провинции
Периферия богатеет

В центральном парке мочат арию
И мамочки неровно дышат
И автор делает аварию –
Но автору никто не пишет...

Он посылает нас по матери
И посылает позывные
И незаметно, как спасатели
Мы переходим в понятия.

На этом диске неиздавшемся
Ликуют голоса бывшего
Таком свободно-непродавшемся
Таком не знающем чужого...

САЛЧАК

“Я взмахиваю крыльями: крыльями жёлтыми...”
: Игорь Салчак

Каждый из нас, познакомившись в городе с интересным человеком, старался привести его хоть на один день в Никиты –

Раскрутить на выступление, на участие в очередном СПУСКе.

: Одним из таких гостей был Игорь

Салчак.

: Гениальный тувинский поэт, –

Я познакомился с ним летом 1982 года; знакомству с ним (как и со многими другими замечательными людьми) я обязан сказочному Чимганскому Фестивалю. Ибо на Чимгане началась дружба “Уэма” с “Несравненной Челябинбой”, – Колей Якимовым, Шурой Деревягиным и другими, не менее славными представителями “теневого КСП” города Челябинска. То есть – клуба самодеятельной песни челябинского Политеха. К “официальному городскому КСП”, естественно, не имевшему никакого отношения.

... Челябинка, как и мы, летом рассекала на товарняках и прочем попутном транспорте по просторам “великой и необъятной” (в основном, как показывал печальный опыт – необъятной разумом) державы. В то лето нелёгкая занесла их в Туву — точнее, в её столицу: город Кызыл. И там в каком-то кафе их поразили стихи, что лабала с эстрадки развлекающая посетителей группа. Под довольно убогую музыку. «Откуда, ребята, тексты такие замечательные?» «А вот, нам их тот паренёк пишет. За столиком в углу сидит. Мы его кормим – он стихами отрабатывает».

– Дали эстрадным шансонам десятку, чтоб те заткнули свои электрорыгалки, – расчехлили гитары и позвали к столику поэта.

: Начали с бережковской на стихи Леонида Губанова “Брошенной Поэмы”, – уж очень, что услышали, походило на губановский язык. На второй строфе Игорь воскликнул:

– КТО! КТО ЭТО НАПИСАЛ??? Я ДОЛЖЕН ВИДЕТЬ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА!!!

: естественно, взяли его с собой. Вначале в Челябинск. Затем привезли в Москву. Познакомили со мной; я вывел на Бережкова, знавшего Губанова лично.

Стихи Игоря поразили меня, как гром — никогда в жизни я не слышал столь удивительно-поэтических строк. Как и просто безумной, фантастически открытой манеры чтения. Казалось, он не читал свои стихи — пел. По-детски открыто, незащищённо...

У меня дома сделали магнитофонную запись – домашний концерт. Это было осенью, в первый приезд Игоря в Москву. При записи было человек 10 ÷ 15; больше не рискнул приглашать. Ибо не знал, как Игорь отнесётся к ставшему для нас привычному “забиванию моих хором народом под завязку”³¹ – не знал, как воспримут поэзию Игоря многие из моих друзей. Хотя уже на летнем “Шагале” Коля Якимов и Шура Деревягин пели свои песни на стихи Салчака, и песни эти были приняты никитянами “на ура” –

: Но ведь то — песни. Жанр, в общем-то, традиционно-привычный. Тем более, в сопровождении сказочной музыки Коли Якимова. Так что решил “не рисковать”. Однако запись потом демонстрировал каждому, приходящему в гости — и каждый раз слышал в ответ раздражённо-обиженное:

– Что ж не позвал, гад???

Второй раз Игорь появился в Москве после Нового года. И я сразу предложил: хочешь попасть в настоящую пещеру-каменоломню? И почитать свои стихи под землёй?..

: он аж подпрыгнул на месте.

– Командор! ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МОЖЕШЬ ВЗЯТЬ МЕНЯ ПОД

³¹ На концерте Юры Лореса, Алика Мирзаяна или Володи Бережкова обычным было присутствие 50 ÷ 60 человек. Сидели даже на шкафах, именуемых по этому случаю “балконами”. Слава Богу, почти четырёхметровая высота комнат в построенном до эпохи исторического материализма доме это позволяла.

ЗЕМЛЮ, В ПЕЩЕРУ???

– Конечно. Хоть завтра.

— и мы пошли в Никиты.

: специально в четверг (ибо работой я в то время не был связан),– чтобы Игорь мог увидеть Систему без шумной суеты и многочисленных дружеских общений-возлияний, характерных для выходных дней.

Автобусы не ходили,– продирались от Домодедова через жуткую метель с ледяным обжигающим ветром-мордотыком... Я, Игорь и тогдашняя моя девушка, Вероника. Хозяйка нашей гостеприимной Девятки.

– Чуть живые, добрались до входа. Переоделись у закрывающего ветер склона холма перед входом,– спустились вниз. В голове одна мысль: как бы не поморозился Игорь. Человек, казавшийся сказочным пришельцем из мира иного — он будто не замечал ни ветра в лицо, ни снега, ни мороза... Ни усталости сугробного марш-броска до Системы. Но ведь это,– думалось мне,– душа; как она может приказать “не болеть” телу?..

: Думал – как можно быстрее добраться до грота, напоить его горячим чаем с пятьюдесятью граммами противопростудного алкоголя (и чайной ложечкой элеутерококка),– и СПАТЬ. Всё остальное — завтра.

Бросок от входа до Девятки вымотал последние силы. Казалось, даже моего упрямства не хватит, чтобы заставить себя бежать до водокапа за водой и после готовить чай... На часах было полвторого ночи.

Перед входом в грот почувствовали запах “бытовухи” – сигаретный дым, примус, плекс,– столь неожиданный для ночи с четверга на пятницу (тех лет, когда казалось немыслимым вырваться из города среди недели), что поначалу подумали: глючим. На почве усталости.

Заходим в грот – видим Крэйзи со Ставридой. Очень красиво-уютно сидящих у стола. На котором готовый ужин и свежесваренный ‘чай всмятку’. То есть с листьями мяты.

– А вы... как это вы здесь оказались?

– А что в городе делать?

: действительно – что?.. Коль представилась возможность положить на работу...

– Смотрите, кого мы привели.

Крэйзи со вздохом оглядел не столь вместительную Девятку и заключил:

– ГРОТ РАЗНЕСУТ. Может, лучше его никому не показывать, а?..

Но как – “не показывать”? Единственное, что можно было сделать — не объявлять никакого “официального СПУСКА”. Что мы, конечно, и сделали. Но скорость слухов в подземной среде значительно превышает скорость звуков – и лишь немногим уступает скорости распространения спелестологов.

Тем более, что в пятницу мы с Игорем ходили к Сумасшедшему Барабанщику и по дороге, естественно, посетили несколько обитаемых гротов. Ближе к вечеру, ибо почти весь день пятницы “заслуженно отсыпались в спальниках”. Потому что – куда только делась усталость? – засиделись за “девятичным столом” в беседах и слушанье ‘Ж-М-Ж’ до семи утра,–

Как показывает опыт моего тридцатилетнего подземного бытия, такое пе-

реворачивание времён суток для спелеобывта явление обычное. Причина которого не в биоритмах, растягивающих наше внутреннее время, а в алгоритме нашего посещения Подземли. Ибо, как правило, мы приходим в Систему вечером в пятницу по завершении городской трудовой недели и каких-то домашних, особо неотложных дел – то есть не в самом бодром состоянии, и зачастую, поздним вечером. Однако Система даёт тебе столь мощный эмоциональный импульс, что отступает любая усталость. К тому же за время городской разлуки с друзьями накапливаются новости, которыми нельзя не поделиться, – как и какие-то вопросы, темы для бесед, неуместные в телефонном варианте общения, – в результате отбой по гроту случается лишь под утро. И так как никакой зримой смены времён суток под землёй не наблюдается, весь следующий “поверхностный день” проводится в горизонтальном положении. Отдавая дань борьбе с накопившейся усталостью. По завершении которой ты просыпаешься часикам к пяти-шести вечера – абсолютно бодрый и выспавшийся на сутки вперёд. И приходят те, кто не смог вырваться из города накануне. В результате следует новое ночное общение – или гуляние по Системе, разбор каких-то завалов, запланированная на этот выход топосъёмка, прочие актуальные подземные занятия —

: Заканчивающиеся естественным образом под утро воскресенья. Далее следует новый сон, по просыпанию завтрак – и стремительное движение на выход. К последнему автобусу, электричке, поезду метро...

В Сумасшедшем Барабанщике Игорь играл на флейте и варгане. И показывал знаменитое тувинское горловое пение. В унисон с беспрестанно долбящей капелью, –

: *такое дивное сочетание древней шаманской культуры — наследия мезолита — с нашим Подземным Чудом...*

Чтоб показать Игорю как можно больший фрагмент Никит, в ЖБК шли через Дальнюю систему и систему Шкварина; в самом ЖБК описали большой круг, посетив по дороге украшенный Хмырём Остров Сокровищ и фантастически красивый Собор — из ЖБК возвращались через Сейсмозону, Четвёртый Подъезд (на месте гибели Шагала, как и перед тем на месте гибели Шкварина оставили горящие свечи; конечно, я рассказал Игорю обе эти трагические истории), – от Центрального водокапа свернули в Сетку, показали Игорю Сосед и Подарок (и, конечно, вершину никитских приколов – фаянсовый унитаз в подарковском туалете); через Чайник (тогда ещё Чайник, не Жопу) вышли на Правую Магистраль, связавшую торной дорогой систему Шкварина и Централку — и хоть от этого места до Девятки было “рукой подать” в самом прямом смысле этой фразы, сделали ещё один кольцевой маршрут: в Первомайский зал, к уцелевшим от мальцевского грабежа сталактитам.

: Понимаю, что не знающим нашу Систему это перечисление не скажет ничего, – а потому уточню: общая длина пройденного за эту проходку была около пяти километров. Время прогулки – за привычным нам неспешным хождением с детальным рассматриванием всех встречающихся красот, любованием невероятно-ландшафтными форма-

ми, изложением связанных с проходимыми гротами историй и баек – около десяти часов.

В грот вернулись страшно голодные, уставшие и в полной уверенности, что субботние гости выспаться *не дадут по определению*. А потому по завершении ужина насильственным порядком презрели традиционные послезастольные посиделки и объявили отбой.

– *СКАЗАНО “ЗАВТРА” — ЗНАЧИТ ЗАВТРА!!!* – рявкнул Склизкий (присоединившийся к нам в пятницу), выпроваживая из грота пришедших “на Салчака” никитян.

– А можно, я спать не буду? – неожиданно спросил Игорь.

– Дело твоё. Коль надумаешь – в палатке крайний слева спальник свободный.

– Мне кое-что записать надо... то есть, можно я одну маленькую свечечку жечь буду?..

– Хоть десять. У нас никто никому не мешает делать... – машинально чуть было не говорю “глупости”, но выкручиваюсь из штопора рефлексии: – Творчество. С примусом сможешь договориться, чтоб чаю горячего попить?

– Н-нет... Не нужен он мне. Я водички... А что: действительно можно зажечь *десять свечей сразу???*

– Можно. Лежат на свечной полке. Коль проголодаешься, делай любые бутерброды. Сыр и колбаса на закусочной полочке, хлеб на хлебной. И укройся пуховкой – чтоб не замёрзнуть.

– Мне не холодно.

– Это пока. Здесь, когда сидишь без движения...

– *ДАЁШЬ ДУБА,* – завершает Склизкий общение, – *ХОРОШ ТРЕНДИТЬ.*

— Когда просыпаемся, Игорь сидит у стола в той же позе. В подсвечнике догорает свеча, перед ним исписанный блокнот. Глаза такие радостные...

– Так и не ложился?

– А что, уже утро?

– По крайней мере, нечто ему аналогичное. Сейчас запалим примус, поставим чайку... Небось, за ночь так ничего и не ел?

– Я не хотел. Я тут несколько стихов написал... подземных. Можно, я их вечером тоже прочту?

– *НУЖНО.*

И вечером, когда Девятка освещается обещанным Игорю количеством свечей (в грот набилось человек 30, если не больше, и Склизкий с Крэйзи очень нервно переживают случившуюся тесноту – то предлагая, “пока гротик не лопнул”, переместиться всем в более просторное место, то советуя разом одной половине выдохнуть — чтоб вторая могла вдохнуть), Игорь читает:

– *Ни туловища нет, ни тени:*

Поймай меня, тамошний пёс!..

Пещерное ходосплетение –

Кукишем тебе в нос!

Со светом и тенью мы квиты –
 Наивная хоркса беспечность!
 Колечки пеньков сталактитов
 Нанизываются на Вечность...

: Какого я цвета и ветра –
 Лучинка которой звезды –
 Здесь корни гигантских деревьев
 Прокладывают ходы...

Узоры рабов – исковерканы,
 Земля моя – грецкий орешек,
 Глубин моих чёрное зеркало
 Втягивает меня, грешника, –

Камешкам снятся да грезятся
 Руки мои и плечи,
 Голос, который прорезался
 В душеньке перекаленной...

Мы встретились: я – ничком,
 Чему бы так кланяться низко?
 Ползу по стволу светлячком,
 Чтоб встретить Подземную Птицу –

– Да нет, она мне не нужна:
 Своих – хоть гарем заводи,
 Просто охота узнать:
 С крестом-ли она на груди!

Прицел перекрестья ходов
 Предел погруженья глубин
 Приют одиноких богов
 Взывающих: Ты не один!..

... Олимпы да эвересты
 Проданы с молотка:
 Я видел и Будду, и Зевса –
 – Но снова бегу на ловца...

Спали в логове. Называется – грот.
 Спелеологи. Каменный век.
 В каждом сердце хозяин – крот.
 Он, прищурившись, ждёт ответ.
 Был вопрос его прям и прост:
 Виноват-ли я в том, что слеп?
 Он глупец, этот жирный крот –
 Но мне тоже нужен ответ!

Я речную гладь
 телом пробивал,
 я песок покрывал красотой –
 А ручную кладь

*по домам терял,—
и всегда оставался собой...*

Но слепой болван научил меня:

дескать, ты не такой, как все —

Тыщцу лет прошло, а тебе не внять,

что всем уже тыщ так семь!

— И зажётся во мне очень яркий огонь:

Любопытство, видать, не порок —

Я на лодку сел, и взмахнул веслом,

И — по Следу Чужих Дорог...

... Всё, как в сказке сказать —

— я иду туда:

сам не знаю, куда,—

: что нести,—

Впереди чей-то зад,

с потолка — вода,—

: как герой приключенческой повести...

Будто струсившая дворняга

юркнула в конуру —

Я в могилу,— однако

однако — хоть зарежь меня, не умру!

Сбоку тонны камней и земли,

Сверху масса лесов и небес,

Чёрный крот мне грозит и велит

И подмигивает Гермес...

Семь подземных смешных королей;

Их бабуся — английская леди;

Их слуга — водокап/водолей —

Но и он ничего не ответит:

Он лишь маленький-маленький дождь

(Как скупы эти тучи камней!)

Но зато эта малость — не ложь:

Это милость пещеры ко мне...

— Может, это и есть та живая вода

И пора мне глаза протереть?..

— Я уж руку занёс: ну-ка крот, помогай!

: Но Гермес не желает смотреть...

Выступление длилось часа три. Пока не кончились кассеты в записывающем магнитофоне.

Десять лет спустя у меня раздался неожиданный телефонный звонок.

– Вы нас, наверно, не помните... Мы были в Никитах только один раз и очень давно, потому что сами не москвичи. А сейчас вот всей командой вновь приехали и хотим сходить в эту замечательную пещеру. Можно?

– Какие проблемы! Входы открыты и на прежнем месте.

– А скажите... В тот день, когда мы там были, у вас в гроте один поэт читал свои стихи – его Игорь звали, а фамилии мы не запомнили. Мы просто в шоке были, так нам понравилось. Что-нибудь подобное сейчас в Никитах происходит? И можно-ли где достать запись того выступления – ведь кто-то писал на магнитофон...

: В этом звонке десять лет спустя – ответ тем, кто до сих пор укоряет меня, что я, якобы, превратил нормальную спелестологию в нечто ей не свойственное. Извратил простое и незамысловатое хождение в Систему никому не нужной социально-творческой деятельностью,–

: Никто никого насильно в нашу Девятку не тащил. Мало того – Склизкий с Крэйзи приложили все свои неслабые силы, чтобы “гостей было поменьше”. Так что кто хотел “простого и незамысловатого общения с Системой”, мог без всяких помех с нашей стороны рассекать по оной. Или “водку пьянствовать” в облюбованном гроте.

Но смогли бы позвонившие мне открыть для себя мир поэзии Салчака, если б я не привёл его в тот день в Никиты???

“Вопрос – риторический”.

* * *

В воскресенье народ стал собираться на выход.

– Командор... Ну так не хочется отсюда уходить,– обратился ко мне Игорь,– давай, ещё хоть на один маленький денёчек останемся?..

И мы остались в Никитах на ещё одни замечательные сутки. Ибо оставаться в гроте *после* праздничного общения (как и на поляне слёта по его завершении) кайф не меньший, чем приезжать первым. До того, как всё только “начинает начинаться”...

* * *

У Игоря было истинно андеграундное отношение к своим стихам. И творимой прозе – до того не похожей ни на что, прочитанное мной к тому времени < если честно: до сих пор не знаю, не ведаю аналогов его прозаической строке >,– впрочем, он был настолько человеком андеграунда, что ни одна филармоническая или любительская мерка была к нему неприменима.

: Он не собирал, не лелеял свои строки и строфы — казалось, вовсе не заботился о них. Рассыпал щедрой рукой, оставляя за собой повсюду, где появлялся – как комета чертит своим растрачиваемым хвостом ночное небо. И не

потому, что ему было плевать – нет. Как иной пишет, не задумываясь о судьбе своих рукописей в том смысле, как бы их продвинуть/пропихнуть в какое-нибудь издательство, ибо на публикацию изначально нет никакой надежды — так Игорь никогда не трясся над своими листками. Более того: относился к ним и их судьбе по-детски наивно. Будто изначально знал: нет в этом никакого проку. Его дело – писать подходящую строку. Остальное — не его.

– У кого-нибудь есть копии твоих стихов? – спросил его как-то у меня дома Шура Деревягин.

– Ну, наверное, есть... а что? Вот, Командор сейчас целых два часа записал. Значит – у него точно останутся.

– А эта твоя проза, про психов?

: У Салчака уже был опыт годового пребывания в тувинской психушке. Как у злого и неисправимого совково-ментовской педагогикой тунеядца.

– Ну, не знаю. Да и зачем? Я пишу – и ладно. Уж если я не заморачиваюсь — тебе зачем?

– А затем. Вдруг с этой твоей тетрадкой случится что? Вдруг с самим тобой?..

– Ну что ты об этом... Видишь же – пока всё в порядке.

– Это пока, – говорю я. – А что может случиться через неделю — кто знает? Не понимаешь, что-ли, в какой стране живём?

– Да ладно вам... Ещё накаркайте. Вот, Коля Якимов у меня целую тетрадку переписал. Значит, если что случится со мной – у него останется.

– У тебя шесть тетрадей. Коля переписал лишь одну.

– Ну, успеется ещё. Что вы меня хороните раньше времени?

: мы не хоронили. Мы предчувствовали. А может, и не предчувствовали – просто знали: ничем иным это не может кончиться. “По определению”.

И в общем, оказались правы.

: осталось три кассеты сделанной мной магнитной записи.

Остались песни, написанные Шурой и Колей на стихи Игоря.

– проза погибла безвозвратно. Вся.

Проза, аналогов которой я до сих пор не знаю.

* * *

О том, что было с Игорем дальше, писать не хочется. Но – по-видимому – надо.

* * *

: Был в городе Челябинске некий Юра Бендитович. Именно он попросил меня, чтобы я сделал челябинской команде

“официальные приглашения” на наш “фестиваль памяти всех фестивалей”. Весьма общительный человек, достаточно образованный и крайне приятный в дружеской беседе за кружкой чая. Знал массу каэспэшных песен и неплохо владел гитарой, – в каэспэшном формате, разумеется. Возглавлял КСП ЧПИ – то есть был его официальным президентом.

Думалось, что Несравненная Челяба не могла избрать себе в лидеры говнюка и прохвоста. А потому, когда однажды он затеял со мной весьма странный разговор, сводившийся к тому, что распущенный властью ташкентский клуб “Апрель” не может теперь называться этим именем, как и претендовать на некое представительство самодеятельной песни города Ташкента – тем более, что власть назначила ему “официального правопреемника”, — значит, не фиг мне ездить на организуемые этими *бывшими каэспэшниками* акции, звать туда народ – и подавно, приглашать их на свои фестивали и слёты памяти Шагала.

– когда он затеял со мной столь странный разговор, я просто подумал: заёб. У каждого бывают заморочки. Переработал, перегрелся при организации очередного концерта. А может, как руководитель *пока не распущенного* властью клуба (тем более, находящийся “на ножах” с официальным городским КСП) *боится подслушивающих жучков у меня в доме*. Потому и трендит столь совково – дабы “не заподозрили”. И не “прикрыли за связь с Чимганом”, – ведь, что ни говори, а положение официально зафиксированного при комсомольской организации института клуба *позволяло ездить на фестивали и слёты за счёт государства*. Имея в качестве бухгалтерской отмазки *те самые* приглашения.

: В общем, не обратил должного внимания. Хотя мне, конечно, было “очень сильно непонятно” — как можно объявить Стрижа, Цыпина или Илюшу Ершова – наших ташкентских друзей – *бывшими авторами самодеятельной песни*. Нам, например, чтоб достойно представлять никитскую спелестологию, никаких официальных бирюлек и справок от власти не требовалось. И вообще: я имел твёрдое убеждение, что официально признаваемые властью клубы самодеятельной песни к развитию жанра и написанию авторами новых песен отношение имеют самое отдалённое. Но каждый человек имеет право на своё личное мнение –

А потому, когда Бенья выразил горячее желание перебраться в златоглавую, помог ему устроиться к себе на работу. На весьма интересную инженерскую должность – причём (что в совковом мире было большой редкостью) по его прямой специальности.

И ссудил деньгами. Хотя рокфеллером никогда в этой жизни не был. Но надо же было человеку помочь?

Помог и с жильём – неподалёку на улице Лесной у моей знакомой Риммы Куперман была свободная однокомнатная квартира. И Бенью на первое время поселили там.

На всякий случай он сделал себе второй ключ. Наверное, полагал – имеет право. Так же как и на пользование этой квартирой по своему усмотрению. Например, для общения с персонами сексуальной необходимости. Ибо Римма эту квартиру всё равно не сдавала, – периодически мы “вписывали” в неё

приезжающих иногородних гостей. Как и я, Римма была большим любителем авторской песни (кстати, познакомился я с ней тоже на Чимганском фестивале) и полагала вполне естественным использование свободной жилплощади знакомыми по жанру.

К этому времени Беня стремительно-быстро женился “на московской прописке” – но поскольку меркантильный брак не обеспечивает должного душевно-полового комфорта, по старой памяти пользовался римкиной квартирой. Я об этом не знал.

Договорившись с Риммой, я взял у неё ключ и передал его Игорю. Ибо он почему-то не хотел стеснять нас с Вероникой. Возможно – нуждался для своего творчества в некой порции одиночества. Недостижимого в моей коммуналке.

После одного из ужинов у нас дома Игорь ушёл к себе на Лесную (идти было пять минут) – но через некоторое время вернулся. «Ты знаешь, там Беня...»

«Ну так оставайся у нас. Или пойдём, я Беню выставлю к чёртовой матери – он ведь не имеет никакого права там находиться!»

«Нет, Командор, я ему сам скажу.»

Я ещё раз предложил ему помощь; Вероника – ночлег у нас дома.

Салчак сказал, что этой ночью будет много работать, и боится нам помешать. Хотя вполне мог устроиться в небольшом моём кабинете, переделанном из старой кладовки, – по крайней мере по моим понятиям четырёхметровая комнатка с отдельным окном, библиотечно-магнитофонными стеллажами и письменным столом вполне отвечала представлению о творческом уюте. Многие мои друзья, оставаясь у нас, с огромным удовольствием располагались там на ночь.

Но Игорь был очень тактичным человеком.

: Наверное, мне нужно было удержать его силой. Или, наплевав на его слова, отправиться с ним на Лесную – и самолично выставить Беню.

: перечить Салчаку мне казалось невозможно-немыслимым. Он выглядел настолько незащитно, что сама мысль об этом не могла прийти в голову. И подавно я не мог представить, что кто-то способен обидеть его.

Тем более – Бендитович. Хорошо знавший Салчака и мне стольким обязанный. Да ещё в столь щекотливой ситуации...

— У Игоря не было документов. Беня вызвал на него мусоров. Сдал на полных правах – как имеющий и паспорт, и возделенный штамп в оном.

: *Салчака отправили в психушку и больше я его не видел.*

Как, в принципе, не видел и Беню. Оставшегося мне должным пару сотен тогдашних совковых рублей (то есть две моих зарплаты техника слабых токов) и десятков кассет с записями “официально несуществующего Чимганского фестиваля”.

* * *

Вызволить Игоря из психушки мы не смогли. Толстая папка с его рукописями – в том числе с замечательной прозой, что потрясла меня даже больше его стихов – оказалась утерянной.

Только и сохранились, что магнитные записи двух концертов Игоря – у меня дома и в никитском гроте Девятка – да оставшиеся у Коли Якимова тексты стихов. К которым он написал столь же достойную музыку. Ибо не написать *такой музыки* к стихам Салчака было нельзя — но сделать это мог лишь один человек в мире: КОЛЯ ЯКИМОВ.

* * *

У этой печальной истории две морали. Первая: за проявленное мной мудозвонство, что полагал *добротой*, мне не расплатиться и на страшном суде. Вторая: *президент официальной совковой организации, пусть даже именуемой “клуб самодетельной песни”, не может быть Человеком.* И пора бы уж мне было это усвоить.

27 ИЮНЯ КАЖДОГО ГОДА

“Но как рана в земле – могила...”

— Договорились, что на следующий день после школьного выпускного прямо с утра обоими нашими командами – “2К-клаан” и “УМ” идём в Никиты.

: Встретиться в последний раз. Ибо потом – поступления в институты, “и как оно там ещё всё повернётся — кому полагается знать?”

27. 06. 76 мы должны были встретиться “под шлямбуром” на Павелецком вокзале. В девять часов утра.

По вполне понятным причинам, на “стрелку” приползло по маленькому кусочку-осколочку каждой группы: я и Мишка Зуев из “Уэма”; Петя Адаскин и Вова Коровин из “Клана”. Почти к полудню.

: Дизеля, Кэпа и Мамонта оказалось невозможным разбудить-поднять; до Танка – дозвониться. Донна Ольга лежала в гипсе со свежеподвёрнутой ногой: удружил мой отец. Отплясывая на радостях получения сыном “среднего арифметического, русскоязычного и геометрического”, так наступил ей на ногу...

‘Аналогично’ обстояло и в “Клане”.

Но мы – поехали.

У никитского Родника встретили ребят, которых до того ни разу не видели

в Никитах.

: Может, просто оттого, что не встречались. Ибо *встреча двух групп под землёй в те годы была – Событием.*

И даже встретившись, старались друг другу не мешать. “У вас своя свадьба, у нас своя”.

: Как встречались, не сильно общаясь при этом, в Никитах ГКС и “Улай”. И ТСХА с ребятами из МАДИ.

“Улаев” мы под землёй не застали; ГКС и ТСХА видели пару раз за эти полгода – не более. С Петей-Кротом сразу получилось нечто вроде плотного и приятного контакта, – по знакомству с нами этак характерно вздохнул – и молвил:

– Ну что ж, ходите... Теперь Система ваша. А если что — примем у нас в Володарах.

: Благословил.

И мы ходили. С такого же благословения почти отошедшего от Никит SCO.

И вдруг – незнакомая новая группа. Разговорились, стоя у Родника. Оказалось, называются “РИФы” – “Романтики, Искатели, Фантазёры”. Возглавлял группу Владимир Иванович Борзов – казавшийся нам тогда взрослым дядькой, – ещё бы: целых 36 лет...

Они занимались на этом выходе тем, что из прекрасно известного нам «Четвёртого Подъезда» *били наверх вертикальный ход. По тому самому, внушавшему подсознательный ужас, конусу чёрной глины. С целью пробиться к поверхности.* Ибо, мол, до этой части Системы слишком далеко от старого входа. Что “на станцию вниз”. А они сделают новый, вертикальный.

: Облюбованная нами для подземных стоянок пятигровая система Дворца была рядом с «Четвёртым Подъездом»; мы полгода таскали туда по шкуродёрам рюкзаки (о трансах тогда не помышляли, не думали) – но *мысль копать чёрный заворачивающий оторопью конус никому из нас в голову не приходила.*

: потому, что просто не могла прийти.

Восхитились творимым ими спелеоподвигом, одновременно внутренне ужаснувшись — и, чтоб не путаться под ногами у настоящих героев (и одновременно наших ровесников) ушли на другую сторону плато: творить нечто аналогичное, рангом под себя.

То есть – раскопать Синеглазку. Или по терминологии первооткрывателей из ГКС – Никитскую-1.

С ребятами договорились, что вечером придём к ним “на чай”.

Чтоб не мешать работе несвоевременным появлением, условились: по окончании работ они пошлют к нам местного парня, Лёшку. Он жил в Никитском в доме прямо против входа в пещеру, – кстати, это был единственный местный, ходящий под землю, – и как раз собирался вечером навестить “РИФов”.

Оставшуюся половину дня копали горизонтальный шурф под нависающим каменным козырьком, вынимая намытый рекой песок. Докопались до гротика,

где прочли имена «СТАРШИНА, СЕРЖАНТ»,— ники ребят из ТСХА. Дата, кажется, была – 1974.

Или 1975.

Поняли, что песок этот каждый год исправно наносит река, поднимающаяся до уровня замытого ей входа; увидели метрах в пяти по склону холма, то есть примерно там, докуда докопались, большую обвальную воронку – естественно, сказали сами себе никитско-хрестоматийное: «КОЗЛЫ!» – и отступились.

: Приготовили обедужин; долго ждали гонца. Потихоньку пили “Варну” – лёгкое сухое вино,– играли на гитаре. Владение инструментом в “Клане” полагалось очевидным для каждого,– как, кстати, и писание своих песен. Не хочу сказать, что они были очень уж замечательны — или кто-то заставлял нас рифмовать строки насильно,– пусть даже пресловутая болезненная гордость, нежелание показаться хуже других,– нет. Желание научиться играть на гитаре было естественной потребностью любого, кто касался мира самодетельной песни. И сама собой приходила *душевная необходимость Творить*. Как ответ на всё, что видели и слышали. И понимали.

: Сидели у костерка, пели Кима и Клячкина. И, конечно, любимых Дулова и Кукина: “Скрипит посёлок дачный обшивкой корабельной...”, “Город”...

Лёшка не пришёл.

Но прибежал – утром.

– Там ваших завалило! Пять трупов!! Машина скорой помощи приехала с ментами!!!

: Оторопь. Боль. Подсознательный *страх перед властью,– ведь свинтят же!..*

: Ребята уехали. Пошли полем в обход деревни,– сразу до Домодедово, чтоб ментам по дороге не попасться.

Я уехать не смог.

Если это и есть моё прощание с Системой,– решил-представил,– то уж *пусть будет до конца*. Полным.

День провёл в лагере, глядел в прозрачную воду Рожайки (тогда ещё – прозрачную); осмотрел окрестности на предмет возможного вхождения в Синеглазку сверху. Механически-вяло, ибо знал: не мне копать.

Просто надо было чем-то занять себя.

Когда стемнело, пошёл через плато ко входу. Лес наверху “крутанул” – как ни разу до того под землёй не случалось. Будто *нечто* не пускало внутрь.

Но добрался до входа. На земле перед которым лежал букетик цветов.

Теперь знаю – оставил Лёшка.

Влез, дошёл до Четвёртого Подъезда. Вместо привычного чёрного конуса – огромный вывал глины. Какое-то полузасыпанное ею тряпье, каска.

У “РИФов” касок не было.

Оставил Лёшка.

По глине вверх уходил тупик метров полутора.

Больше смотреть было не на что.

Пролез в открытую нами во втором походе щель; посмотрел на натёки и

отпечатки ракушек, заросшие кварцевыми кристаллами.

Затем навестил один из аппендиксов Четвёртого Подъезда – в то время мы уже неплохо разбирались в топологии этой части Системы; как нам представлялось, этот ход вёл в сторону реки. К склону холма. Не доходя совсем немного до поверхности —

Пролез как можно дальше; увидел, что из щели в потолке торчат корни.

: Значит, поверхность действительно была рядом. *Почему они не стали копать здесь? Коль хотели во что бы то ни стало создать новый вход в эту часть Системы...*

: Спрашивать нужно Борзова. Хотя смысла в этом теперь не было.

Вернулся на выход с рассветом. Собрал лагерь, уехал в Москву.

Затем в Минск. В военное училище. Думал: навсегда.

Но оказалось, что продаваться, как и сдаваться, не умею.

... Уже в училище получил письмо от Танка, продолжавшего с остатками “Уэма” и “Клана” ходить в Никиты.

Он написал, что знал. Что погиб только один человек – Виктор Шагал.

: Один из тех, кого мы встретили у Родника. (Второй тогда был – Кузнецов Гена, Кракодил. Все эпизоды с его участием, изложенные мной в “ильинском цикле”, истинны: это Имя я изменить не смог. Да и не желал.)

После смерти Виктора у его жены Нины родилась дочь. Назвали Даша.

– В декабре 1978 года я возвратился в Москву. Отдав родине всё, что она пожелала. Там, где приказала.

В первом же выходе в Никиты вновь встретился с Кракодилом — день-в-день со мной вернувшимся из своей армии. Он рассказал, как у них было.

Потом расспрашивал Борзова, с которым познакомил Кракодил. И Володю Брагина. И Лёшу Барсика.

: Всех, кто в тот день был в Системе.

— рассказали они мне примерно одно и то же:

... копали вверх, поднимаясь по тектонической трещине разлома в заполнившей его чёрной глине.

: Под давлением она способна потечь, как вода. Внезапно и не предсказуемо. Сколько весит кубометр чёрной глины – очевидно. Высота холма в этом месте 22 метра. Какой мощности сквозняк будет дуть зимой в вертикальной трубе такой высоты – засасывая из нижних входов ледяной промороженный воздух и соответственно охлаждая пещеру, превращая воду в породе в лёд, разрывающий камень, – вполне можно себе представить. Последствия этого аэродинамического беспредела – тоже.

... для обеспечения подземной безопасности у них был проводной самодельный телефон.

: Касок не было. Да, они не нужны в Никитах, – каской легче выбить замок при движении под хлипким сводом; каска искажает окружающие звуки и создаёт над твоей головой возвышение, которое никогда не

могут принять в расчёт наши чувства, с рождения подсознательно ориентирующиеся на природную высоту черепного свода. Отчего в каске постоянно стучишься о свод. **НО ПРИ РАСКОПКАХ ЗАВАЛА КАСКА В ЛЮБОЙ СИСТЕМЕ СТРОГО ОБЯЗАТЕЛЬНА.** Мы в каждом своём выходе вскрывали по завалу, и оттого без касок не ходили. Танк носил танкистский шлем; я – хоккейный. Дизель и Мишка – мотоциклетные. Зачем при работе в вертикальном раскопе нужен телефон, я по недомыслию своему до сих пор не понимаю.

... первый раз порода сошла, когда наверху работал Виктор. Сошла с боков, отрезав его от всех. Он остался в каверне; телефонный провод действовал и с ним можно было переговариваться.

: Телефон пригодился.

... «как ты, Виктор?..» – «Нормально. Копайте быстрее ко мне.» – «Воздух есть?» – «Пока да».

: Он держался замечательно. По словам всех – ни истерики, ни страха.

... копали. Когда до Вити оставалось совсем немного (дальше версии услышанного мной немного расходятся), он то-ли топнул, чтоб провалиться к ним, то-ли сверху упал имат глины.

: По словам Борзова, к моменту первого обвала было пройдено вверх семь метров. Не буду обсуждать. Но даже в этом случае пятнадцать метров породы давили сверху. Понимаю: они сделали всё, что смогли. За нами не послали потому, что это значило – потерять драгоценное время. Ибо счёт шёл НА СЕКУНДЫ.

... после второго обвала Брагин и Барсик заявили Борзову, что он не имеет права заставлять их копать дальше. Мол, дальше – дело официальных спасателей. Которые “где-то есть”, –

: по версии Кракодила, которую, Борзов не отрицал; в порядочности Гены я не раз убеждался – так что причин не верить ему у меня нет.

... Борзов настучал им по сусалам, сбив истерику.

: Поступок, безусловно правильный.

... Брагин и Барсик отправились в Домодедово “за помощью”; Борзов и Кракодил продолжили раскопки. Вдвоём.

: Почему теперь Брагин и Барсик не обратились к нам, стоящим от входа в Никиты в пятиста метрах – не понимаю. Место своего лагеря мы заранее обговорили с Кракодилом и Виктором, ещё когда общались у родника — чтобы они могли прислать за нами Лешку. Или сходить сами.

... Борзов и Гена выкопали Шагала. В глазах – земля. Дыхания нет. В это время добравшиеся до города Брагин и Барсик позвонили... родителям Виктора. Сообщив новость.

: ...

... Отец Виктора Шагала, уже в то время известный врач, позвонил в домодедовскую больницу и в ментуру.

: Где находился в это время “официальный спелеоспасотряд”, возглавляемый Володей Мальцевым, номер телефона которого был

известен домодедовским ментам, я не знаю. Но в Никитах их точно не было.

... *“помогальщики” из ментов приехали ко входу вместе с врачихой, которая отказалась лезть под землю.*

: Хотя на вызов – выехала. Прекрасно зная, НА КАКОЙ.

... *Кракодил побежал ко входу, разматывая катушку с телефонным кабелем; затем обратно, с “кофром ритуальной помощи”. Врачиха по телефону руководила осмотром тела. Скомандовала сделать прямой укол адреналина³² в сердце. Гена сумел это сделать. И сердце начало биться.*

: В те годы никто из нас не имел никакого представления о подобных вещах – если, конечно, не учился в медвузе.

... *восемь часов они несли Виктора на поверхность. Вчетвером. Телефон для связи с землёй был. Только врачиха забыла сказать Гене, что укол нужно повторять каждые сорок минут.*

: ПРОСТО ЗАБЫЛА. И ЗА ВОСЕМЬ ЧАСОВ НИ РАЗУ НЕ ВСПОМНИЛА, ТОМЯСЬ ТРЕВОЖНЫМ ОЖИДАНИЕМ С ТЕЛЕФОННОЙ ТРУБКОЙ В РУКЕ —

: БЫВАЕТ,—

... *думали: несут живого человека. Вынесли труп. Ровно к утреннему приезду родителей.*

И ЖЕНЫ.

* * *

Вообще-то, действия – точнее бездействие врачихи квалифицируются по вполне определённой статье.

Но родители Виктора — очень мягкие, добрые люди. Зла в этой истории уже случилось предостаточно. Множить его было бессмысленно,— Витю не вернуть, а прочее...

: лучше бы всё равно никому не стало. А вот наоборот — да. И с очень большой вероятностью:

— *Отношение власти к спелестологии* уже тогда было хорошо понятно. Тем более, после уничтожения входов в Сьяны, Кисели – и те же Никиты.

: Что Борзов вёл раскопки на грани неоправданного риска – безусловно. Но любой наш визит под землю априори — тот самый “неоправданный риск”.

: Что раскопки можно было бы вести как-то иначе, и при возникновении ЧП действовать “поумнее и пооперативней” < как минимум, посылать гонцов не в Домодедово за шесть километров к городскому телефону, а за 500 метров на нашу стоянку > — скажет теперь любой. Особенно, если не копал над собой чёрную никитскую глину. Давайте условимся: вначале сделайте для Подземли столько, сколько сделали “РИФы” и столько, сколько сделал “УМ” [не будем

³² Этот момент я цитирую по рассказам ребят и Борзова; на самом деле колется не адреналин, а его аналог.

переходить на Личности, ибо переход этот не в пользу трендил] — потом и трендите осуждающе.

– У меня с Кракодиллом есть некие пожизненные обстоятельства, что даровали нам, помимо нашей воли, право осуждающе оценивать эти события. У Володи Капгера, Миши Байера и Димы Хозара это право не меньше. Но у вас?..

: Что положение Борзова “меж всех стульев” было более, чем рискованной балансировкой — без сомнения. Не принявший, как и Прокофьев, догматы “казенной спелеологии”, организующий независимые поисковые экспедиции по горам Средней Азии и Подмоскovie, добывающий и перерабатывающий мумиё,— консультирующий КГБ по ряду профессиональных вопросов, и тем не только спасавший свою группу от илюхинских атак, но и свой целительный промысел,— который, между прочим, давал ему и “зависимых от мумиё” покровителей в ГБ, и возможность оказывать помощь многим своим друзьям и знакомым в действительно пиковых ситуациях, Владимир Иванович пытался пройти по лезвию совковой бритвы.

– Не буду трендить, был Борзов “стукачём” или этакой “спелестологической бабой Ягой в тылу врага”,— свечи не держал.

Но помог он многим – факт.

Что шаткое положение его после любой акцентации на этих событиях стало бы “более чем определённым” в эпоху разгрома независимых от власти клубов и групп — яснее ясного.

: Много лет после смерти Виктора Владимир Иванович помогал его родителям. Вместе с остальными “РИФами”.

Помогал всем, чем только мог – до самого своего отъезда на Алтай из Москвы.

* * *

— *Фрагменты из письма мамы В. Шагала к его дочери Даше:*

«Дашунечка, здравствуй! Это письмо четвёртое.

Пока есть у меня время и машина свободна, решила продолжить свой рассказ. Начну с того, что отвечу на твой вопрос, который ты мне не задавала – но я его слышу в твоих письмах: “Что же нужно людям в этих тёмных и опасных пещерах, зачем они туда ходят?”

Если бы ты могла слышать Витины рассказы о волшебном свете, который возникает в пещере от огня свечи; о том, как поют сталактиты и сталагмиты³³, – не говоря уже о красоте речки, шуришащей на каменных

³³ Незадолго до смерти Виктор открыл в Никитах красивейшую зону раскарстовки; место это, слава Богу, и теперь известно немногим – так что сохра-

порогах у склона холма, в котором расположен вход (а вернее – “вlaz”) в Никиты, или о сказочной белизне “страны берёзового ситца” (это – роца, по которой идёшь от станции Домодедово до Никит),– ты бы поняла, что эти люди ищут красоту, тишину и гармонию, а несчастье всегда живёт рядом со счастьем, и может найти нас и в собственной спальне.

Я конечно, против бессмысленного риска, но в Витиных действиях никогда ничего бессмысленного не было.

Вообще же в его судьбе я вижу много необъяснимого, и почти сверхъестественного.

Самое же главное чудо – это твоё рождение, ведь ты родилась спустя 8 месяцев и 2 недели после его гибели. Разве это не чудо?

Разве не чудо и то, что в течение 20-ти лет в Никитах каждый год 27 июня собираются сотни молодых людей, которые даже не знали Витю, но рассказы о нём они передают друг другу, вместе с культом его памяти в пещере. А не чудо ли и то, что его друзья заботятся о нас вот уже 20 лет так, как заботился бы о нас Витя: они помогли нам достроить дом в Берёзках, сделать ремонт в нашей квартире,– а главное это то, что они постоянно – рядом: звонят нам, чтобы поделиться своими проблемами, или позвать в гости, если они собираются попеть и даже попить, а ещё чаще забегают к нам на чаёк и огонёк. Я думаю, что у вас в Штатах мир иной, и жизнь устроена иначе — но здесь, оставшись без Вити, а потом и без тебя, мы бы просто не выжили.³⁴

Конечно, больше всего на свете нам хотелось бы быть рядом с тобой, но боюсь, что не судьба. Когда твоя жизнь будет устроена, я надеюсь, что ты захочешь нас приглашать к себе в гости, и приезжать к нам, где бы мы ни были.

Теперь продолжу о необычном, связанном с Витей. Очень странная история произошла с камнем-памятником Вите, который ребята установили на кладбище.

Я попросила Аркадия нарисовать проект памятника, чтобы потом вытесать его из камня. Аркадий нарисовал камень в виде факела и обозначил площадку на камне, где должна быть фотография и пластинка с именем; нарисовал, на каком уровне надо сделать подсечку, чтобы поместить (как символ) сломанный ледоруб,– задал все размеры и поехал с ребятами к пещерам, чтобы подобрать подходящий камень. У подножия склона, в котором находятся Никиты, они остановили машину, вышли и первое, что увидели у дороги – камень в точности такой, как нарисовал Аркадий: факел с готовой площадкой для фотографии и надписи, с подсечкой для ледоруба, и даже со сводом в виде входа в пещеру у основания камня. Им оставалось только привезти и установить этот камень. И теперь он стоит на Введенском

нилось во всей своей волшебной красоте.

³⁴ В 1989 году Нина – вдова Виктора – вместе со своим новым мужем уехала в США; Даше было тогда 12 лет. Цитируемое письмо датировано 1997 годом.

(Немецком) кладбище.

Фотографию этого памятника я тебе пришлю, а фото памятника, который установлен у пещеры, мы тебе привезли в 91 году, когда вы жили ещё в Седерхурсте.

Теперь вернусь к своим воспоминаниям.

В детстве Витя умел очень интересно рассказывать, — он мог описать рыбалку, как нечто фантастическое. Он был способен просидеть над прудом с удочкой на рассвете, часов с четырёх утра и до обеда, а потом с упоением рассказывать, как его сердце вздрагивало вместе с поплавком.

Когда Витя с Ниной стали взрослыми и ходили в походы на слёты КСП, Нина рассказывала, что у их палатки и костра всегда собиралось больше всего народа, и было очень здорово и весело. Хотя Витя сам не сочинял песни, он знал их великое множество и очень хорошо и тепло их пел, аккомпанируя себе на гитаре.

[...]

Я думаю, главный Витин талант был в его солнечности, поэтому рядом с ним всем было тепло и просто.

А за это нам Бог послал тебя, и Витя в последний свой день узнал от Нины о том, что ты у них должна родиться.

Я думаю, что и это не мало значит. / Хотя это и кажется мистикой. /

Так что, за короткие неполные 20 лет Витя прошёл весь свой земной путь: он посадил деревья, построил дом (в Берёзках), сделал открытие (никитские сталактиты) и он родил того, кто пойдёт по жизни дальше и сможет позаботиться о его родителях. А это и есть всё, что Бог завещал человеку, как самое важное.

[...]

Должна тебе сказать, что у нас с Витей с детства были необыкновенные отношения, потому что он никогда не смущался проявлять свои чувства: когда я приходила за ним в школу в младших классах, он всегда бросался ко мне на шею, ни капли не стесняясь товарищей (вдруг они скажут: “маменькин сынок”). Он не стеснялся со второго класса ухаживать за Ниной; провожать её домой, изредка поколачивая портфелем. Он не стремился быть приглашённым или приближенным к мальчику, у которого отец бывал в Африке и привозил ему необыкновенные игрушки и маски, на зависть всем остальным мальчишкам. Он всегда был независимым, и при этом покладистым и добрым. Нинина бабушка его обожала, и Нинина мама Марина тоже, и она очень доверяла его порядочности: уезжая отдыхать (в старших классах) Марина часто просила Витю пожить у Нины, чтобы охранять её.

В школе и Нино, и Витю очень любили учителя, особенно преподавательница литературы, — но была ещё географичка, которую Нина считала антисемиткой, и хотя Витя сам этого не замечал, ну просто не обращал внимания, потому что у него не было никаких комплексов, но к директорисе он ходил объясняться, когда географичка придиралась к Нине.

Нина всегда пользовалась успехом у мальчиков и многие мечтали с ней дружить — но почему-то это никогда Витю не пугало, он, зная себе, провожал

её. Когда они учились в 4-м классе, Витя, провожая Нину в музыкальную школу, сам сдал экзамены и поступил в класс гитары.

Нас он только попросил купить ему гитару, сказав: “Я понимаю, что пианино мы купить не можем, нам его просто некуда поставить, но на гитаре я бы хотел научиться играть”. Тебе, наверное, трудно представить – но до самого Витиного 10-го класса мы втроем жили в одной небольшой комнате, в квартире, где жило ещё 4 чужих семьи,— это называлось коммунальная квартира. Общая кухня, общие (для всех семей) туалет и ванная, и по одной комнатке на семью. К счастью, у нас с соседями всегда были добрые отношения, я тебе об этом уже как-то писала.

В общем, к окончанию общеобразовательной школы Витя закончил и музыкальную. И часто потом говорил: “Мать, я понял, что парень с гитарой нигде не пропадёт”. И вправду, когда он ездил с ребятами в походы на Украину³⁵ и в Крым³⁶, их приглашали петь и кормили во всех купе: ведь студенты жили весело, но не слишком сытно.

От девочек у него тоже отбою не было, он многим очень нравился, не смотря на невысокий рост (как у Давида³⁷),— девочки всегда целили в нём мужественность, порядочность и доброту; к тому же он был прекрасно сложен. Нинина школьная подруга Юля называла Витю: “Маленький Геракл”. А однажды, ткнувшись носом в его плечо, Юля разбила свой нос до крови — такая у Вити была мускулатура.

Я уж ничего не пишу тебе о том, что с детства Витя больше всего на свете любил читать,— это ведь само собой разумеется: в нашем доме все занимались чтением, каждую свободную минуту. Он легко и хорошо учился (отличником меж тем не был и к зубрёжке – бездумному заучиванию наузуть чего-то непонятного испытывал отвращение), но всё-таки, главным в нашей жизни было то, что мы безгранично уважали и любили друг друга. Витя часто говорил: “У моей мамочки лучики морщинок – только от улыбок”. А когда он вырос, то часто признавался, что все его друзья любят своих родителей, но только у него родители при этом – ещё и лучшие друзья.

У Нины детство было более трудным, ведь Лёня с Мариной разошлись, когда Нина была ещё совсем маленькая, и несмотря на то, что они оба её всегда любили, такой благоприятной семьи у неё не было. Поэтому, когда Витя с Ниной поженились, Вите часто приходилось призывать нас к терпению, и его любимая фраза была “Не обижайтесь на неё, ведь Нина у нас – больной слонёнок, а мы – три здоровые слона и должны поддерживать слонёнка, пока он не выздоровеет”.

И мы это всегда старались помнить.

Так уж получилось, что Витя и Нина учились в той же школе, которую в своё время окончил Давид. Школа эта очень сильная, и многие, учившиеся в ней люди, были людьми незаурядными; впоследствии многого достигли в жизни,

³⁵ В горизонтальные гипсовые пещеры-лабиринты Подолии.

³⁶ В вертикальные пещеры Караби-яйлы и плато Чатыр-Даг.

³⁷ Отец В. Шагала.

став учёными, дипломатами и литераторами.³⁸

Витю и Нину особенно выделяла учительница литературы, – за их умение нестандартно мыслить, а Витю ещё и за его песни.

На выпускном вечере в 10-м классе Витя спел две своих самых любимых песни. Я напишу их тебе, потому что обе они кажутся мне в какой-то мере пророческими.

Первая называется “Пьеро” и написал её Вадим Егоров:

Прости меня, дружок, за пьяное про –

На эту болтовню, пожалуйста, не сетуй.

Но знай, что до сих пор заплёванный Пьеро

На тоненьких ногах скитается по свету.

И мы встречались с ним на ленточках дорог,

Не ведая, бредя с Пьеро почти что рядом,

Что просто он подросток, напялил свитерок

И стёр с лица сурьму, белила и помаду.

Но сбросив мишуру фигляра и шута

В нём корчится душа – орущая, былая

И полночью, когда с улыбкою у рта

Людские души спят – душа Пьеро пылает.

И на её огне он стряпает стихи

И дремлет на плече у розоватой зорьки

Рука его тверда, глаза его сухи,

А строки на бумаге солонь и горьки.

Но утро позовёт и сумку, как суму,

Закинув за плечо, он скатится с порога.

И всё же я, поверь, завидую ему –

И всё же я, поверь, иду его дорогой...

Вторая песня – “Журавли”:

[...]

Летит, летит по небу клин усталый,

Летит в тумане на закате дня,

И в том клину есть промежутки малый,

Быть может – это место для меня.

Настанет день, и с журавлиной стаей

Я полечу в такой же синей мгле,

Из-под небес по-птичьей окликаю

Всех вас, кого оставил на земле.

[...]

Чтоб не заканчивать это письмо на печальной ноте, расскажу тебе ещё одну историю из нашей походной жизни. Когда Вите было 11 лет, мы пошли в свой первый поход на байдарках. До этого мы ходили на лодках, а это далеко не одно и то же.

³⁸ Преподавателем дисциплины с характерным названием ТРУД в этой школе был В. И. Борзов.

Этот первый байдарочный поход оказался самым трудным. По неопытности мы выбрали речку (называлась она Сожь) порожистую с каменистыми перекатами, а озёра широкие, глубокие и бурные.

Давид был у нас, конечно же, капитаном,— он обо всех заботился и волновался. А мы про него пели: “Капитан у нас хреновый, не смотря на то, что новый. Ну, а нам на это дело наплевать...”

Однажды в холодный и дождливый день мы шли по очень трудному участку: каменные лбы скрывались под водой, и только буруны указывали на подводные препятствия. Около одного, особенно опасного, Давид решил задержаться и подождать другие байдарки (всего в нашей команде было 5 байдарок по 2 человека), чтобы указать всем на эту опасность. Конечно, все благополучно прошли мимо,— нас же сварливая речка развернула поперёк и плотно посадила на тот самый камень. Давиду пришлось выйти в холодную и бурную воду. Но самое смешное было смотреть на Давида по горло в воде и в плаще, который, как лист лилии, плавал вокруг него, а сверху поливал дождь на его беретик с хвостиком.

Всё окончилось благополучно, он даже не чихнул — а вечером уже мы приплыли в деревню, где нам жарко-прежарко натопили баньку. Потом мы отправились ночевать на сеновал вместе с курами, перед этим хорошенько подзаправившись ухой из окуньков и жареными грибками, которые сказочно умели добывать Витя с Юрой Макаровым. (Юра — это мой сотрудник и наш постоянный спутник во всех походах, у него золотые руки и Витя многому от него научился.)

Нашей с Витей любимой пословицей была фраза из Дж. Кл. Джерома «Плохо устроиться в походе может каждый дурак», и мы всегда старались на привале обустроить свою жизнь красиво и приятно. Вплоть до того, что Витя с Юрой сооружали стол для еды; палатки натягивали, подложив под них еловый лапник³⁹,— когда бывали очень жаркие дни, стол ставили прямо в речке и ели, лёжа на воде. Да и еду готовили со вкусом.

А по вечерам под звёздами пели у костра все ночи напролёт.»

* * *

На этой фразе — что представляется мне достаточно знаковой — я оборву цитирование письма. Ибо песни неотрывно сопровождают нас под землёй и на

³⁹ О, экологическая безмятежность туристов-шестидесятников! Впрочем: все остальные варианты ночёвок в те годы однозначно прививали радикулит. Считая, что эта болезнь уже достаточно изучена и прививать её себе нет никакой экспериментальной надобности, родители Виктора (по профессии медики), поступали единственно разумным способом. Что же до любимой ими цитаты — страсть к комфортному бытию сопровождала все экспедиции, пребывания и походы Никитского Круга; пожалуй, в ней можно усмотреть корни нашего подземного “гротостроения” и “гртообустройства”.

поверхности; представить без них слёты памяти Вити так же невозможно, как принять правоту тех, кто полагает, что в такой, мол, траурный день, нужно вести себя как-то “поприличней”.

: “Песен не петь, не шутить и не смеяться”, –

— *не знавших Виктора не приглашать, чайников строго отсеивать, “толпой не собираться” [“больше трёх не собираться”]*, –

Особенно — не петь песен. Не звать Авторов – старых, “традиционно-каэспэшной ориентации”, и новых, приходящих им на смену – и уж подавно не устраивать никаких “концертов”. Ибо это “пляски на костях” –

Ни больше, ни меньше.

— Но мы год за годом собираемся в Никитском 27 июня (или в ближайшие к этой дате выходные) – зовём новых и старых друзей, – *вовсе не знавших Виктора!*

И поём песни.

Как выпускаем к каждой такой встрече наши традиционные газеты-маразматки, мрачно-патетического в которых не более, чем в концерте Жванецкого.

Хотя философски воспринимаемая боль, конечно, присутствует.

Родители Виктора не против наших газет и нашего юмора; они считают, что Виктору наши песни и ироничные приколы *обязательно бы понравились*.

Как понравились бы все, приходящие в этот день в Никиты.

: Если бы — о, если б! —

* * *

С Володей Капгером меня связывают давние дружеские отношения. Начавшиеся в 1979 году на одном из слётов “туристической песни”. Володя – классический автор этого направления, и отношения наши все эти годы строились в основном под знаком домашних концертов и слётов. Что активно хожу под землю, я ему ни разу не говорил – и в голову не приходило спросить его: а не имеешь-ли ты отношение к нашей Рукотворной Подземле?

Но ‘ворошила в мешке не утаить’ – однажды в разговоре у меня дома тайное стало явным обоим. Выяснилось, что нас не только связывает любимая Система – но и общие, ‘достаточно знаковые’, знакомые.

: Непосредственно в группу “РИФы” Володя не вошёл, – но был школьным приятелем Виктора. Близким настолько, что они с Виктором даже написали в соавторстве несколько песен. Одна из которых, между прочим, заняла чуть-ли не первое место на КТП⁴⁰ 1975 года. (Володя и сейчас иногда исполняет её на домашних концертах, – естественно, с подроб-

⁴⁰ Конкурс туристической песни – не зависящая от власти неформальная слётно-песенная структура, созданная в противовес “официальному КСП” О. Чумаченко.

ными комментариями, как она была написана.) В то время Володя ходил “в леса” (так это тогда называлось) и ездил в геологические партии со своими приятелями Димой-Хозаром и Мишей Байером — личностями, до сих пор весьма известными в кругах туристических песенных слётов.

Мне также повезло быть с ними знакомым,— так удивительно Время складывает порой пасьянсы наших судеб... Но я и предположить не мог, что Капгер, Хозар и Байер ходили в середине семидесятых в Никиты — и что близко знали не только Виктора Шагала, но и всю группу “РИФы”.

Ибо являлись её как бы “теневым шлейфом”, своего рода вольноопределяющимся “хвостом”-продолжением.

И наравне с “РИФами” принимали участие в печальных никитских раскопках.

Когда в 1979 году, после своего возвращения из армии, я познакомился с Димой Хозаром, Володей Капгером и Мишей Байером, мне в голову не могло прийти это. По какой-то причине никто из “РИФов” не рассказывал мне о том, что у их группы были столь замечательные “хвосты”. А потому за 20 лет знакомства я не сподобился поинтересоваться у Володи, Димы и Миши об их “никитском прошлом”. Встречаясь на слётах и концертах туристической и авторской песни, более говорили на эти темы. Не касаясь Подземли.⁴¹ Но неизбежно это должно было произойти — и не столь давно случилось.

И Володя поведал мне ряд деталей, о которых “РИФы” умолчали.

Детали эти достаточно важны, а потому я перескажу их Читателю.

: Вертикальный выход из Четвёртого Подъезда копался несколько выходных подряд. И уже на втором раскопчном выезде у всей группы, включая “хвосты”, сложилось абсолютно чёткая гнетущая уверенность: *будет Беда, ничем хорошим это не кончится*. Уверенность была настолько всеобщей, что ребята решили заявить Борзову: пора с этим завязывать. Копать они дальше не будут.

Борзов постановил: коль “подписались копать” — копать обязаны, иначе вы не мужчины. И уж давно не спелеологи. Как восемнадцатилетних парней можно “завести” подобными разговорами в сочетании с приёмами “на слабо”, понимает каждый.

: Зачем, в силу каких таинственных соображений им обязательно нужно выкопать этот треклятый вход в Систему, никто понять не мог. Борзов до убедительной аргументации не снисходил. “РИФы” были обязаны В. И. Борзо-

⁴¹ Что удивительно вдвойне — Володя Капгер несколько раз приезжал на наши “шагалы” вместе с В. И. Борзовым и родителями Вити,— я наивно полагал, что приезжал он только потому, что был с ними знаком. Так приезжали на наш слёт памяти Виктора многие известные барды, касательство которых Мира Подземли заключалось в выступлении на концерте, на который мы приглашали их в силу наших дружеских отношений. Зашоренность не позволяла мне предположить, что Володя тоже ходил в Никиты — сам же он не считал нужным говорить об этом. Очевидно, из скромности. Или полагал, что мне об этом известно.

ву своими экспедиционными хаджами – ребята искали в горах мумиё, Борзов его перегонял, очищал и сбывал клиентуре, включавшей в себя высокопоставленных работников КГБ, – оттого Борзова, в отличие от прочих распространителей и исследователей мумиё, не преследовали борцы с “незаконной фармакопеей”. Деньги, выручаемые от продажи конечного продукта, с лихвой перекрывали все экспедиционные и походные надобности “Романтиков, Искателей, Фантазёров”. Учтём также, что туристические группы шестидесятых годов и первой половины семидесятых были устроены по принципу жёсткой иерархии, сцементированной общими коллективистскими представлениями тех лет. “Оторваться от коллектива” казалось немислимимым преступлением. Несовместимым с моралью. Материально-экспедиционная зависимость от Борзова и эти социальные представления не позволяли основному составу “РИФов” ослушаться приказа командира-начальника, –

– Капгер, Хозар и Байер, как “вольноопределяющиеся хвосты”, копать отказались.

Согласно современному мнению В. Капгера, *«Борзов намеренно вёл дело к смерти кого-либо из участников раскопок»*, – я дословно цитирую фразу Володи, записанную на одном из моих домашних концертов.

Кракодил, Шагал, Брагин и Барсик решили выехать с Борзовым ещё раз – чтобы на месте, в виду ясно видимых всем обстоятельств, убедить Борзова в авантюристичности его попытки.

И в этом выезде погиб Виктор Шагал.

: Уверенность, что на его месте должен был быть именно он, не отпускала В. Капгера все последующие годы. Ибо обычно именно Капгер работал на переднем крае раскопок – остальные принимали от него снятые пласты глины.

То, что произошло в Никитской Системе 27 июня 1976 года, описано мной в начале этой главы.

: Описано со слов Кракодила и самого Борзова.

Прочее много лет было мне не известно.

Как и весьма странное поведение В. И. Борзова после смерти Шагала:

: *оказывается, он ещё несколько выходов подряд пытался заставить ребят докопать-таки до поверхности этот выход. Ради, якобы, памяти Виктора. Дабы не получилось, что он “погиб за так”...*

* * *

После смерти Шагала Володя, Миша и Дима так и не смогли заставить себя хоть раз вновь погрузиться под землю. Даже разговоры о пещерах стали им чужды, неприятны. Потому при общении со мной не поднимали эту тему. И приезжая поминать Виктора, избегали разговоров о своём былом касательстве мира Белого Камня, Вечной Ночи.

Лишь однажды на одном из слётов КТП у Димы-Хозара вырвалось – когда он увидел В. И. Борзова, непонятно за какой надобностью вдруг оказавшегося

на сцене:

– Слезь со сцены, мудака!!! – заорал Хозар на всю лесную поляну.

Мы с Димой стояли на этом слёте у одного костра; полагая, что вопль был вызван исключительно алкогольным перегревом, я поспешил увести его от сцены к костру. Но-таки спросил: чего это ты, мол, так зол на Борзова?

– Стукач он. Подонок, – ответил Хозар.

– Почему?

– Это моё дело. Как орал ему всегда “слезь со сцены, мудака!” — так и буду орать!

: Это было осенью 1981 года. Слёт проводился в верховьях реки Рожайка, – красивый березнячок, точно такой же, как на горе над Никитами...

Может, эта аллюзия сыграла свою роль.

Да, конечно, водка.

Но что у трезвого на уме...

* * *

Вопрос: *какая сила заставляла Борзова во что бы то ни стало выкопать этот вход в Никиты*, остаётся открытым. Есть несколько мнений — однако гадание годы спустя вряд-ли будет продуктивно.

Да: ЖБК и связанный тогда с ними Ебазар [“Мокрые Галереи”, как их называли первопроходцы из МАДИ и SCO] самым лёгким путём достигались именно из этой точки. Если бы удалось сделать вход – до них во всех смыслах стало бы “рукой подать”.

В 1977 году тогдашний проход в ЖБК и весь участок Системы меж ним и Четвёртым Подъездом был практически погребён под завалом. При этом в остальной части Никит никаких глобальных изменений обвального рода не произошло. В самом ЖБК многотонные плиты из бывшего свода орты, в которую выходил проход со стороны Четвёртого Подъезда, не просто рухнули вниз – отброшены на несколько метров от заваленного прохода, аж до середины проходящего рядом центрального штрека ЖБК, Бродвея.

: Многотонные плиты не летают подобно голлувудовским пенопластовым декорациям, если причина обвала была гравитационной. Гравитационно рухнуло то, что потом стало называться Сейсмозона, – там упавшие (по-видимому, частью от сотрясения, а частью по естественным причинам) плиты лежат в точности на тех местах, над которыми до того висели. Разве что легли, как водится, “не вполне ровно”. Из чего следует очевидный вывод: был взрыв, направленный в сторону ЖБК.

Поскольку гадать не намерен, далее очевидного мои предположения не простираются.

Полагаю, что истинная мотивация Борзова в любом случае останется тайной.

: Не так давно он умер.

И говорить теперь некому и не с кем.

* * *

Мой первый “шагал” состоялся первым моим послеармейским летом 1979 года. С телефонами у многих ходящих в Никиты тогда “было не очень”, да и летнее подземное хождение на порядок пустынное зимнего, – тем не менее, по предложению Андрюши Белкина, за пару недель оставили в привходовом Журнале объявление. Я считал, что нашу памятную встречу лучше назначить на выходные – 27 июня падало на среду – но Андрей сказал: «дата есть дата». И мы с ним смараковали свои рабочие отгулы. Кто ещё сумеет вырваться в Никиты среди рабочей недели, нас не волновало.

: Приехали вечером во вторник под начинающийся дождь. С нами были ЮДА, Ведьма и Виталик Марченко.

В среду обещались подъехать Кракодил, Чукаев со Скворешней и Калошиным, и “вандерерсы”. И “если распогодится” – Борзов, остальные “РИФы” и родители Вити.

Но небо в редком единодушии с госкомгидрометом обещало дожди.

Две наших палатки поставили на поляне за памятником Виктору, что воздвигли “РИФы” – тогда ещё простой каменной пирамиде.

С утра поливал такой дождь, что мысли о костре не возникало: о современных костровых тентах мы не имели тогда никакого понятия.

Палатка ЮДА потекла – он перебрался к нам.

Моя была “в два наката” укутана в полиэтилен – а потому к её брезентовым сводам можно было прижиматься без риска получить ледяную струю за шиворот.

Примус “шмель” гарантировал уют, горячую пищу и тепло — но не когда его окружают пять человек в двухместном объёме.

Гитара тоже занимала своё законное место.

ЮДА с Марченко промокли к утру “по самое ни хочу” и нуждались в согрее.

Знали: надежда, что обещавшиеся приехать действительно приедут (в такую-то непогоду!) – и привезут с собой “согревающее”, – не то, что близка к нулю... Но как-то ненадёжна. Да и делать всё равно было нечего. И вода у нас кончалась. Ждать, пока наполнится дождевой влагой выставленный за палатку котелок, никто не хотел.

Я высказал очевидный вопрос: кто идёт в магазин?

Ведьма сказала, что пока кто-то будет ходить, она в освободившемся объёме приготовит горячий обед.

ЮДА и Марченко и так были мокрые насквозь.

Я посмотрел на Белкина – и понял, что идти мне.

В магазине взял 5 бутылок плодово-выгодной “Золотой осени” – любимых нами ликёрчиков не было, а к портвейну и водке мы испытывали отвращение.

Сгребя их в охапку, доковылял по Пьяной Тропе до родника. Набрал в ос-

тавленный у него котелок воды для чая – и тут понял, что нести в одной охапке 5 бутылок ‘Золотой плесени’ и полный воды котелок трудновато.

Тем более – подняться с ними под дождём вверх по глиняному склону. (Никаких ступенек на нём тогда не было и в помине.)

Но как-то поднялся. Не поскользнулся, не упал. И воды не пролил ни капли. В безмерной гордости от свершённого подвига, подходя к палатке, проорал:

– Встречайте, гады, героя!

: Полог палатки распахнулся и я устремился в отрывшееся уютно-тёплое пространство. Не обратив внимания на центральный палаточный колышек под ногами.

: Все внутри стали мокрые – но ни одной бутылки не разбилось.

* * *

К вечеру приехали Чукаев, Калошин, Завхоз, Кракодил и Пиф.

Гена сказал, что остальные “РИФы” с Борзовым и родителями Вити придут в субботу. “Ибо погода пока не располагает...” И вообще: будний день, никто не может оторваться от города.

: “Время совка”.

Спустились в Никиты – наверху поливало так, что ни о каком поминании речи идти не могло.

Поставили на месте гибели Виктора Свечу; положили букетик цветов.

Вспомнили, как это всё было – для меня и для Гены.

Вадим и Валера спели несколько песен – что на равных любили мы и Виктор.

Потом наши гости уехали в Москву; мы остались до воскресенья.

Отгулы у нас были.

А в полночь дождь кончился.

... на другой год решили: поминаем Витю в ближайшие к 27 июня выходные. Ибо точность, конечно, “вежливость королей” – да с совковым бытием трудно сопрягаемая.

Собралось около 50 человек.

А на следующий год – уже около 100. Все, кто тогда ходил в Никиты.

На “шагале” 1981 года мы впервые сделали свои эмблемы. А в 1980 поставили настоящий памятник Виктору – тот, который стоит у края погубившей его воронки до сих пор.

Известняковые плиты поднимали на своих спинах снизу, от входа в каменоломню; цемент и арматуру привезли “РИФы”.

Проект был профессионального скульптора, знакомого Лидии Ефимовны и Давида.

Кажущаяся простота его — только кажущаяся.

: Это один из самых совершенных в мире памятников, что я знаю.

В 1981 году Юлик впервые спел у него “Спелеовальс” – что стал никит-

СКИМ ГИМНОМ.

* * *

: Можно долго вещать, как с тех лет мы каждый год встречаемся в последние выходные июня в лесу над любимой пещерой. Можно описывать эти встречи год за годом; можно говорить, что для всех, ходящих в Никиты, они значат тоже самое, что сама Система (а для кого-то и больше, ибо не все, кто в этот день приезжают сюда, продолжают ходить под землю – как не все из приезжающих разделяют нашу любовь к Никитам). Можно с гордостью говорить о наших газетах, что, будто в разрез с печалью смерти, делаются к этому дню – почему-то всегда в предшествующую ночь, в невероятной судороге творческого аврала, – можно вспоминать о концертах, что были на “больших шагалах” 1982 и 1986 года, – действительно замечательных концертах замечательных бардов, приехавших к нам со всех концов нашей, тогда ещё единой, державы...

– и о слайд-фильме, снятом в пещерах Старицы, что демонстрировался в 1986 году, говорить можно. Об эмблемах, что не похожи на эмблемы иных “мероприятий” и “слётов” — и печатались, как и рисовались наши газеты, также в “ночь накануне”, — но никогда не продавались, подобно эмблемам каэспэшных песнепоек (чьей бы памяти они якобы ни посвящались), — можно долго и нудно доказывать, что этот наш сбор в Никитском лесу **в принципе не похож** ни на какие слёты и сейшены, что наши встречи в Никитах *иные по самой своей природе* —

: хотя бы тем, что, не смотря на траурную дату, для многих из нас этот день – долгожданный праздник Встречи с друзьями. С которыми по-иному, наверное, не увидеться. Не пообщаться, – таковы реалии городской жизни. Отсюда его внежанровость и добрая толерантность. Отсюда отсутствие акцентации хоть на чём-то, внешне схожем с атрибутами фестиваля СП, рок-сэйшена или туристического слёта. Можно пытаться убедить некоего стороннего в принципе человека, что меж расхожим понятием “груша” – конечно, уничижительно-ироничным – и нашим кратко-ласковым “шагал” *дистанция огромного разлива*...

Мы ведь даже о погоде говорим: “на шагала” в таком-то году было ясно, – как это похоже на народные “на илью”, “на августовский спас”...

: Можно говорить о “шагале” 1990 года – что вернул нас из Съян в Никиты и привёл в Никиты ковровскую компанию Киса, как и наших партнёров по новому освоению Съян. О “шагале” 1991 года, после которого нам было сказано: не воображайте, что это только ваш, никитский, День Памяти — это День Памяти всех спелестологов и спелеологов!

“Шагал” 2002 года породил “никитское лето”: как поставили на нём палатки, так не снимали до середины сентября. На этом “шагале” в Никитский Круг вернулись многие, кто расстался с нами годы назад — и стало видно: никто не ушёл, мы по-прежнему вместе, – что бы кому ни казалось, а главное – какие бы

пряники ни сулила нам “городская жизнь”, наше настоящее — ЗДЕСЬ.

А остальное, оказывается, просто киот. Декорации, выдающие себя за реальный пейзаж,—

— вот это, наверное, важно. Это самое важное: День Памяти Виктора не только соединяет всех нас друг с другом — он соединяет наше Прошлое с нашим настоящим.

И даже когда лично тебе кажется, что всё рассеялось и исчезло, как дым,— обратилось в прах, окончилось, стлело — придя сюда в этот День, понимаешь: ТЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕ ОДИН.

НИ ЧТО НЕ БЫЛО ЗРЯ — НИ ДНЯ, НИ СЛОВА, НИ СТРОКИ. НИ ДВИЖЕНИЯ — НИ ЖЕСТА.

“Шагал в Никитах — больше, чем Шагал”.

Так, кажется.

... ибо в этот день всё в нашей душе соединяется со всем, что есть в Мире. Получается это, наверное, помимо нашей воли.

Но не без некоего нашего Желанья.

Кто не видит этого, а лишь считает выпитые кем-то стаканы и кружки, кого трясёт в этот день от чьей-то доброй улыбки — ...

Причём по самому большому счёту.

* * *

... 1996 год, слёт памяти Виктора. Собственно, даже не слёт. Потому как нас не просто *зримо мало* —

: “Мезопауза середины девяностых”, — как кто-то потом не вполне точно назовёт это время. Женитьбами и военным призывом рассеяло “Башмаков”, и следом их младшее поколение — прекрасную никитскую “Свалку”; ‘потонули в любви мои младшие братья по духу и крови’ — впрочем, что до старших, как и до ровесников наших,—

: всеобщий бум зарабатывания денег наперегонки с инфляцией — кого повязали верёвочные путы промальяпа, кто смотрел на мир через билгейтцевские защитные экраны, кто мерил километры российских и зарубежных дорог перегонными оборотами шин,— кто ковал своё счастье в автосервисе иль в камнерезочно-поделочных мастерских пыль заказчикам пускал — за некоторым ренессансом “никитского хождения” начала девяностых вообразив-представив, что *пещеры в нашей жизни были временны, от совкового безделья и безисходности* — “теперь, когда мы стали старше и умней...”

А кто просто спился. Или уехал, отстояв свои, теперь уж не такие длинные, посольские и овировские очереди. И подавно не столь социально-озабоченные Принципы.

Кладбищенские цветы и поминальные свечи остались от других, “чьи голоса и лица столь много значили в судьбе...”

— Так что сил (как и желания) что-то *организовывать*,

специально делать —

: соответственно. «И не за чем»,— полагаем мы. Те, Кто Остался. Ибо Главное — всегда внутри. В наших душах и памяти,— к чему какие-то “сцены”, эмблемные бирюльки — и, если честно, изрядно поднадоевшая возня с аппаратурой озвучки, неким “официальным концертом”?..

Пусть *те, кто идут на смену, делают* — если испытают такую потребность. А нет, и не надо. Нам вполне хватает того, что остаётся в нас. И в нас пребудет.

: Этого не отнять и не растерять, и оно не нуждается в декларированных внешних проявлениях.

А потому без всякой “предварительной созвонки” просто приезжаем сюда. Помянуть Виктора, те давние события — и Время. И всех, кого больше нет с нами. Кого, увы, с каждым годом становится всё больше и больше.

: Неделю подряд льют страшные дожди; прогноз на будущее “также не балует” — а потому мы с женой стоим внутри, в Системе. В нашем, таком родном и обжитом гроте — что когда-то назывался Сапфир, а ныне — Обитаемый Остров.

: Кажется — последний обитаемый остров в Системе. По крайней мере, для нашего поколения.

: *Ощущение безусловно кажущееся — поскольку не одни мы продолжаем ходить в Никиты, и уж давно — в иные каменоломни и пещеры; да и поляны слётов не пустуют... Как и концертные залы, что привольно распахнулись ‘намедни’ для столь когда-то самодеятельной песни. Но всё равно с этим ощущением трудно что-либо поделатъ — “всё уже и уже сжимается круг”, и на слётах теперь всё чаще мы стоим и общаемся с теми, о ком лишь знали ранее, — кого, конечно, почитали своими товарищами и партнёрами по жанру, но за огромностью наших когда-тошних кругов общения почти не пересекались. Теперь же оказываемся столь близки, что нет в этом желанной когда-то Радости Встречи, но больше — печали. И те, кто приходят вновь — как и впервые, — кто отмечен Даром Музыки и Слова, теперь всё чаще как-то сразу становятся удивительно достигаемы для нас. В отличие от ушедших времён. О которых, конечно, “слова доброго не скажешь”, потому что печаль нашего сжимающегося круга не в том, что “прежде было лучше”, а в том, что будто незримые грабли вершат свою прополку, старательно выкорчёвывая из страны не плевелы, но зёрна. И разрастающийся бурьян глушит старательно возделываемый сад.*

... Приехав в пятницу на исходе дня, у памятника Виктору встречаемся с родителями Вити, В. И. Борзовым,— с ними вместе Володя Капгер и Володя Брагин.

Слова — ни к чему; за годы сказано всё.

Читаем стихи; я вспоминаю строфы Юры Агафонова, Юлика и Игоря Салчака,—

— Володя поёт несколько песен у дымящего под накрапывающим дождиком костра. Поминаем Витю, обмениваемся

немногими новостями. Погода не располагает к обильным “посиделкам” — «но к радикулиту точно», замечает кто-то,— они уезжают в город, мы с женой спускаемся вниз. В уютные и сухие каменные стены.

В субботу днём вылезает наверх — посмотреть, пришёл-ли кто ещё. На поверхности льёт, как из ведра. Вспоминаем прогноз и радуемся, что изначально решили стоять под землёй, а не бороться с осадками. Однако на поляне за памятником Виктору — палатка; приближаемся, “поскользаясь на размокшей глине” — и, Чудо! — слышим голоса Димочки Сергиенко⁴², Кота Васьки... То есть Светы Русовой: той самой, с которой Лещина написал “Долгий Путь Под Звёздами к Роднику”.

— А где сам?..

: Вопрос достаточно двусмысленен, ибо так случилось, что день рожденья Сергея почти совпадает с этим днём. Наверное, в мире действительно не бывает случайностей, и по этому поводу можно “изрядно философствовать”, — так или иначе, но с 1982 года Встреча памяти Виктора не отделима от серёжиного дня рожденья. Празднуемого, впрочем, в достаточно узком кругу. И традиционном. Который с каждым годом тоже становится всё уже и меньше...

— В палатке. Где ж ему ещё быть?

: Из-под тента слышится характерное “МЯУ!..”

— Ответствуем, располагаемся у входа. Спинами под дождём, потому что в палатке не повернуться, место же под тентом занимает Кухня: “шмель”, в канчике на котором пофыркивает *нечто, замечательно ароматное*, — и Сергиенко. “Наш никитский Ниро Вульф”. Что не только по кулинарным способностям, но и по весу не отстаёт от своего литературного “как-бы-эго”. И объём занимает не меньший. А потому покорение никитских шкурников в жизни Димочки кануло в прошлое,— Ватутинки да более просторные старички пещеры пока принимают его. Но это “пока”.

— Что едим? — вздрагивая от льющихся за шиворот потоков воды, интересуюсь я.

— Её.

: Димочка красивым движением извлекает из-за спины початую бутылку.

— А это?..

— Это пока готовим. Чешские шпикачки в томатном соке с базиликом и укропом.

— Мяу... — подтверждает серёжин голос из палатки.

— С костром решили не связываться?

— Сейчас примем и свяжемся. Мы вообще-то ночью пришли, не до него

⁴² Странно — но факт: в Никитском Кругу много ребят с именем Дима, но никого из них собственно по имени никто не зовёт. Вадим, Глаша, Мастер, Хохмач, Хозар, Динамитрий, Димитрий, Димка-Программист,— и так далее,— но не Дима. В случае Сергиенко — Димочка. Крайне уменьшительно-ласкательно, в полном контрапункте с занимаемым им объёмом. И соответствующим весом.

было.

: “Принимаем”. Не чокаясь — за Витю. Тепло посещает организм и становится легче. Из палатки выбирается один из серёжиных учеников с куском полиэтилена и начинает сооружать над нами подобие тента. Помогаю, пока Сергиенко занят кулинарной ворожкой.

Вторая стопка — за Лёшу Круглова. *Только в этот день она может быть второй, — во всех остальных наших встречах она, безусловно, первая.*

Третья — за серёжин день рождения. Так удивительно совпадение этих дней...

— Мяу.

— Мяу.

— Мяу.

Первая порция фантастического блюда готова; Димочка раскладывает её по мискам и ставит готовиться вторую. Кажется, *от такой еды не оторваться* — но, во-первых, “поросёночек маленький”, а во-вторых, нужно заняться костром.

: Занимаемся. Ибо только у чайников в такую погоду костёр не горит — мы полагаем, что *именно в такую погоду костёр в лагере должен полыхать, как пожар мировой революции: году в восемнадцатом.*

Вторая порция готова; Сергиенко призывает всех под тент. Вспоминаем Сашку-Шерифа — как ему *там?*..

: По звуковым письмам-кассетам, что Саша время от времени передаёт с нарочными, знаем — ему там “не очень”. По крайней мере, пока.

Сергиенко берёт гитару. Затем я. Затем Серёжа. И снова Димочка.

Костёр за нашими спинами начинает побеждать воду — спину посещает не только внутреннее тепло, что дарует алкоголь, но и внешнее. Что не менее желанно. Тем более, что “дождь себе льёт, да льёт...”

— Вспоминаем, как почти такая же непогода чуть не сорвала слёт Шагала в 1982 году,—

Под стопочки с алкоголем и поистине божественную трапезу, творимую Димочкой, рассуждаем, что где-то на иных Мировых Линиях — сиречь, Тенях/Отражениях — этих проклятых потоков нет,—

— Так за чем дело встало? Считай, что и здесь сухо. Главное, забудь о том, что что-то льётся. И окажешься *там*.

: Самое удивительное — за серёжиными песнями, стихами, тралом, трапезой и алкоголем *действительно забываем* —

— вдруг с удивлением видим, что вокруг светит солнце. “И прочая эт сетера”. Словно дождя не было. Словно не сидели мы только что в мокрых насквозь комбезах... И так уютно и здорово горит Огонь, и приходит кто-то ещё,— Юлик, Юра Кирин и другие наши друзья...

: Те, кто только в этом году пришёл в Никиты, и пришедшие в прошлом году — все собираются у этого уютного костра. И палатки свои ставят рядом. За

редкостью нашего теперяшнего хождения многие впервые видят друг друга,— я знакомлюсь с бравой командой Сержанта; они — с нашими никитскими ветеранами...

И кажется, что никакой “паузы” в нашем хождении нет — мы сидим у общего костра, несколько поколений,— кто только познаёт нашу прекрасную Систему, кто думает, что знает её “вдоль и поперёк” — и те, кто уверен, что знание это обманчиво.

В полночь с субботы на воскресенье у памятника горят свечи и бенгальские огни, и звучит рашпилевская «Мы под землю ушли раньше времени...»

И когда под утро приходится возвращаться под землю, и ползти полкилометра по шкуродёрам до своих спальников в гроте — меня это уже не радует.

Но, *что интересно*: несмотря на дневное сидение под потоками воды в мокрых комбезах и последующее ползание по холодным камням на локтях и коленях — НИКАКИХ ПРИЗНАКОВ завещанного нам “отъехавшими” РАДИКУЛИТА.

Наверное, этот день переносит нас всех на Мировую Линию выше.

* * *

Певзнер сказал: наш подземный андеграунд ‘по определению’ не просто подлинный — *подлинный вдвойне*.

Ибо сложились в нём — наше медитативное подземожителство, прикольно-весёлое бытие, что априори вне каких-либо отношений с властью и разного рода её проявлениями; наши занятия теми областями Знания, что не очень-то приветствовались официальной наукой —

— здесь же: ‘фитили’, что нам время от времени вставляла власть за нашу спелеовольницу — то в виде бетонирования входов, то в виде их взрывов, то репрессивно-карательными акциями иного рода и запаха,—

— но главное, по мысли Пева, заключалось в том, что мы [Никитский Круг, ибо в данном случае речь вести можно только о нём] через годы совка и последующие испытания перестройкой и капитализмом по-новорусски пронесли и сохранили во всей душевной целостности *творческую составляющую* культурного импеданса Мира Подземли — Его Величества Андеграунда.

: Выражалось-ли это в творимых нами прикольных газетах, в проведении слётов памяти Виктора Шагала, подземных сейшенах, концертах бардов, творении стихов, песен и прозы, архитектурном украшении пещер и гротов, расширении их окоёмов, занятиями “подпольными отраслями науки”, писании картин, “творческом оборудовании” наземных стоянок или тотальном неприятии любых проявлений Власти — не столь важно.

: Важно, что всё это сохранилось в своей главной духовной составляющей — как бы ни менялись наши пристрастия и взгляды, музыкальные или литературные вкусы, экологические или религиозные воззрения.

Так сказал Певзнер после своего возвращения из эмиграции (длившейся 18 лет) — и если человек Никитского Круга, на столь зримый срок разлучённый с ним, при новой встрече тут же говорит не просто о преемственности поколений — о ясно обозначившейся Традиции, с ним можно согласиться.

Тем более нам, для многих из которых духовная сущность Подземли все эти годы являлась главным жизненным стержнем.

Кто вне Андеграунда жизни своей просто-напросто не представлял.

Как думается мне (наверное, мысль сия прозрачно-банальна), главную роль в возникновении — и сохранении этой традиции сыграли наши слёты Памяти Виктора Шагала. Зримо воплотившие/соединившие в себе, пожалуй, наиболее важные ипостаси нашего “андеграунда вдвойне”: спелестологию и музыкально-творческий андеграунд. Равно чуждый что дешёвой самодеятельности сейшенов типа “груши”, что эстрадно-развлекательных мероприятий “стадионного рока”. Типа “пивных крыльев Тушино”.

— И уж подавно далёкий филармонически ангажированной пустоты Самоцветов-Никитиных, Сукачёвых-Киркоровых, — и иже с ними.

: “Шагал-2003” снова поливается дождём.

Ливнем, потопом. Но не смотря на столь каверзные метеорологические условия, разворачивается звуковая аппаратура (мощностью около киловатта), — сцена по традиции изгнана из нашего подсознания, но тент приходится навесить. Причём не только над выступающими — и по периметру шагальной поляны, над головами слушающих.

Спелестологическая часть слёта проводится под землёй и заключается в экскурсиях по нашей любимой Системе. Часть гостей с удовольствием скрывается от осадков где-то под нашими ногами, лишь к началу концерта выбираясь на поверхность.

Машины буксуют в непролазной грязи — но тем не менее, вопреки природе (и разгильдяйству продюсеров концерта, что являет собой зримое воплощение неотделимой от понятия Андеграунда безбашенности) Авторы не только доставляются до места слёта — но и эвакуируются после концерта в Москву. Те, кто были на этом “шагале”, помнят, какой это был подвиг. И какой степени.

Аппаратура во время концерта ‘вылетела’ только один раз — и то лишь потому, что Центральный Костёр по иронии судьбы развели на втоптанном в грязь силовом кабеле, шедшем от питающей аппаратуру мобильной электростанции. < Точно попали. При вскрытии каменоломни с поверхности таких точных попаданий ни у кого из нашей команды не было ни разу в жизни... > Но уже через 10 минут звук был восстановлен.

И концерт обошёлся без срыва — ибо в момент короткого замыкания у микрофонов пел Миша Башаков, — он спас положение. Мгновенно сориентировавшись в обстановке и запев общеизвестную “Ничего на свете лучше нету — чем бродить в Системе, да без свету...”

: даже овация получилась. Вместо ‘раздраже’ и проклятий.

— Здесь, наверное, нужно упомянуть хотя бы основных авторов, выступавших на этом концерте — ибо это были:

Кирилл Комаров (Питер), Александр Репьёв (Москва), Мэри Рыженко

(Одесса), Группа “Зга” (Рязань), Сергей Калугин (Москва), Группа “Недра” (Чехов), Юлия Теуникова и Саша Сорокин (Москва), Маша Бейнарук (Домодедово), Александр Чекалов (Москва), Александр Непомнящий (Ковров), Сергей Морозов (Питер), Анатолий Багрицкий (Таганрог), Костя Кудряшов (Москва), Игорь Бычков (Москва), Алексей Тиматков (Москва), Михаил Башаков (Питер),–

– “и на распасе скромный автор этих строк”, предъявивший несколько своих стихотворений. Ибо “по гитарной части” рядом с приведёнными выше Авторами мне и на одном поле находиться заказано.

Часть выступавших работала “в электричестве” (в такую-то погоду!),– часть в традиционной акустике.

Концерт начался около пяти часов вечера в субботу — завершился в шесть часов утра в воскресенье.

Было много эксклюзивных “джемов”,– то есть совместных импровизаций музыкантов из разных команд⁴³,— слава Подземным Богам, несмотря на осадки, запись удалось сделать вполне приемлемого качества. Хотя, как ведёт себя звуковая аппаратура в подобных условиях, представить способен не каждый. Но доброе отношение публики (стоп: не публики – участников События!) равнялось доброму отношению выступавших гостей.

Что, конечно, на иных слётах встречается редко.

— Теперь представьте, ещё раз взглянув на список: кто-то должен был оплатить авторам дорогу до Златоглавой? Немало стоил нам и тираж эмблем – впервые заказанных в типографии.

Пришлось эту задачу решать общепринятым способом – продавая эмблемы за деньги. Наступили идее на горло,– но деться было некуда.

Часть средств дала продажа компакт-дисков с записями “Шагала-82”, ремастрированными мной специально к этому событию, и дисков, созданных на основе “никитских концертов” (подземных и домашних) выступающих авторов.

: Благодаря этому бюджет слёта удалось свести “один-в-один” без помощи сторонних спонсоров.

Но ценой, конечно, невероятных усилий постоянных участников Никитского Круга – монтировавших звуковую аппаратуру и отвечавших за “энергетическое обеспечение” слёта, за приезд и отъезд выступавших гостей, их кормление, размещение в тёплых палатках и соответствующую погоде амуницию,–

– немало сил отняло также у наших квартирьеров создание специальной площадки для стоянки машин и дороги до поляны слёта,–

— и сколь бы ни было меж нас противоречий (не все в Никитском Кругу толерантно относятся что к самодеятельной,

⁴³ Как некий показатель, можно привести следующий факт: приехавшими Авторами на этом слёте было написано три новых песни. Из них две – памяти Виктора Шагала. Они были спеты буквально “с листа” уже под утро, на завершении 12-часового концерта.

что к авторской песне, что к акустическому русскому року, и киловаттное гремяние концертного звука для кого-то было головной болью; кто-то предъявил организаторам слёта вполне справедливые “экологические претензии”),— сколь бы ни было трудно всё это организовать, подготовить и провести, тем более под сплошными осадками,—

: прошёл слёт – и даже противники его (имеющие в Никитском Кругу не меньшее право голоса, чем любой иной его участник), поняли:

: *этот день переносит нас всех на Мировую Линию выше.*

Он — и наша светлая Память.

* * *

... слёт памяти Виктора Шагала 2004 года уже просто немыслимо было делать без “Большого Концерта”. Ибо одних только авторов, изъявивших желание приехать в этот день в Никитское – какие бы погоды ни сулил гадающий на метеорологической гуще госкомгидромет – насчитывалось более 30.

Но интернетные наши контакты и случившиеся подземные открытия (в том числе вскрытие майской старицкой экспедицией Никитского Круга КА-2) требовали “аналогичного спелестологического противовеса” — ибо не одни песенки складывают наше общение с Подземлёй.

А потому слёт памяти Вити решили совместить с междугородней спелестологической конференцией.

Как и Старицкая конференция, “де-факто” она получилась международной.

Хотя *кое-кто* из “московских официальных спелестологических кругов” (появились такие, вроде бы даже где-то “официально зарегистрированные”) ворчал, что “конференцию” нашу они не признают, участвовать в ней не собираются, “и вообще: *Никитский Круг не имеет права проводить никаких спелеоконференций, поскольку, как “официальная организация”, нигде не зарегистрирован и, стало быть, не существует*”,—

: Бог им судья. И их странному мнению о том, что есть спелестология.

На этой конференции было показано пять подземных видеофильмов и компьютерный слайд-фильм, прочитано 10 докладов. Участники “конференционной части слёта” представляли спелестологические объединения и группы из восьми городов, трёх стран.

Сцену, как обычно, не делали – ибо слова “андеграунд” и “сцена” в принципе несопоставимы – но поляна за памятником Виктору была оформлена достаточно художественным образом: “творчески метаморфизованными” банерами, привезёнными командой Сержанта, и нашими лучшими газетами-маразматками.

Эмблемы, как и в прошлом году, пришлось продавать, чтобы оплатить проезд прибывших для участия в концерте рок-музыкантов и бардов.

Звуковая, компьютерная, световая и видеодемонстрационная аппаратура

питалась от бензинового генератора мощностью в 2,5 кВт.

Неофициально-домашняя часть слёта, как обычно, началась в четверг. Вечером в пятницу – спелестологическая. Закончившаяся около трёх часов по полудню субботы.

По завершении спелестологической программы начался концерт – который открывал Володя Капгер. Закончились музыкальные выступления около семи часов утра в воскресенье.

Но ещё сутки продолжалось наше музыкально-спелестологическое костровое общение.

* * *

... “Большой концерт” на слёте Памяти Виктора Шагала с приглашаемыми иногородними авторами всех любимых нами музыкальных жанров стал такой же традицией, как и спелестологическая конференция.

На слёте 2008 года, помимо этого, был показан полнометражный фильм о Викторе Шагале – «Куда плывут дневные облака». Фильм замечателен во всех отношениях — но снят, увы, не российскими, а германскими и американскими кинематографистами. Что, наверное, по-своему знаково.⁴⁴

– И что бы ни ворчали в очередной раз обделённые приглашением “поруководить” т.н. «лидеры московской спелестологии», *Никитский Круг оставляет за собой право решать: как нам проводить этот день, кого приглашать на него — и как организовывать это событие.*

Ибо этот день – День Памяти никитского спелестолога Виктора Шагала.
Равно любившего мир пещер и мир песни.

*Право, каждый здесь не случаен –
Раз судьба собрала нас вместе.
Для друзей, это точно знаю,
Слёзы горькие в этом месте.
Вновь давящей лавиной хлынет
Глина – чёрная здесь такая...
Кто-то помнит его и ныне,
Даже вовсе его не зная.
А он был – ну совсем такой же,
Как сегодняшние ребята...
Помнить миг,
что не стало больше –
Это наша простая плата.
Всё, как раньше:
Черна та глина...*

⁴⁴ В Интернете его можно увидеть по адресу <http://torrents.ru/forum/viewtopic.php?p=21046919&rnd=257244605#21046919>.

*Речка та же,
И те же скалы –
Но, как рана в земле,
Могилы
Спелеолога В. Шагала.*

ДРУГ В ДАЛЁКОМ ДАЛЕКО

“Кому мы строчим наши письма?..”

: Стриж

∴ так, наверное, не бывает.

Или бывает – но не с нами. С кем-то иным. У меня почему-то, – в силу какой милости Бога, не знаю — случилось.

Произошло –

: Открыл книгу. Нет, поначалу не книгу. Некий текст. И ведь, если разобраться, *даже не текст!* – мешанину напроць изуродованной безграмотной компьютерной обработкой рукописи, –

— Конечно: открыл “не просто так”. Ибо прочёл в изданном стараниями Б. Р. Мавлюдова уникальном сборнике РСС два недлинных рассказа. Прочёл – и понял: *почти моё*. Не смотря на языковую и тематическую разницу с тем, что писал сам, это, всё-таки, было ко мне ближе всего. Из не столь обширного списка изданной в нашей стране спелеолитературы.

В отношении Паши Пилигрима всё по другому, всё иначе: Слово Друга, видящего мир точно так же, и притом слово соратника, “коллеги по жанру” и ровесника — это Слово обречено на любовь. Что же касается не менее любимой мной книги Андрея Нора – было (и остаётся) радостное узнавание очень похожего на нас мира; прикосновение к Жанру, которым в середине восьмидесятых тоже пробовал заниматься – да вовремя понял, что не разорваться меж трёх стихий, – радостно было читать и вполне совершенные строки, написанные, согласно признанию автора, “непрофессионалом”. Более ни к одной из прочитанных спелеокниг сходного чувства не возникало. Жюль Верн, Холидей, Сифр, Кастере, Волков вызывали соответствующей возрасту восторг, – Холидей, впрочем, ещё и усмешку, а Сифр – некоторое негодование; монографии Гвоздецкого и Дублянского были интересны лишь своей информацией. Книгами их считать, конечно, не мог. Собственно, на учебники они тоже не тянули. Ибо “Занимательная физика” Перельмана или “Физика для любознательных” Роджерса – это Учебники. Наверное, монографические сочинения светил карстоведения относятся к жанровому балласту, подпадающего под определение “вольного траля полуввысоким языком”. Ибо Подлинный Учебник всё-таки, Литература. Обладающая не меньшей магией, чем детектив. Или мемуарные

изложения Кастере и Сифра.

: Из всех спелеолитераторов только Якуч смог пробиться в мою лимбическую систему – в основном, благодаря внутреннему сходству с присутствующим нашему кейвингу раздолбайством,–

— *и вдруг читаю ЭТО. Понимаю сразу и безоговорочно: моё. Написанное таким же, как я.*

Купило даже не описание кейвдайвинга, от которого пришлось отказаться – с болью продавал Чёрту перед Каунасской экспедицией свою “Украину”, специально переделанную для подземного плавания; Грише акваланг был нужнее во сто крат, чем мне, сделавшему выбор в пользу спелеонавтики — продавал, и плакал. Понимая: как бы ни манила Голубая Бездна пещер – невозможно одновременно посвятить себя спелеодайвингу и длительными подземными пребываниями. “Или/или”,– потому что и тем, и другим, всерьёз заниматься можно было только с полной самоотдачей. Отложив-отставив прочие интересы. А “не всерьёз” —

: “Нельзя быть немножко беременным”,– пусть банальность, но как возразить ей? В своё время я уже сделал выбор меж вертикальными пещерами и спелестологией. Мотивация не отличалась.

О выборе не пожалел.

И тут читаю – у одного автора, в единых, по сути, произведениях,– о мирах, от которых пришлось отказаться...

— Но купился, как уже писал, не на это. Купился на язык. На Слово, как на живца. Ибо слово это не просто было *живое*,– за ним стояло то самое, о чём поведал Блейк. И это “то самое” ничем не отличалось от того, что диктовало мне мои фразы и строфы.

: не удивился, что прочитанное никогда не было издано в нашей стране. Не удивился истории о том, как эти прекрасные повествования отвергались издательствами в течение десяти лет. Чему удивляться? Это было естественно.

Я, наверное, страшно благодарен (не знаю, как сказать иначе, “более правильно”) Булату Рафаэлевичу за то, что он включил в свой прекрасный Альманах рассказы Константина Борисовича Серафимова.

: Признателен – более, чем Гвоздецкому, добившемуся *разрешения* на перевод и издание извращённой версии книг М. Сифра.

: *Не знаю, как – и чем – мне выразить эту признательность.*

... какое-то время пребывал в неприятной уверенности, что более об этом славном авторе ничего не услышу. Ибо услышать – откуда?.. Тем не менее, напряг/озадачил всех своих подземных друзей и знакомых.

И вдруг на принесённом мне ЮДА пиратском диске “Всемирной библиотеки” – архивированном так, что вместил в себя около 10.000 томов, то есть конкретных произведений (!),– диске, что упрямо не хотел “раскрываться” на моей машине,– в оглавлении-описании, в разделе под названием “Приключения” обнаружил папку “спелеология”. Признаться, не ожидал, что встречу там что-либо новое для меня. Что там могло быть, кроме Кастере или Сифра?..

Но случилось так, что в одну из наших совместных “рабочих ночей” с

Юрой Долотовым – когда мы без сна и отдыха штурмовали создаваемую нами Первую Полномасштабную Классификацию Рукотворных Подземных Полостей – в минуту полного отупения и острого расхождения во взглядах на подземные комплексы Лалибелы, я предложил Юре “в порядке переключения” взломать нераскрывающийся диск.

: Если в иконках “ворда” я тогда явно опережал Юру – в том, что касалось всевозможных “паролей”, “архиваций” и переводов файлов из одного формата в другой, Юра был выше меня на голову. Не прошло 15 минут, как некий “спелеотекст” был выведен на экран монитора. И я увидел...

: Поначалу – лишь несуразную мешанину слов. Без знаков препинания, прописных или строчных букв, разбивки на абзацы...

: Явное следствие безбашенного “перевода” пиратски скаченного из Интернета файла.

– Абзацы и некое подобие точек, разделяющих предложения, появились минут через пять. Как и дефисы, что заменили прочие знаки.

– Дальше работай сам, – сказал Юра.

– Легко.

И уже через месяц кропотливой реставрационной работы предо мной был полный и неискажённый файл «Экспедиции во Мрак» – центрального произведения Константина Борисовича. Во многом столь остро перекликающегося с моим, в то время уже творимым “Итогом” — что хоть плачь.

: ОТ РАДОСТИ.

... так трудно было, отрешась от всего, довести до конца работу по приведению дарованного мне текста в “литературно-божеский вид”! В процессе возвращения формата взгляд случайно выхватывал фразу, – скользил по ней, и уже не мог оторваться... К чёрту сомнительные дефисы, отсутствие “ё”, тире, “;” порушенные шрифты, переносы, “абзацы всему” и прочее — читал, не в силах оторваться. И тихо выл: так удивительно-точно – и крайне своевременно! – падали строки Константина Борисовича в уже написанные мной главы “Мэйнстрима”, – так подтверждали и аллитерировали *мою правоту, Мою Позицию* —

Поражало, как вовремя удалось найти и открыть этот текст. Поражало, что меня вывели на него мои Друзья и Коллеги по Жанру, – сами об этом не ведая, – в очередной раз не могу не воскликнуть: – **Что мы без наших друзей?!**

∴ Читал «Экспедицию во Мрак» – и каждой клеточкой своего тела ощущал: ОБРЁЛ НЕ КНИГУ, – ДРУГА. Читал – и вёл нескончаемый разговор с её Автором, – не спор, не монолог — Диалог. На равных.

С каждой фразой и мыслью. Плавно сходя с ума от счастья этого обретения.

Казалось, не 21 “элдживый” диагонально-экранный дюйм виртуального пространства предо мной, не значки-символы десятилетней, наверное, давности — *живой человек*. За тем же столом, рядом, –

: “Так, наверное, не бывает. А вот со

мной – было”.

* * *

Я начал осознанный спелеопуть с крымских вертикалок, продолжил его кавказскими гигантами того времени и гляциопещерами — не избежав всеобщего паломничества в горизонтальные лабиринты Подолии и в уральские горизонтально/вертикальные пещеры, как и увлечения подземной водой,— чтобы в конце концов прийти к спелеонавтике и спелестологии. То есть кейв-дайвингу в самом прямом его воплощении. К. Б. С. начинал с полюбившихся мне больше всего на свете подмосковных Рукотворных Систем – но пришёл к современным вертикальным супер-гигантам Кавказа и Средней Азии, к кейв-дайвингу. Через тот же Подземный Урал. Наверное, это не просто “совпадение от обратного” – на уровне общего для нас обоих какого-то периода детства, проведённого в Ставрополье. В нашем пути, пройденном встречно друг другу, как и в совместно прожитом параллельно-непересекающемся Времени, в творимых так унисонно и так независимо друг от друга строфах и строках заключается *Большее*.

: Истинная Суть Подземли — что недоступна для постижения, наверное, 90 % тыкающихся “на эзотерическую ощупь” в подземных окоёмах.

* * *

«Можно любить только пещеры и отдавать им все своё время. Но пещеры безжизненны без людей – а люди и общество неразделимы. Можно сколько угодно прятать голову под крыло, делая вид, что тебя ничего не задевает, или пассивно ругать всё и вся, но толку от этого мало. Этого-то — надо понять! — только и нужно тем, кто ввел и удерживал страны бывшего, а тогда ещё здравствующего Союза, в состоянии величайшей депрессии.

И в кейвинге, конечно, тоже.»

: К. Б. Серафимов, “Экспедиция во мрак”.

* * *

: Я долго пытался связаться с Константином Борисовичем. Жгло написанное им, и хотелось цитировать его строки,— но разве можно было это делать без специального разрешения? С помощью друзей – Антона Прохоренко и Крэйзи – нашёл Усть-Каменогорский адрес и телефон. Долго пытался дозвониться. Потом узнал буквально оглушившее меня известие...

* * *

... Очередная потеря. На одного замечательного спелеолога стало меньше в нашей стране; одновременно – на одного *настоящего писателя*, пишущего о Мире Подземли. Одного — из столь немногих!..

: Не выдержав изматывающего противостояния с костью, авторитарностью и чиновным диктатом в избранной им вертикальной спелеологии (где аффикс “логия” стоит по праву),– не выдержав бытия в постперестроечном Казахстане < ибо *жизнью* это со всей очевидностью назвать невозможно),– Константин Борисович перебрался на постоянное место жительства в Израиль.

Что ж: наших спелеологов там уже не меньше, чем в Америке. Не меньше, чем казспэшников и “просто наших”,– не хочется говорить “бывших”,–

Ибо незримые узы Жанра и Творчества продолжают связывать нас.

«Но всплывало дерьмо – из *оставшихся не настоящих*,– и его наши парни с усмешкой пихали нам в рот!»

: *Рогожников издан, по меньшей мере, дважды.*

Издана примечательная книга Мальцева; непостижимо-загадочным образом сумели пробиться (хоть в мягкой обложке!) к Читателю Андрей Нор и Пауль Пилигрим,–

Издано много разного рода спелеолабуды, по сравнению с которой даже бред Рогожникова “достоин рецензии” (и они, конечно, последовали),–

Но ни одна из написанных Константином Борисовичем книг так и не напечатана в нашей стране.

И страна с упорством душевнобольного продолжает выпихивать из себя “на Запад и на Юг” всё разумное, доброе, вечное.

* * *

: *Может, там ему повезёт больше.*

— Мы попробуем остаться. Удержаться, как бы ни сжимало нас скотское Время (точнее – слепые поводыри его),–

— пусть на самом краю той душевной ойкумены, что дарует мир любимых пещер.

Ибо оставить их кажется невозможным.

А потому продолжим эти строки — диктуемые во многом моими друзьями: теми, кто избрал, подобно мне, отказ от любой “попытки бегства”,– и теми, кто удержаться на этом краю не смог.

Кто уже выше нас и диктует свои слова нам *оттуда*.

«Помоги, Боже, оставшимся, уехавшим и ушедшим!»

– самая краткая молитва. В нашей стране не вижу более актуальной.

Безусловно: “Экспедиция во Мрак” Константина Борисовича Серафимова многим российским спелеологам – как кость в горле. Особенно тем, кто до сих пор пребывает в распашоночном совковом возрасте. Но поверьте: *это – лучшая книга о спелеологии в нашей стране.* Константин Борисович не мог не понимать: труд его жизни никогда не будет напечатан, издан — уж если достаточно художественно и “мэйнстримно-мягко” выполненные рассказы не пробились сквозь издательские завалы к Читателю,— какая судьба могла ожидать книгу, написанную исключительно аргументировано и искренне?..

: “В нашей стране”...

: *Смешно.*

— И тем не менее, *писал.*

И нашёл своего читателя. Хотя, наверное, это не представлялось ему возможным.

: Строки, что пишутся без надежды на публикацию, требуют от нас неимоверно большего напряжения сил – чем те, что сулят публикационную славу.

“Пишущий в стол” подобен Дон Кихоту. Осознание этого состояния – воспринимаемого окружающими, как безумство – сил не прибавляет. Лишь исключительная уверенность в своей правоте, да ведущий нас через жизненные тернии Зов Подземли дают опору нашему Слову.

Но, увы — не бытию.

К сожалению.

— А, собственно, что я печалюсь? В Израиле не меньше пещер, чем в любом другом месте. И уж побольше, чем, скажем, в Сахаре. Нет “весьма глубоких”?..

: *Так это пока. Пока Константин Борисович Серафимов не организовал в Хайфе или Иерушоломе клуб “Сумган II”. И пойдут километры,— да ещё какие! Можно представить себе, сколь замечательны тамошние минералогические особенности термокарста в сочетании с лавовыми пещерами и известняками,— как удивительно-красивы солевые пещеры Мёртвого моря —*

: *аж дух захватывает. Но ведь и искусственных пещер – храмов, каменоломен, рудников и подземных городов в этом районе ВЬШЕ ВСКРЫШИ.*

Даже неизвестно, чем интереснее заниматься спелеоисследователю на этой Обетованной Земле (точнее, под ней): спелестологией или спелеологией. Вспомним про рукописи, найденные в Кумранских пещерах; про останки “переходного звена” меж неандертальцами, кроманьонцами – и их предками в пещерах Схул и Табун. Вспомним о Беер-Шева и Петре Аравийской, о подземных ходах иерихонских крепостей. О каменоломнях и катакомбах Иерусалимского холма, о криптах тамошних храмов — и в принципе неисследованных ещё

многокилометровых системах древних иерусалимских подземных ходов, тоннелей и туннелей.

Вспомним, что спелестология началась с Палестины: с первых подземных исследований её Игнатием Стеллецким. И в общем-то, процентов на 90 это до сих пор *spelesto terra incognita*.

Вспомним, что по завершении поэтического возраста Пишущий неизбежно обращается к прозе – и что Вертикальная Спелеология во многом подобна Поэзии; Горизонтальная – Прозе. В том, что Константин Борисович *Истинно Пишущий*, у меня лично сомнения нет. Слова “пещера” и “жизнь” для него не просто синонимы; они пожизненно сплетены для него с глаголом “писать”. То есть — Творить.

Вспомним — и возрадуемся за замечательного исследователя Мира Подземли, Писателя и Поэта – и прекрасного человека Константина Борисовича Серафимова.

Не будем горевать о смене декора, именуемого страной. Автор остаётся тем же — пожелаем ему Удачи.

: Его Экспедиция во Мрак продолжается, выходит на новый географический и знаковый уровень.

... Когда-то Константин Борисович начинал с подмосковных Сьян, Киселей и Никит. С красивейших лабиринтов Старицы. Наши камни хранят его следы.

Продолжение их запечатлелось в глубочайших пещерах бывшего СССР – и сейчас печатается на палестинских камнях, хранящих тысячелетний прах человеческой цивилизации.

: Если в своих будущих экспедициях Константин Борисович вернётся к спелестологическим корням (ибо этого трудно не сделать в тамошнем подземном мире)...

: ПАУЗА. Не будем гадать за других. А скажем иначе:

...: Какой же это праздник – спелестология! Какое многообразие постижения мира – история людей и история мастерства людей, вмещённая в геологическую историю планеты Земля,— но ведь при этом ещё просто буйный Праздник Творчества, Праздник Общения с Друзьями, радостный Кайф Подземного Отдыха,— машина времени, уносящая тебя “прочь от прокуренных стен!” —

— и при том: удивительный мир подземного Нечто, что – сам Космос и сама Вселенная с нашей жизнью и разумом, неразделённослитыми со всеми проявлениями жизни и разума в Мире...

: Слова Праздник, Познание, Радость, Кайф и Творчество для меня под землёй – ключевые.

Ключ даёт начало Источнику; Источник — Реке нашей жизни.

: О Crazy-I я мог бы рассказывать очень долго. Именно он подарил немало дивных приколов моему персонажу Сталкеру,— впрочем, приколов этих — печальных и радостных — было столько, что он и под собственным ‘ником’ фигурирует в ряде эпизодов моих книг. С ним вместе мы оборудовали один из самых известных никитских гротов — Девятку. В котором обитали несколько лет — дружно и счастливо. И до сих пор нас связывают очень тёплые отношения,— достаточно сказать, что строки эти я набираю на компьютере, по специальному моему заказу собранному им и его женой Инной.

Однажды он позвонил мне и сказал:

– Приезжай-ка срочно ко мне. Я сейчас в ‘нете’ сижу – так тут один человек до тебя домогается... И я бы не сказал, что “грязно”. По-моему, это именно тот, которого ты искал несколько лет. Да, ты уж извини — я тут немного погорячился... То есть послал ему некоторые твои вещицы... ну и как бы письмо, как ты и просил. Если ещё помнишь.

– Я приехал. И увидел на мониторе текст следующего письма:

«12 декабря 2003 года – Хайфа – Берег Средиземного моря.

Здравствуй, мой неожиданный Друг и Коллега!

Здравствуй, Сережа!

Привет тебе, Командор!

Слава Пещерному Богу – только его чту.

За то, что мы встретились.

В реале или нет – какая теперь разница? Никакой, потому что вот они – перед глазами твои строчки. А реал – он еще будет.

Вчера был у меня праздник, – я получил от тебя и Крэйзи письма, и вдруг отчетливо осознал, что всё – НЕ ЗРЯ.

Весь наш путь, все потери – НЕ ЗРЯ!

Я пил греческий коньяк, курил казахстанское "Медео" и смотрел на черное средиземноморское небо. А в голове вертелись старые строчки:

Как дорог друг, когда разлука близко,

Но мы об этом вслух не говорим,

А облака над Бзыбью ходят низко,

И звезды, будто чьи-то фонари...

Помнишь?

А звезды подмигивали мне – карбидкой на подземном ветру.

И в ночь стучались какие-то слова, а давно забытый сигаретный дым щекотал душу. Ведь я уже несколько лет как отложил в сторону последнюю пачку...

Я сидел под этими звездами и думал о всех нас.

И был счастлив.

Потому что в далекой Москве, моей любимой незабвенной Москве живут мои друзья. Те, с кем шёл на одной веревке, и те, с кем встретиться пришлось

только теперь – незнакомые и вместе с тем такие дорогие мне люди: Иван, Серега, Антон...⁴⁵

Потому что цепь нашего Дела не прерывается, прорастая звеньями одно в одно, и мы иногда вот так находим друг друга в Пути.

Потому что ты действительно НЕ ОДИН.

Вот такая штука.

Знаешь, не хватает слов, чтобы выразить всё это.

Я отправляюсь в добрую экспедицию по твоим страницам – на полное прохождение. Я уже там, я уже пробежал глазами, жадно выхватывая строки, имена, запахи и звуки – я знаю ЭТО, знаю и люблю!

Присылай всё, – я хочу всё. И спелеофантастику. ВСЁ.

Это классно, что ты успел уже так много. Это нужно и нам, и тем, кто будет ещё.

Я буду задавать вопросы, спрашивать, узнавать...

Не против?

Жму руку!

С благодарностью и уважением,

– КБСыч, он же Серафимов, он же Фантом.

Будем жить!

Если чем-то могу быть полезен – всегда.

Мой дом – твой дом, и в нем всегда найдется лишний спальник, кусок жареного мяса, стакан, свеча и сигарета.

И запасной свет. ☺»

* * *

– Я переслал ему “Катакомбный Мэйнстрим”. Увы: не эти страницы, – первый, ещё сырой, едва законченный вариант. Ибо когда писатель творит — не просто живёт, болеет своим текстом. Каждая написанная строка кажется точной и правильной, и единственно верной — какое-то время. А через неделю или месяц наступает литературное похмелье, и начинается настоящая работа со Словом. Которая, как в случае “Пенталогии” и “Мэйнстрима”, может растянуться на десяток лет.

: Пересылал в режиме онлайн – вдогон к посланному переправленные версии, затем новые, дополнительные главы, –

Тревожась затянувшимся ответным молчанием, думал: написанное не понравилось. Резкостью суждений и спелестологической моей ориентацией. Тем, что изменил вертикальным пещерам с “презренными” – по понятию многих вертикальных спелеологов – “катакомбами”.

: Всё-таки Константин Борисович избрал

⁴⁵ Имелся в виду Прохор – Антон Прохоренко. Крэйзи связал его с Серафимовым на день раньше, чем меня, поскольку до меня дозвонился только на вторые сутки.

вертикальную стезю нашей подземной жизни...

* * *

«Сережа, друг ты мой дорогой!

Ну, прости ты меня за такое затянувшееся молчание!

Нет, нет и ещё раз нет – не может написанное тобой вызывать неприятие!

Я очень благодарный читатель, и в критики не гожусь совершенно. Искра творчества, даже самая маленькая – удивительная радость. А тут целый костер! И я греюсь у него с благодарностью.

Моё молчание – не обращай на него внимания. Это просто недостаток времени. Просто хронический цейтнот. Не помню, говорил ли, но зарабатываю я спайс будучи садовником. Причем – частным. То есть абсолютно на полном самообеспечении. Благо, что места тут вечно зеленые. Как-то так получается, что в связи с периодическими дождями, график мой разорван, сплошные накладки. И хотя в сумме вроде меньше приходится работать, но состояния душевного комфорта достигнуть труднее. А без него не пишется.

Да и надоело мне в этой замороченной стране. Всерьез подумываю о возвращении, по крайней мере в Казахстан, где в Усть-Каменогорске до сих пор есть друзья, а вокруг стоят горы, где можно разжечь костер.

Хотелось бы – очень, перебраться поближе к Москве.

Но Россия-мама последнее время строит все новые преграды на пути...

Как тут не вспомнить: "Да вот только узнает ли Родина-мать, одного из заблудших своих сыновей?.."

Ты не представляешь, какая белая зависть охватывает меня при чтении твоих строчек: "Новый год... встретили в двух Системах одновременно!"

Душа истосковалась по подземле...

Сережа! Отбрось все сомнения... пиши.

Я всегда буду с удовольствием читать всё, что тобой написано и ещё будет!

И не только я, мы на этой планете не одиноки, есть и ещё родственные души.

Если же мне захочется поделиться важными, на мой взгляд, соображениями относительно каких-либо частных моментов, я поделюсь.

Не обращай внимания на мое молчание.

Наступит время, когда говорить станет легче.

Я хоть и молчу, но всегда на душевной связи...

Твоя новая глава пришла вовремя, я ещё не добрался до неё – всё в порядке!

А здоровье, комп... все это, слава Богам Пещерным, в порядке.

Спасибо за то, что не забываешь прислать мне только что написанное!

Ведь это продлевает жизнь рожденных нами миров...

А они так хрупки, будучи сосредоточены в одном каком-либо, даже самом казалось бы надежном месте. Так что присылай всё! Пусть оно живет и

у меня тоже. Хотя бы для увеличения гарантии сохранения, но главное – в доброй и очень благожелательной обстановке.

Вот пока всё.

Всегда очень рад письмам!

Удачи!

– КБСыч.»